

[Polaris]

Г. Л. Фальберг

ЗВЕЗДЫ ВИДЯТ
ВСЕ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXXIV

Salamandra P.V.V.

Г. Л. Фальберг

ЗВЕЗДЫ ВИДЯТ ВСЕ

Salamandra P.V.V.

Фальберг Г. Л.

Звезды видят все. Пер. с нем. Е. Никаева. Рис. В. Будаева.
– Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 195 с., илл. – (Polaris:
Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXXIV).

Фантастическое изобретение профессора Тербовена позволяет человечеству заглянуть в прошлое, а самому профессору – обнаружить затерянный город и древние сокровища. Можно ли предположить, что сильные мира сего останутся равнодушны? За аппаратом профессора начинается охота...

**ЗВЕЗДЫ
ВИДЯТ
ВСЕ**

1.

Роскошный черный лимузин замедлил ход, свернул направо, на Мариенштрассе, и с тихим урчанием остановился перед лавкой подержанных вещей. Красно-золотистые лучи осеннего солнца уже одели все в светлые и теплые тона; они словно обнимали людей своими огромными ласковыми руками, пытаясь отвлечь их мысли от приближающихся холодов и одиночества северной зимы.

Даже в этом деловом квартале города осенняя симфония красок, эта чудесно-печальная мелодия преходящего, заставляла прохожих поднимать глаза и задумчиво смотреть на бездонную и чистую синеву неба. Когда здесь к самым разнообразным запахам гавани начинает примешиваться дым из горящих каминов старого города и воздух наполняется своеобразным запахом сжигаемой картофельной ботвы, долетевшим сюда с пригородных огородов, мож-

но считать, что лето кончилось, и следует готовиться к зиме.

Все, казалось, дышало добротой и спокойствием; безмолвной, но искренней радостью светились лица людей; улицы и переулки были залиты теплым солнечным светом — создавалось впечатление, что это не старый район всемирно известного портового города, а какой-то идиллический уголок земли.

Дверца машины распахнулась, и человек, сидевший за рулем, направился в лавку старьевщика. Недолго ему пришлось стоять одному среди груды товаров, заброшенных сюда случайно из далеких заморских стран и связанных с чужими землями, людьми и судьбами, — не успел затихнуть мелодичный звон колокольчика, висевшего над дверью, как из боковой ниши навстречу ему вышел хозяин лавки.

— Чем могу вам служить? — спросил он незнакомца, человека среднего роста со своеобразно-темным лицом.

— Я ищу теплое зимнее пальто!..— И после короткой паузы добавил: — Для машины!

— Пожалуйста! Взгляните вот на эти! — Торговец показал на одну из вешалок и подошел к ней.

Окна в лавке были маленькие и узкие, поэтому здесь ничто не свидетельствовало о солнечном осеннем дне. К тому же многочисленные полки и вешалки для одежды препятствовали доступу падающего в окна света. В углах и нишах притаились тени, создавая вместе с запахом старой одежды угнетающую атмосферу, не ускользнувшую от внимания пришельца.

Торговец сдвинул в сторону несколько пальто и повесил впереди коричневое — кожаное. При движениях обнажились его руки, худые и длинные, желтые, как воск, и резко контрастировавшие с загорелыми и мускулистыми руками его клиента. Тот скользнул по пальто беглым взглядом и небрежно махнул рукой.

— Только не кожаное, меня интересует пальто из сукна.

— Пожалуйста, как вам угодно! — услужливо ответил торговец и предложил другое пальто.

«А выбор действительно большой», — подумал покупатель.

На этот раз ему было предложено теплое коричневое драповое пальто. Цена была не очень высокой. Он примерил его.

— Я беру, — сказал он, довольный, и снял пальто.

Торговец, словно ему было холодно, потер свои блеклые руки, принял пальто и повернулся с ним в сторону прилавка. Покупатель вынул бумажник. При этом взгляд его остановился на другом — элегантном синем суконном пальто. Он замер в неподвижности. Потом, не спуская глаз, подошел поближе. Бумажник он в нерешительности держал в руке. Быстрым движением незнакомец откинул полу пальто, так что можно было увидеть дорогую шелковую подкладку, и, немного наклонившись вперед, посмотрел на фирменную этикетку: И. Проски, Варшава. Пальто было сшито в Польше. Искоса бросив быстрый взгляд на хозяина лавки и убедившись, что тот занят упаковкой, он осторожно и нерешительно начал обследовать карманы пальто. В одном из внутренних карманов он нашел смятую бумажку, на которой было что-то написано, и быстро сунул ее к себе в карман. Затем медленно обернулся. Лицо его было мертвенно-бледным. Еле шевеля тонкими губами, он тихо спросил:

— А сколько стоит это синее пальто?

— Это! Ну, это пальто недешевое. Отличное сукно, мало поношено, — ответил торговец, продолжая аккуратно перевязывать пакет. При этом он не заметил даже, что лицо покупателя так разительно изменилось.

— Меня удивляет, почему люди так часто расстаются со своими вещами, — заметил покупатель. — Это пальто, наверное, принадлежало какому-нибудь пожилому аристократу, не так ли? — Настороженно он посмотрел на торговца в ожидании ответа.

— Да нет, вы ошибаетесь. Это пальто несколько дней назад принес простой матрос, — ответил торговец и, подняв глаза, протянул покупателю пакет. Расплачиваясь, тот небрежно спросил:

— А вы знаете этого матроса?

Торговец на какое-то мгновение застыл с протянутой рукой, потом быстро поднял голову и с удивлением взглянул на своего клиента.

— В моем магазине не принято спрашивать имена людей, которые продают мне свои вещи! А почему это вас так заинтересовало?

Он спросил об этом недоверчивым тоном, прищутив глаза. В этот момент каждый мускул его был готов к обороне. Почти автоматически он протянул руку к кассе и дал покупателю сдачу. Тот, беря деньги, заметил с наигранным равнодушием:

— Мне просто показалось странным, что такое дорогое пальто продал простой матрос.

— Да, вы правы. Тут можно лишь разводить руками и строить догадки! — Торговец был явно обрадован, что этот вопрос, видимо, не так уж волновал его клиента.

Тот в ответ лишь что-то неразборчиво буркнул и повернулся к двери. Потом снова обернулся, словно собираясь что-то сказать, но, наверное, раздумал, и приложив пальцы к фуражке, вышел из лавки. Торговец поклонился и с неприязненным выражением лица закрыл за ним дверь.

Погода между тем успела измениться. На горизонте скопились плотные темные тучи, быстро и угрожающе надвигавшиеся на солнце. Духота давила, вода в канале была словно расплавленный свинец. Печально катились темные волны, с тихим плеском ударяясь о берега, эти звуки были слышны и здесь, на улице. Время и бедность сделали портовый квартал города серым и мрачным. На лакированную поверхность автомобиля упали, разбившись об нее, первые крупные капли дождя.

Быстрым шагом человек подошел к машине, распахнул дверцу и, бросив на сиденье пакет, сел за руль. Взыл мотор. Большая черная машина свернула налево и с большой скоростью помчалась по улице. Отлично ориентируясь в лабиринте кривых припортовых улочек, человек вскоре достиг центральной артерии города и, развив бешеную скорость, полетел, обгоняя другие машины.

Вскоре он оказался в тихом районе частных вилл и наконец внезапно остановился перед воротами с чугунной решеткой, за которыми находился сад, скрывавший небольшой особняк.

2.

Порывистый морской ветер разгуливал по улицам, со злостью ударяясь о стены домов. Стучали черепицы, оконные ставни вторили этой адской симфонии ночи. С резким скрипом покачивался на ржавой проволоке уличный фонарь, висевший над водостоком, по которому ураганный ветер гнал маленькие круглые волны, разбивавшиеся падавшими каплями дождя и исчезающими в уличной грязи. Сквозь завесу низвергавшегося на землю дождя смутно виднелись контуры домов и сараев. Эта дикая ночь сделала и без того пользовавшуюся дурной славой улицу на Западной набережной еще более мрачной и зловещей. Лишь изредка можно было увидеть промокнувшего насквозь прохожего, с трудом пробиравшегося по скользкой мостовой. А вскоре исчез и последний, проглоченный темнотой. И снова слышались лишь скрип фонаря да шум дождя, бившего по деревянной стене длинного складского помещения. Это здание протянулось на целый квартал. А напротив него стояло несколько деревянных домов, покосившихся и запущенных, — это можно было заметить даже в слабо мерцающем свете уличного фонаря.

Но вот распахнулась маленькая дверь в темной подворотне, и из нее вышли двое мужчин. Дверь снова со скрипом затворилась за ними. Глубоко надвинутые на лоб шапки и слабый косой свет уличного фонаря не позволяли разглядеть лица этих людей.

Глухо завывал ветер, издалека доносился неумолчный рокот моря. Дождь несколько поутих, и двое неизвестных уже хотели было выйти из своего убежища, как с правой

стороны, в темноте, слышались чьи-то шаги. Оба снова бесшумно нырнули с защитную темноту подворотни.

Шаги стали слышны отчетливей, и наконец в свете уличного фонаря появилась стройная фигура молодой женщины, пытавшейся побыстрее миновать этот злоеущий переулок. Закутанная в плащ, с которого стекала вода, с капюшоном на голове, она быстро шагала, приближаясь к тому месту, где уличный фонарь нарисовал на мостовой большой светлый круг.

В этот момент из темноты подворотни вынырнули две темные фигуры и последовали за женщиной. Сперва их шаги заглушались шумом непогоды, но когда они уже почти настигли девушку, она вздрогнула и с испугом обернулась. Видя, что ничего хорошего ее не ожидает, она метнулась к противоположной стороне улицы и громко закричала, зовя на помощь, но ее крик потонул в шуме дождя и ветра. Ока снова закричала и попыталась ускользнуть от неизвестных, но парни настигли ее.

Справиться с девушкой оказалось не так-то просто, и они очень скоро это почувствовали. Девушка была ловкой и увертливой, а отчаяние, видимо, удесятерило ее силы. Правда, двум мужчинам она противостоять все равно не могла, но, на ее счастье, в этот момент в темном переулке слышались громкие и быстрые шаги. Что-то громко крича, к месту происшествия приближался неизвестный человек. Собрав последние силы, девушка вырвалась из рук преследователей и побежала на голос, донесшийся из темноты. Оглашая воздух проклятиями, оба неизвестных бросились вслед за ней. Внезапно девушка споткнулась и упала на мостовую. Но когда преследователи нагнулись над ней и хотели было ее схватить, спешивший на помощь уже тоже успел подбежать к этому месту. В темноте ночи он казался огромным и страшным. Вспыхнул яркий луч карманного фонарика — ослепленные бандиты отступили назад, в темноту, и та поглотила их прежде, чем луч фонарика смог полностью поймать их. Тогда пучок света был направлен на лежащую посреди мостовой фигуру. Девушка лежала в грязи портовой улицы, глаза ее были закрыты.

— Проклятые собаки! Неужели я все-таки опоздал!!

Человек в ярости заскрежетал зубами, огляделся в поисках помощи и поднял девушку, не проявлявшую признаков жизни.

— Будем надеяться, что это всего лишь обморок, — пробормотал он про себя и принялся мучительно размышлять: что же теперь делать? Хрупкую и потерявшую сознание незнакомку он держал в своих крепких и мускулистых руках. Ее плащ распахнулся, обнажая плечо, и свисал до самой земли — во время борьбы оторвались почти все пуговицы.

«Кто она?» — подумал неизвестный, чувствуя теплоту ее тела. Платье девушки было из мягкой и гладкой материи. Мужчину схватило какое-то странное чувство — радости и неуверенности. Он крепко прижал ее к себе и стал пристально вглядываться в темноту, но ничего не увидел, кроме безмолвных силуэтов мрачных домов, и ничего не услышал, кроме завываний ветра да скрипа покачивающегося уличного фонаря.

Твердым размеренным шагом человек направился обратно и вскоре вышел на широкую оживленную площадь. Почувствовав себя более уверенно, он облегченно вздохнул, замедлил шаги и остановился под освещенными окнами матросского кабака. Потом осторожно повернул голову девушки лицом к свету. Красная полоса тянулась от левой брови и исчезала в темных, слипшихся от крови волосах. Даже в таком состоянии девушка казалась необыкновенно красивой. И тогда с волнением в душе он задал себе вопрос: что могло побудить эту девушку отправиться в ночное время по этому страшному переулку?

В этот момент распахнулась дверь кабака. Из него потянуло пивом и сигаретным дымом. Крики и визгливые женские голоса вывели его из задумчивости. И когда в светлом проеме двери появилась фигура пьяного матроса, он снова крепко прижал к себе свою ношу и быстро зашагал дальше, лихорадочно размышляя о том, где бы найти врача. Он миновал уже несколько мрачных темных переулков и в конце улицы, где было хорошее освещение, увидел белую табличку, на которой написано: «Ф. Кубэ, врач и акушер».

Человек остановился и посмотрел на фасад дома. Но он не многое увидел. Просто дом этот казался менее угрю-

мым и заброшенным, чем соседние. Глаза неизвестного беспомощно скользнули по бледному лицу девушки, снова посмотрели наверх, на темные окна. Не спуская с рук своей ноши, он решительно дернул медную ручку. Ночную тишину разорвал резкий звон колокольчика.

Но прошло довольно много времени, прежде чем на верхнем этаже распахнулось окно и прерываемый короткими покашливаниями голос спросил:

— Чего вы хотите? Вы что ж, полагаете, что мне больше нечего делать, как приводить в чувство пьяных девок, да еще — ночью?

На какое-то мгновение человек смутился и не знал, что ответить. Но у него не было выбора, он наконец собрался с духом и сказал довольно громко и резко:

— На эту женщину напали бандиты, и она, по всей вероятности, тяжело ранена, она без сознания!

— Знаю я их, этих несчастных! Всегда-то на них нападают и избивают! А у меня здесь не благотворительный институт. Уходите-ка подобра-поздорову и оставьте меня в покое!

— Я требую, чтоб вы немедленно открыли дверь и оказали женщине помощь! — энергичным тоном заявил незнакомец, а потом добавил: — Разумеется, ваши труды будут вознаграждены!

— Подождите, я сейчас спущусь!

С легким стуком окно снова затворилось. Прошло несколько минут, пока внутри дома раздались шаги. Заскрипели ступеньки лестницы, кто-то, шлепая туфлями, медленно подошел к двери. В окошке, расположенном над входной дверью, замерцал тусклый желтый свет. Было слышно, как в замке повернулся ключ, а потом послышались какие-то скрежещущие звуки, которые позволили ожидавшему за дверью человеку предположить, что отодвигается тяжелый железный засов.

Наконец дверь медленно приоткрылась.

Настороженно и беспокойно смотрели в черноту ночной улицы темные глаза.

Тем же настороженным взглядом хозяин посмотрел на незнакомца с девушкой на руках и лишь после этого окончательно раскрыл дверь, а сам, хромая, отступил в сторону.

— Прошу вас! Входите! Что с ней? — коротко спросил он.

Незнакомец не ответил, лишь кивком головы показал на потерявшую сознание девушку. Врач равнодушно пожал плечами, тщательно запер дверь и пошел вперед по выложенному каменными плитами коридору. В помещении стоял неприятный сладковатый запах. Врач открыл одну из дверей с левой стороны, и в тот же момент из комнаты в коридор хлынул поток яркого света.

Незнакомец молча последовал за врачом в приемную. Тот показал ему на стоящий в углу диван.

— Положите ее туда!

Пока незнакомец осторожно укладывал девушку на диван, врач придвинул стеклянный столик с инструментами и включил лампу над диваном. Он осторожно повернул лицо тихо стонавшей пациентки к свету. Девушка на мгновение приоткрыла глаза, но, ослепленная яркой лампой, снова их закрыла. На мокрые от дождя и слегка льющиясь волосы из раны все еще сочилась кровь. Врач положил голову девушки повыше, внимательно осмотрел рану и, искоса взглянув на незнакомца, сказал, покашливая:

— На этот раз все обойдется!

Человек облегченно вздохнул. Его глаза, которые до сих пор с немым вопросом смотрели на врача, теперь с неподдельным интересом разглядывали девушку.

«Собственно говоря, красивой ее не назовешь, — подумал он. — Но что-то делает это лицо с мелкими чертами очень привлекательным. Женское обаяние! Нет, все дело, наверное, в известной гармонии и пропорции!»

Врач выпрямился.

— Ну вот, рану я промыл! Теперь осталось перевязать ее и...

Незнакомец перебил его:

— Она сможет прийти домой одна, когда очнется? — И, не дожидаясь ответа старика, добавил: — Я незнаком с этой девушкой и, к сожалению, не могу больше ждать.

Старик резко повернул голову. Лысый череп, греческий нос и хищные глазки делали его похожим на коршуна, подкарауливающего свою жертву.

— Идти она не сможет, придется вам разориться на такси, — сказал он с иронией.

Незнакомец открыл бумажник и коротко спросил:

— А сколько я должен вам за труды?

Старик повернулся к письменному столу, на котором в беспорядке лежали бланки для рецептов, пустые коробки из-под ампул, книги. Между всем этим — баночки с мазями, бутылки и наполненная до краев пепельница.

С равнодушным лицом он назвал довольно крупную сумму и добавил, словно в оправдание:

— Сейчас ночь, сами понимаете! Работы хватает и днем!

При этих словах уголки рта незнакомца на какое-то мгновение презрительно опустились вниз. Он молча положил деньги на письменный стол и уже на ходу стал застегивать свой плащ. При этом он посмотрел, словно прощаясь, на девушку, лежащую на диване. Старик все еще возился у письменного стола и, лишь услышав, как хлопнула входная дверь, он, шлепая своими туфлями, поплелся к двери, чтобы закрыть ее на засов.

Выйдя из дома, человек остановился и поднял воротник плаща. Дождь перестал. По небу мимо серебристой луны ветер гнал светлые обрывки туч.

Неизвестный взглянул на светящийся циферблат ручных часов и удивленно присвистнул:

— Черт возьми, а уже поздно!

Не оглядываясь, он отправился в обратный путь: миновал матросский кабачок и направил стопы в сторону переулка на Западной набережной.

На том месте, где на девушку было совершено нападение, он непроизвольно замедлил шаги; все вокруг было тихо и спокойно. Тогда он отправился дальше и после короткого раздумья свернул в узкий переулок со старыми

двухэтажными домами каркасного типа. Пахло рыбой, дымом и пищевыми отходами. Здесь жили моряки и портовые рабочие.

Луч карманного фонарика скользил по темным домам, словно выискивая что-то, улица пульсировала и клочкотала. Детский плач и чья-то ругань смешивались с приглушенной мелодией песни, с лаем и жалобными завываниями собаки.

После недолгих поисков человек перешел улицу и направился к одному из домов. На его стук в первом этаже приоткрылось окно, и женский голос спросил:

— Кто там?

— Я разыскиваю Класа Стина. Он здесь живет?

— Да, это мой сын. А что вам от него нужно?

— Я должен с ним поговорить. Он дома?

Женщина замаялась, видимо, не зная, что ответить, но в этот момент на лестнице послышались чьи-то тяжелые шаги, дверь распахнулась, и в слабо освещенном проеме появилась массивная мужская фигура.

— Вы хотите со мной поговорить? Входите, на улице сейчас холодно! — И вразвалку, походкой моряка, он пошел впереди, открыл одну из дверей и пригласил гостя в комнату.

3.

Желтый свет лампы преломлялся в шлифованном стекле винных рюмок. Хрусталь и вино рисовали на белоснежной скатерти стола золотистые пятнышки со светлыми искрящимися лучами. Теплым блеском отпивала жемчужно-матовая чайная чашка. Она стояла на столе, чинная и спокойная, такая же спокойная, как и рука, которая протянулась к ней. Эта холеная рука принадлежала известному хирургу д-ру Бергеру. Не вставая со своего места, он немного подался вперед. Свет от торшера бросил при этом

светлые блики на его гладко зачесанные назад волосы. Стекла очков в роговой оправе сверкнули при этом.

— Почему задерживается Тербовен?

Д-р Бергер задал этот вопрос хозяину дома, адвокату Яну Хофстраату, который тоже сидел в глубоком кресле и задумчиво следил за дымком из своей трубки. Он ответил не сразу, все так же задумчиво продолжал он смотреть, как поднимался и вновь опускался серый дымок, образуя нежные маленькие облачка, вспыхивал серебром, попав в круг света, образованный лампой, и, продолжая плыть дальше, сливался с голубоватым дымком от сигареты, которую курил редактор Рене Роньяр, третий человек, сидевший за маленьким изящным курительным столиком в кабинете Хофстраата. Роньяр, родившийся на юге Франции, был темноволосым веселым и остроумным человеком. Рядом с высоким и стройным врачом и грузным адвокатом он казался маленьким и хрупким.

Вместо адвоката ответил Роньяр:

— По всей вероятности, что-то случилось! Когда я сегодня разговаривал с ним по телефону, он был очень взволнован. С Петером Тербовеном это редко бывает.

Хофстраат взял рюмку и благоговейно отпил немного вина. Медленно ставя рюмку обратно на стол, он сказал:

— Правильно. И мне не хотелось бы пока ничего добавлять. Подождем его самого. Дело чрезвычайно важное, и ему хочется посоветоваться с нами.

Хофстраат, как всегда, хорошо владел собой — лицо его было непроницаемо и спокойно.

— А по какому вопросу он хотел с нами посоветоваться? — спросил д-р Бергер.

— Не знаю. Я могу лишь сказать, что речь пойдет о его отце.

Трое задумались и замолчали. Хофстраат не хотел касаться подробностей, а возможно, он действительно больше ничего не знал. Размеренным движением он выбил пепел из трубки в пепельницу.

Наконец Роньяр, заинтригованный, не выдержал и спросил:

— Может, появилась новая версия? Или он какие-нибудь следы?

Адвокат в ответ лишь пожал плечами.

— Не знаю. Подождем его прихода.

Роньяр, довольно улыбаясь, небрежно спросил:

— К чему такая таинственность, дорогой Хофстраат? Ведь сейчас уже ни для кого не тайна, что у д-ра Нево имеются определенные намерения.

Бергер удивился:

— Намерения? Какие намерения?

Но на Хофстраата слова Роньяра, казалось, не произвели никакого впечатления. Он спокойно ответил:

— Ну и что? — При этом он испытующе посмотрел на редактора.

Тот, несколько не смутившись, заглянул в свою рюмку, элегантно движением стряхнул пепел с сигареты и ответил без своей обычной игривости, сильно растягивая слова:

— Я вряд ли ошибаюсь. Переняв научное наследие профессора, он пытается теперь стать его преемником и в личной жизни.

— В этом нет ничего удивительного, но добьется ли он успеха, — вот в чем все дело! — ответил Хофстраат почти равнодушно.

— Не будьте так наивны, Хофстраат. Вы, как специалист по бракоразводным делам, должны знать женщин, — насмешливо заметил редактор.

Бергер возмутился:

— Вы же знаете госпожу Тербовен! Как вы можете утверждать такое? Нет, это невозможно!

— Я вообще ничего не утверждаю. Просто, мы, репортеры, очень хорошо информированы.

— Вы, дорогой Роньяр, совершаете ошибку, вынося суждения обо всех женщинах на основании своего опыта.

Бергер добавил:

— Кроме того, госпожа Тербовен — не вдова, ее супруг не умер, а только исчез! Так ведь, Хофстраат?

Тот кивнул в знак согласия.

Роньяр промолчал. Он откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и сказал многозначительно:

— Что ж, может быть, Нево знает обо всем этом лучше!

Бергер удивленно посмотрел на Хофстраата, тот ответил на его взгляд. Он машинально взялся за очки, неторопливо протер их стекла и сказал, чтобы нарушить гнетущую тишину:

— Хофстраат, вы, как бывший друг профессора Тербовена, должны лучше всех знать подробности. Мне, к сожалению, известно очень мало. Расскажите нам, что вы знаете.

— Что ж, как вам угодно, но с чего начать?

— С тех пор как профессор уехал в Мексику, прошло уже шестнадцать месяцев.

— И до сегодняшнего дня все меры, предпринятые к его розыску, не принесли результатов, — добавил Роньяр.

— Он как сквозь землю провалился!

— Да, и расскажите нам, почему ваш друг вообще решил отправиться в эту экспедицию. Ведь он был физик, насколько я знаю.

— О целях этой экспедиции известно очень мало: я знаю только, что Тербовен хотел произвести раскопки на полуострове Юкатан в надежде найти там памятники национальной культуры, — ответил Роньяр вместо Хофстраата.

Тот кивнул.

— Да, Роньяр прав! Профессор Тербовен был физиком. Руководителем института лучевой энергии здешнего университета. Поддержка государства позволила ему провести ряд блестящих опытов. Днями и ночами сидел он у своих аппаратов. Потом его имя появилось в газетах — Тербовен сделал крупное открытие. Сам он говорил о своем открытии очень мало — он был чрезвычайно скромным человеком. Кроме того, у него, вероятно, имелись причины не рекламировать свое изобретение.

Но потом неожиданно для всех институт закрыли. В целях экономии! Тербовен протестовал, ссылаясь на то, что его изобретение откроет перед историческими науками неслыханные перспективы, поскольку с помощью его

аппарата теперь можно было сделать намного более точные исследовательские работы, чем до сих пор. Но его протест не помог. Видимо, правительство не оценило его изобретения.

После этого Тербовен обосновался в своем доме на Вильгельм-Парк-Вег, устроив там свою собственную скромную лабораторию. Здесь он и продолжал работать со своим ассистентом, д-ром Нево, который остался верен ему. Но, по всей вероятности, работа двигалась не так успешно — профессору не хватало средств.

Хофстраат замолчал и стал задумчиво набивать трубку. В наступившей тишине было слышно, как на улице бушевал ветер, яростно трясая окна огромными невидимыми руками. По стеклам барабанил дождь.

Роньяр прислушался.

— Какая жуткая сегодня погода!

В этот момент слышались гулкие и сочные удары больших часов, стоящих в кабинете. Бергер поднял глаза.

— Что? Уже так поздно? А Петера Тербовена все еще нет!

— Да, странно, — согласился с ним Хофстраат. — Я позвоню ему.

Он положил трубку на пепельницу и подошел к телефону.

Тихо жажужжал телефонный диск. Хофстраат ждал. Сидящие в креслах журналист и доктор ясно слышали монотонные гудки, доносившиеся из трубки.

— В лаборатории его нет, — наконец сказал адвокат и набрал другой номер. Спустя какое-то время на том конце провода сняли трубку. Хофстраат назвал свое имя и попросил к телефону Петера Тербовена. Выслушав лаконичный ответ, он поблагодарил и повесил трубку.

— Госпожа Тербовен уже легла спать, а Петер, говорят, ушел в полдень и до сих пор не возвращался.

— Странно! Должно быть, случилось нечто непредвиденное, иначе бы он наверняка пришел, — сказал адвокат, и на его лице, которым он всегда так отлично владел, на какое-то мгновение появилась тревога и озабоченность.

Роньяр вытянул губы и коротко свистнул — как делал всегда, если ожидал сенсации. При этом его глаза настойчиво пытались поймать взгляд адвоката.

— Зачем сразу же думать о плохом? — воскликнул Бергер, несколько рассерженный. — Идите лучше сюда, Хофстраат, и рассказывайте дальше!

Хофстраат снова сел, выпил вино и лишь потом продолжил:

— Вы, наверное, еще помните, как нас всех удивило известие о внезапном отъезде Тербовена.

Роньяр подтвердил его слова:

— Помню, что тогда в интересах своей газеты, я пытался сделать все возможное, чтобы выяснить истинные причины, заставившие профессора физику принести в жертву археологии. — И, пожав плечами, добавил: — Нево до сих пор утверждает, что не знает этих причин, хотя он был правой рукой профессора.

— Как бы то ни было, — перебил его Хофстраат, — а Тербовен вместе с Нево выехал из Роттердама на корабле голландско-американской компании, направлявшемся через Гавану в Веракрус. Там он занялся приготовлениями. Для поездки вокруг полуострова Юкатан — цель его экспедиции находилась недалеко от северной границы Гондураса — он зафрахтовал распространенный в Карибском море небольшой моторный парусник. Нанятая им команда была довольно пестрой: несколько мексиканцев, два мулата и повар-китаец. Нево привез из Веракруса штурмана — единственного европейца экспедиции, не считая профессора и его ассистента.

Приблизительно через месяц — как раз к концу дождливого периода — приготовления были закончены. Правда, отплытие задержалось на несколько дней, так как Нево смог приобрести заказанный ему профессором радиопередатчик лишь в Мехико-Сити. Но как только он прибыл на борт с этим передатчиком, они отплыли. В Прогресо, главном порту полуострова, они сделали остановку — Тербовен хотел испросить разрешения для своих археологических изысканий у губернатора, резиденция которого находи-

лась в Мериде. В столицу профессора никто не сопровождал. Против ожидания, губернатор проявил большой интерес к экспедиции. Профессор получил не только разрешение, но и уверения в том, что и в дальнейшем ему будет оказываться поддержка. Спустя несколько дней он уже снова был в Прогресо, и поездка вдоль побережья продолжалась. Они обогнули мыс Катохе и поплыли на юг, вдоль восточного побережья Юкатана. Наконец, приблизительно в двухстах километрах к северу от границы Гондураса, они достигли тихой бухты, глубоко вдающейся в сушу и окруженной девственными лесами. От этой бухты и начался их поход в глубь страны. Корабль остался стоять в бухте с двумя мексиканцами на борту.

Хофстраат снова замолчал и, несколько раз энергично потянув из своей трубки, выпустил изо рта клубы дыма. Потом добавил, объясняя:

— Я так хорошо знаю обо всех этих подробностях, потому что интересовался этим вопросом после загадочного исчезновения профессора. По просьбе его жены.

Роньяр повернулся к д-ру Бергеру и любезно сказал:

— Если вас все это заинтересовало, дорогой друг, я достану вам соответствующие номера моей газеты, в ее отчетах рассказывается обо всем еще более подробно, чем вы только что слышали!

После небольшой паузы адвокат продолжил свой рассказ:

— Тяжел и долог был их путь на запад через глухомань. Густые девственные леса, усеянные бесчисленными болотцами и сплошь увитые лианами, сменялись безводными степями. Углубившись километров на пятьдесят, экспедиция достигла наконец своей цели — руин древнего города. О существовании этих руин не знало даже мексиканское правительство. Можно предположить, что профессор увидел этот город во всем его великолепии во время своих опытов здесь, в Европе, на экране изобретенного им устройства. Вероятно, это был крупный город, со множеством дворцов и с большим населением. Тербовену, наверное, довелось увидеть на экране и гибель этого города. Во вся-

ком случае, этим можно было бы объяснить внезапно вспыхнувший в нем интерес к археологии.

— А к каким временам относился этот город? — с любопытством спросил д-р Бергер. — Ко временам ацтеков?

Хофстраата опередил Роньяр:

— Нет, д-р Нево считает этот город более древним. По его мнению, это — первая столица древнего государства майя, возникшего еще во втором веке нашей эры.

— Судя по всему, вы, дорогой Роньяр, осведомлены обо всем, благодаря д-ру Нево, гораздо лучше меня. Прошу вас, рассказывайте дальше! — и Хофстраат откинулся на спинку своего удобного кресла.

— Да рассказывать-то здесь уже почти нечего. У Тербовена был собственноручно изготовленный им набросок, согласно которому они отыскивали и откапывали. Работа двигалась медленно, но профессор, казалось, был доволен результатами. А потом все кончилось. Тербовен, имевший обыкновение уходить на поиски один, однажды не вернулся назад. Розыски, тотчас же организованные Нево, ни к чему не привели. Пропавший словно сквозь землю провалился. Не было найдено ни малейшего следа, который мог бы подсказать, что стало с профессором. Через два месяца после этого происшествия его ассистент направился в обратный путь, к побережью. Без всяких приключений он добрался до бухты. Путь на родину лежал снова через Веракрус. Позднее мексиканские власти вновь организовали поиски, был использован каждый шанс внести ясность в это таинственное дело. Но все было безуспешно, даже шаги, предпринятые губернатором Юкатана. Профессор Тербовен исчез. Нево вернулся назад и продолжил работу профессора. Хотя госпожа Тербовен и не верила в гибель своего супруга, она поддалась уговорам Нево и продала ему лабораторию.

— Но дом ведь остался за госпожой Тербовен? — поинтересовался Бергер.

— Нет, она продала его вместе с лабораторией!

— Трагический исход экспедиции принес с собой и финансовые трудности, так что она просто была вынуждена продать дом.

— А что стало с изобретением профессора? — снова любопытствовал Бергер.

— Над ним продолжает работать д-р Нево.

— А разве сын не мог продолжать дело отца? Ведь патент, наверное, стоит огромных денег? — спросил редактор.

— Петер Тербовен, как он мне сказал, сам стоит на пороге большого открытия. А Нево, как бывший помощник его отца, имеет долю в патенте, он один был в курсе всех работ, ко всему прочему, продать лабораторию и дом вынудили Петера денежные трудности, о которых я уже упоминал.

Хофстраат сделал паузу.

— Петер хочет после окончания своих работ отправиться в Мексику и все выяснить сам.

Он считает, что Нево в свое время принял не все меры, чтобы найти его отца, и надеется, что сможет еще разрешить эту тайну. Если бы он пришел сегодня, он бы рассказал вам обо всем более подробно и интересно.

Хофстраат замолчал. Задумчиво повернулся он в сторону часов, их монотонное глухое тиканье наполняло помещение.

— Сейчас очень поздно... Я думаю, что он уже не придет, — сказал он.

Все снова непроизвольно прислушались к вою ветра и шуму деревьев в парке. Роньяр поднялся, Бергер тоже, казалось, уже собрался домой. Внезапно зазвонил телефон. Какое-то мгновение все трое испуганно и вопросительно смотрели друг на друга. Наконец Хофстраат снял трубку, Бергер и Роньяр с волнением смотрели на него. Прошли томительные минуты, прежде чем Хофстраат снова положил трубку на место.

— Звонил Петер Тербовен. Из телефонной будки. Ему удалось узнать кое-какие факты, которые позволяют смотреть на исчезновение его отца под совершенно другим уг-

лом зрения. Больше он ничего не сказал. Хотя, нет, он просил его извинить — сегодня он не придет!

4.

— Значит, вы и есть Клас Стин? — удостоверился незнакомец, закрыв за собой низкую дверь, ведущую в комнату.

— Да, я Клас Стин. А вы, наверное, тот человек, который должен принести деньги!

Незнакомец от неожиданности остановился посреди комнаты. Этот вопрос настолько его ошеломил, что в первую минуту он даже не знал, что ответить. Какое-то время он лишь молча смотрел на плотную фигуру моряка. Тот выплюнул жвачку и недовольно проворчал:

— Он же хотел прислать женщину.

Гостю нельзя было возбуждать подозрений у моряка — только в этом случае он мог у него узнать, что его интересовало. Он неуверенно пробормотал:

— Да, да, но обстоятельства изменились... Сколько вы должны были получить?

— Пятьсот долларов! Уж не собираетесь ли вы торговаться? — Вызов был и в голосе моряка, и в его позе.

Их взгляды встретились. Гость нерешительно сунул руку в карман плаща и вынул оттуда смятую записку. Не спуская глаз с моряка, он молча протянул ее. Тот взял записку и с равнодушным видом положил ее на стол. Это была расчетная квитанция, выданная боцману Класу Стину парходной компанией «Рэд Стар» в Антверпене.

Казалось, что Стин совсем не удивился. Его красное лицо оставалось таким же равнодушным, когда он спросил:

— Ну, а где же деньги?

Отдавая Стину квитанцию лесой рукой, незнакомец уже успел сунуть правую в карман плаща. Сейчас она находилась там.

Он медленно отступил на несколько шагов.

— Вы ошиблись, Клас Стин! Я не принес вам никаких денег! — И, подчеркивая каждое слово, добавил с угрозой: — И меня никто не уполномочивал передать вам плату за молчание!

Стин смутился и ничего не ответил. Раскрыв рот, он уставился на незнакомца недоверчиво глупым взглядом. Странной казалось беспомощность этого крепкого человека. Его рука, похожая на лапу огромного животного, машинально опустилась на спинку стула. По-прежнему удивленно уставившись на незнакомца, он подтянул стул поближе к себе и схватился за него обеими руками, словно пытаясь этой поддержкой вернуть самообладание.

— А совесть-то у вас, кажется, не совсем чиста!

Незнакомец стоял теперь с уверенным видом — вопрос прозвучал в ушах моряка, словно удар хлыста, со свистом рассекающего воздух.

— От кого вы должны получить деньги! Выкладывайте!

Он с лихорадочным волнением посмотрел на фигуру своего противника и в ту же секунду понял, что совершил ошибку, задав этот вопрос, — он позволил моряку вновь обрести самообладание. Лицо его презрительно скривилось в ухмылке, и он даже присвистнул сквозь зубы. Потом, покачивая головой, он взглянул на расчетную квитанцию, лежащую на столе, и пробормотал:

— Какой я осел!

Внезапно, словно приняв решение, он повернулся к незнакомцу.

— От меня вы ничего не узнаете! Да я ничего и не знаю!

Его прежде испуганный и застывший взгляд сменился спокойным и решительным.

— Можно принять меры, которые заставят вас говорить, — попытался припугнуть его незнакомец.

— Сперва вам нужно кое-что доказать. Не так ли?

Незнакомец понял, что поединок проигран. Не спуская со Стина глаз, он быстро отступил к двери.

— Мы еще встретимся, Клас Стин!

С ядовитой усмешкой на губах моряк неподвижно стоял посреди комнаты. И лишь когда шаги ночного гостя прозвучали по неровной мостовой портовой улочки и затихли сдали, он вновь обрел покой.

Незнакомец быстро шагал по переулку. Взмолнованный и недовольный постигшей его неудачей, он все время размышлял с встрече с моряком, лихорадочно раздумывая, каким образом можно узнать имя человека, заплатившего Стину за молчание.

Из раздумий его вывел какой-то скрип. Он вздрогнул, поднял голову и вновь увидел фонарь, покачивающийся на ржавой проволоке. В третий раз сегодня он очутился под его тусклым светом. Он произвольно замедлил шаг. Ему показалось, что он догадывается кое о чем. Ему только что сказал Стин: «Он же хотел прислать женщину». «А ведь Стин, по всей вероятности, ждал женщину сегодня, — подумал он и сразу же решил: — Это она! Это та девушка, которую я отнес к врачу!» При этой мысли его бросило в жар. Не замедляя шага, он взглянул на часы. «Сейчас я все выясню», — подумал он. Но уже в следующую секунду им овладели сомнения.

...И вновь он очутился перед домом врача. На этот раз позвонил не раздумывая. И вновь по всему дому разнесся резкий и неприятный звон колокольчика. Правда, теперь тяжелый засов был отодвинут буквально через несколько секунд, в замке со скрежетом повернулся ключ, и в узкой полоске приоткрывшейся двери показалось хищное лицо старика.

— Впустите меня, я должен срочно переговорить с этой девушкой!

Пока врач запирает входную дверь, незнакомец, не ожидая его, быстро промчался по коридору и открыл дверь в приемную. Здесь все было так же, как и два часа назад, только... только девушки больше не было. Незнакомец в растерянности остановился.

— Послушайте, а где же девушка? — Он разочарованно повернулся к старику. — Почему вы не сказали мне сразу, что она ушла?

Врач уже стоял рядом с незнакомцем. Загадочно и насмешливо улыбаясь, он внимательно посмотрел на гостя и ответил:

— Обморок ее прошел очень быстро. И так же быстро она обнаружила, что у нее пропали пятьсот долларов!

Он немного помолчал, а потом добавил:

— Она собиралась сразу же пойти в полицию и заявить об этом.

«Только бы не потерять ее след!».

— В какое отделение она собиралась пойти?

— Ваша дама заявила, что когда она убежала от напавших на нее бандитов, деньги эти еще были при ней. Так кто же их взял в таком случае? Такова вот благодарность за доброту... Врываються посреди ночи... Выходит, что деньги могли взять или вы или я, вы понимаете? А вы бессовестно спрашиваете, в какое отделение она пошла! С полицией вы можете познакомиться и побыстрее. Я просто позвоню туда, и за вами приедут!

Старик устремился было к письменному столу, но, сделав три шага, потерял шлепанец.

По лицу незнакомца скользнула улыбка.

— Этого еще не хватало! Действовать, как рыцарь, нести на руках почти через весь город бесчувственную красавицу, а теперь в благодарность угодить за решетку! — пробормотал он.

Он распахнул дверь и уже в следующую секунду исчез в темноте.

5.

Д-р Нево слегка поклонился.

— Я рад вас приветствовать и поблагодарить за тот интерес, который вы проявляете к моей работе!

Потом с новым поклоном он повернулся к госпоже Тербовен, сидящей слева за столом в удобном кресле.

— И в особенности рад тому, что сегодня смогу продемонстрировать результаты многолетнего труда вашего супруга.

И, снова обратившись ко всем присутствующим, добавил:

— Сегодня я познакомлю общественность с новым изобретением, которое позволит нам заглянуть в прошлое!

Госпожа Тербовен несколько неуверенно и вопросительно посмотрела на д-ра Нево. А когда потом наклонилась к сыну, лицо ее окрасилось легким румянцем.

В то же мгновение к молодому человеку обратился и д-р Нево:

— Вам, господин д-р Тербовен, наверняка будет приятно узнать, что работа вашего отца полностью завершена!

Петер Тербовен поклонился в знак согласия, повернулся к своей матери и что-то тихо ей сказал.

— Я считал себя также обязанным пригласить в этот памятный день и вас, господин Хофстраат, как давнего друга господина профессора. А вас, господин Роньяр, я прошу сделать соответствующую публикацию в вашей газете.

Не забыл он обратиться и к двум оставшимся:

— Будучи убежден, что это открытие сможет найти применение во всемирной истории и географии, а также необычайно взволнует всю мировую общественность и приведет, в свою очередь, к другим большим открытиям, я пригласил участвовать в сегодняшней демонстрации вас, господин профессор Чехин из Европейского географического общества, и вас, господин профессор Деккер из Лейденского университета.

Сделав такое вступление, Нево продолжал:

— Разрешите мне предпослать демонстрации краткие сведения, которые позволят понять научную основу изобретения.

Бывший ассистент профессора задумчиво взял карандаш и, словно играя, стал вертеть его в своих пальцах. Сейчас, стоя у стола, он казался высоким и стройным. Ему можно было дать не более сорока пяти лет, хотя в светлых, отливающих медью волосах уже появились седые пряди.

Две глубокие морщины от уголков рта придавали лицу старческое выражение и никак не вязались с его строгой и юношески стройной фигурой.

Когда он вновь заговорил, на лице его заиграла самодовольная улыбка.

Все с волнением смотрели на Нево, а тот наглядно и доходчиво рассказывал им о таких явлениях, о которых они — за исключением Петера Тербовена, тоже физика — еще никогда не слышали в таких подробностях.

Наконец Нево перешел к существу самого изобретения.

— Первые работы профессора были направлены на создание такого приемного устройства и такого усилителя, которые могли бы поймать и вновь сделать видимыми чрезвычайно слабые световые лучи. Именно в те времена на пологой крыше этого дома и появилась установка, вращающаяся во всех небесных направлениях и состоящая из множества вогнутых зеркал, особое расположение которых позволяло нейтрализовать видимый свет Солнца, Луны и звезд. Установка эта имеет дистанционное управление — ею можно управлять из лаборатории. Несколько позже удалось сконструировать специальный широколенточный усилитель для световых лучей, чувствительность которого позволяет делать видимыми лучи, находившиеся в космическом пространстве уже 5.000-6.000 лет. С помощью новейшего усилителя удалось поймать даже такие лучи, которые отразились от Земли и ушли в мировое пространство 20.000 лет назад. Картины еще более древних времен из-за шумов усилителя получались очень расплывчатыми и поэтому не представляют интереса. Таким образом, чтобы иметь возможность проследить за геологическими эпохами Земли, которые, как известно, простираются на многие миллионы лет, потребуется еще более мощный усилитель, и этот усилитель нам еще предстоит сконструировать. В настоящее время техника, к сожалению, не позволяет этого сделать...

Нево снова сделал небольшую паузу. Оба университетских профессора, словно загипнотизированные, продолжали смотреть на него. Другим слушателям сообщение Нево

тоже показалось невероятным. Только на Петера Тербовета этот рассказ, казалось, не произвел никакого впечатления — опустив глаза, он продолжал молча сидеть, и лишь последующие слова Нево заставили его поднять голову и с интересом прислушаться.

— События последних столетий на экране воспроизвести нельзя, так как световым лучам, для того чтобы пробежать даже по самой короткой ломаной линии, понадобится для возвращения на Землю приблизительно 800 лет. Таким образом, мы можем увидеть только те события, которые произошли на Земле не позднее 1200 года и далее в глубь веков: до каменного века и последнего ледникового периода.

Рассказчик замолчал. На какое-то мгновение на лице его появилась неуверенность. Это заставило профессора Деккера задать ему вопрос:

— Скажите, господин Нево, если я вас правильно понял, то, скажем, освободительную борьбу во Фландрии в 1302 году мы увидеть не сможем?

— Да, вы меня поняли правильно. Я подчеркиваю еще раз: события, следовавшие после 1200 года и до наших дней, мы не сможем воспроизвести.

Профессор Деккер кивнул, а Нево снова продолжил прерванный рассказ:

— Особые трудности доставила конструкция искателя континентов. Без нее было бы невозможно воспроизвести на экране телевизора какую-либо определенную страну. Любую часть земной поверхности можно на экране приблизить или удалить путем простого поворота ручки. Наибольший участок Земли, который в настоящее время может показать аппарат, примерно соответствует величине североамериканского континента.

— Просто невероятно! — в удивлении воскликнул профессор Чехин. Нево улыбнулся, польщенный.

— При этом экран позволяет проследить за историческими процессами той или иной страны в течение тысячелетий. За несколько часов, словно при демонстрации фильма, вы успеете побывать в самых различных эпохах.

Теперь настал черед выразить удивление и восторг профессору истории Деккеру.

Роньяр продолжал все так же усердно записывать. Только госпожа Тербовен оставалась совершенно спокойной и серьезной да ее сын, который, казалось, не слушал, что говорит Нево, а углубился в только что написанные им ряды цифр. Нево тем временем закончил свой доклад и попросил присутствующих последовать за ним в лабораторию.

Глухое жужжание наполняло помещение. Это жужжание вместе со вздрагивающими стрелками измерительных приборов и со вспыхивающими лампочками заставляло предполагать, что здесь четко и безотказно работает какой-то гигантский электрический чудо-механизм. Зато как успокаивающе, по сравнению с этой таинственной машиной, действовала большая матовая поверхность телевизионной трубки! Напротив нее уже были поставлены несколько стульев.

Быстро сделав какие-то операции у распределительного щита, бывший ассистент профессора Тербовена подошел к пульту управления, стоявшему посередине комнаты.

На матовом экране телевизора внезапно появились какие-то облака и пятна странной формы,двигающиеся слева направо; наконец они остановились в центре экрана.

В напряженной тишине раздался голос д-ра Нево. Повернувшись к госпоже Тербовен, он сказал, что в ближайшие секунды на экране телевизора появятся очертания полуострова Юкатан, а затем, обратившись к остальным присутствующим, добавил:

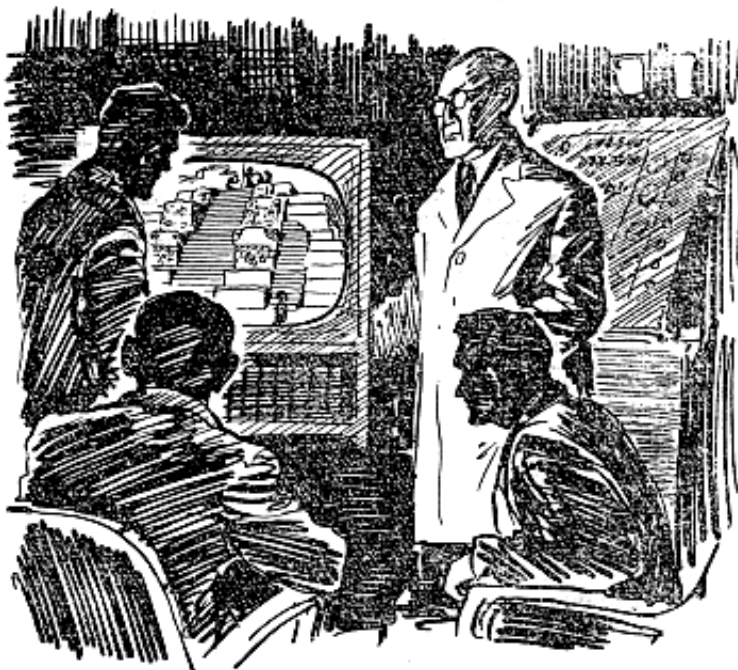
— Сейчас вы увидите ландшафты, города и народы, которые в свое время побудили нашего уважаемого профессора отправиться на Юкатан и начать там раскопки.

Семь пар глаз с волнением следили за всем происходящим на экране. Изображение становилось все четче. Уже можно было различить изрезанное множеством бухт побережье страны. На северо-западе, словно серебряная лента, в сторону моря, извиваясь, бежала река. Слева, у края экрана, сквозь полосу тумана начали медленно вырисовывать-

ся Кордильеры. Казалось, будто сквозь разорванные облака выглянуло солнце.

Нево отошел от пульта управления и подошел к экрану. Стоя сбоку от изображения, он показал карандашом на различные точки и объяснил, что они означают. Потом описал круг, очертив определенную область на западе Юкатана.

— Эту часть земли я сейчас покажу вам в более крупном плане. Здесь находится город, обнаруженный профессором Тербовеном.

Нево вернулся к пулту управления и немногими, но уверенными поворотами ручек начал устанавливать обещанную картину. Присутствующие на этой демонстрации с удивлением увидели, как центр изображения надвигался на них, увеличиваясь в размерах. Края изображения расплывались и, искажаясь, исчезали за рамками экрана. Ма-

ленькие города, которые несколько секунд назад казались на экране всего лишь точками, превратились в светлые пятна. Уже можно было различить геометрически правильную сетку улиц. На фоне многочисленных строений отчетливо выделялись немногие крупные здания, похожие на дворцы.

Ни один из присутствующих, зачарованный увиденным, не решался нарушить тишину вопросом. Всех охватило такое чувство, какое обычно испытывает пассажир подвесной канатной дороги, когда вагончик мчит его с бешеной скоростью с вершины горы в долину. Резкое жужжание аппарата еще более усиливало этот эффект. Лишь когда Нево поворотом одной из ручек остановил изображение, чувство, будто они падают на землю, оставило присутствующих, и они облегченно вздохнули, словно вновь обрели твердую почву под ногами.

Профессор Деккер взволнованно воскликнул:

— Просто невероятно! Это какое столетие?

Нево спокойно посмотрел на показатели различных приборов и так же спокойно ответил:

— Сейчас вы видите изображение, относящееся к тринадцатому веку нашей эры.

Тишина, царившая над зрителями, которые, словно загипнотизированные, продолжали смотреть на экран, была внезапно нарушена голосом Неве:

— Сейчас я показываю вам город, который был целью нашей экспедиции и в котором бесследно исчез наш уважаемый профессор. — Он тут же поправился: — Точнее говоря, в руинах этого города, так как город уже несколько столетий погребен.

Госпожа Тербовен беззвучно заплакала и закрыла лицо руками еще до того, как остальными присутствующими был осознан весь трагизм сказанного.

Нево замолчал, выключил изображение и зажег свет, ярко разлившийся по всему помещению. Фрау Тербовен встала и выразила желание уехать домой. Поднялся и Петер.

Присутствующие тепло простились с ними. Пока Нево провожал их до машины, остальные стояли в лаборатории, все еще находясь под впечатлением только что увиденного. Хофстраат нагнулся к Роньяру, который все еще продолжал что-то записывать, и сказал:

— Какая бестактность со стороны Нево! Неужели в присутствии госпожи Тербовен ему надо было обязательно показывать этот город!

Прежде чем тот успел ответить, вернулся д-р Нево. Профессор Чехин обратился к нему с просьбой: ему хотелось бы увидеть на экране какую-нибудь европейскую страну.

Пальцы Нево нерешительно играли на рычагах пульта управления. После короткого раздумья он неуверенно пробормотал:

— В этот час трудно поймать Европу, но я попытаюсь!

Вновь появились облака и пятна. Кое-где мелькала чистая поверхность — вероятно, океан. Казалось, будто изображение покрыто какой-то туманной пеленой. Возящийся у рычагов д-р Нево, наверное, был прав — все его старания оставались безуспешными.

Внезапно на экране появилась группа островов. Три острова. Слева — большой остров с вулканом; в центре — маленький и справа — опять побольше. На острове, лежащем восточнее других, можно было отчетливо увидеть горы и большую морскую бухту.

Потом на какое-то мгновение изображение стало совсем четким, и профессор Деккер увидел в бухте четыре корабля. Заинтересованный, он подался вперед и внимательно посмотрел на слегка мерцающее световое изображение.

— Да ведь это фрегаты! — удивленно воскликнул он вдруг.

Д-р Нево, как раз склонившийся над пультом управления, чтобы переписать с приборов кое-какие данные, вздрогнул, услышав это восклицание. При этом он нажал на один из рычагов, и изображение исчезло.

— Не может быть! — поспешно бросил он. — Вы ошиблись, фрегаты на экране вы увидеть не могли. Как вы сами знаете, в 1200 году подобных кораблей еще не было.

— Не знаю, что и подумать! — Профессор заколебался, услышав, с какой решимостью Нево утверждал обратное. — Во всяком случае, я видел четыре корабля. Странно! Неужели я ошибся? — И он задумчиво посмотрел куда-то вперед.

Но Роньяр тоже успел заметить корабли и вмешался в разговор:

— Я тоже видел в бухте четыре корабля, причем более нового типа, чем строили в 1200 году.

В этот момент раздался спокойный голос Хофстраата:

— Господин Нево, включите аппарат еще раз, тогда этот спорный вопрос разъяснится сам собой!

— К сожалению, господа, я не могу этого сделать — своим неосторожным движением я повредил трубку высокого напряжения. Опыт можно будет повторить лишь тогда, когда у меня будет новая трубка. Что же касается кораблей, то тут, господа, вы можете мне поверить: это не фрегаты, — попытался он еще раз разубедить присутствующих.

Роньяр и Деккер вопросительно посмотрели друг на друга, но ничего не ответили. Профессор Чехин что-то быстро записал в свою записную книжку. Чтобы нарушить гнетущее молчанье, Хофстраат поднялся и сказал:

— Давайте не будем спорить из-за пустяков. До сих пор еще ни одному человеку не удавалось заглянуть в прошлое. И я уверен, господа, что вы не будете возражать, если я от своего и вашего имени поблагодарю господина Нево за приглашение. Мы никогда не забудем вечер, когда мы познакомились с величайшим изобретением профессора Тербовена. Это изобретение заинтересует общественность всего мира.

Он пожал смущенному физику руку и попрощался. Остальные сделали то же.

Название корабля блестело в ярком свете мощных прожекторов. Его большие золоченые буквы выделялись на гигантском корпусе корабля, который казался большим черным чудовищем. За высокими, как дом, бортами скрывались бесчисленные коридоры и лестницы, устланные мягкими коврами, рестораны с накрытыми столами, блестящие танцевальные площадки, музыкальные салоны и курительные комнаты. В бассейне, выложенном зеленым кафелем, монтеры в последний раз испытывали подводные прожекторы. В большом и широком, словно улица, коридоре, украшенном многочисленными цветными рекламами и декоративной материей, расположились магазины, в витринах которых красовались редкие меха, украшения, предметы косметики и множество других красивых и дорогих вещей. Везде ключом кипела деловая жизнь: на кухнях с огромными холодильными установками, с трюмах, в машинных отделениях. На радиостанции уже состоялись первые телефонные разговоры, были получены первые телеграммы. Роскошный плавучий отель отплывал через два часа.

Короткие порывы ветра, холодные, как лед, и резкие будоражили водную поверхность, вздымая волны, которые с монотонным шумом разбивались о стены набережной. Вдали покачивались на воде два мощных буксира, которые должны вывести великан в открытое море. Буксирные канаты еще свисали с соду.

Подъемные краны непрерывно поднимали сверкавшие в свете огней автомашины, быстро опуская их в чрево прожорливого гиганта. По освещенному трапу двигался поток пассажиров. Несмотря на холодную и ветреную погоду, на пристани много народу. Последние поцелуи, последние рукопожатия! К обычной портовой суматохе присоединялись последние прощальные возгласы.

К пароходу медленно приближался роскошный черный лимузин, на какое-то мгновение он попал под свет одного

из многочисленных прожекторов, проехал еще немного и остановился в полутемноте. Из машины вышел человек. Высоко поднятый воротник синего драпового пальто и натянутая глубоко на лоб широкополая шляпа полностью скрывали его лицо.

Человек медленно двигался в потоке людей, поднимающихся по трапу. Но потом он вдруг отделился от толпы, подошел к стюарду и о чем-то его спросил. Стюард показал в противоположную сторону. Там, среди нескольких ожидавших чего-то пассажиров и всегда готового к услугам персонала корабля, стояла стройная, элегантно одетая девушка.

Человек в синем пальто протиснулся сквозь поток отъезжающих и подошел к ней. Сделав легкий поклон, он сказал ей несколько слов. Она коротко кивнула, и оба прошли на корабль.

7.

— А я, коллега, могу теперь вам сказать, какую группу островов мы видели на экране.

Профессор Деккер в удивлении поднял глаза.

— Как вам удалось это узнать?

Вопрос он задал профессору Чехину, который сидел вместе с ним в уютном ресторанчике отеля «Эспланада» за бутылкой бургундского.

Чехин откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и ответил, явно гордясь своим открытием:

— Эта картина мне с самого начала показалась знакомой. Я знал, что я уже где-то видел эти острова, а по дороге домой вспомнил, где именно я их видел. Приехав к себе, я тотчас же проверил свои предположения и убедился, что был прав.

Он поднял рюмку и, взглянув поверх нее, добавил:

— Выпьем за Робинзона, дорогой коллега!

Профессор Деккер посмотрел на него ничего не понимающими глазами.

— Не понимаю. Какое отношение имеют эти острова к Робинзону?

— Самое прямое. Дело в том, что это острова Робинзона Крузо.

— Вы имеете в виду острова Хуан-Фернандес? — спросил Деккер с сомнением в голосе.

— Конечно! У меня есть фотоснимки этих островов, сделанные с воздуха. Они в точности соответствуют изображению, которое мы видели на экране.

Это утверждение, казалось, необычно взволновало профессора Деккера. Нервными движениями он протер стекла очков и взглянул своими слегка близорукими глазами на коллегу. Потом нерешительно сказал:

— И все-таки я склонен полагать, что вы ошиблись.

— Исключено! Я абсолютно уверен в своей правоте. Речь идет об островах Мас-Афуэра, Санта-Клара и Мас-а-Тьерра!.. Уж не считаете ли вы это невозможным на том основании, что д-р Нево якобы не может воспроизвести на экране эти южные широты?

— Нет, не потому! — поспешно ответил Деккер. — Но ведь эти острова были открыты много позже, если не ошибаюсь, — в 1563 году.

— Хм! А как же тогда корабли, которые мы там видели? — протянул Чехин.

— В том-то все и дело! Корабли стали появляться у этих островов и того позже!

— Странно! — Чехии задумчиво покачал головой. — И тем не менее, Нево утверждает, что не может показать времена более поздние, чем тринадцатый век.

— Возможно, он ошибается. Если вы твердо уверены, что видели на экране острова Хуан-Фернандес, то я смогу вам сказать, к какому году относится это изображение!

— Так уж и сможете! — скептически воскликнул Чехин. — Неужели вы беретесь установить год, исходя только из типа кораблей! Это чересчур смело!

— Ну что вы, дорогой коллега, я никогда на это не решился бы. Но все дело в том, что в этой бухте стояли четыре подобных корабля лишь один-единственный раз за всю историю, а именно тогда, когда пират Генри Морган захватил там три испанских фрегата, — это случилось в 1675 году.

— Вы имеете в виду сэра Генри Моргана?

— Разумеется. Этот флибустьер в знак благодарности получил позднее от Англии дворянский титул и был назначен губернатором Ямайки.

— А вы уверены, что в этой бухте больше никогда не стояли на якоре одновременно четыре фрегата?

— Конечно, уверен. До этого времени корабли очень редко посещали эти острова, а те немногие случаи, когда это имело место, хорошо известны, поэтому я и заявляю об этом с такой категоричностью!

Чехин придвинул к себе пепельницу, стряхнул пепел со своей же успевшей погаснуть сигары, неторопливым движением вытащил зажигалку, щелкнул ею и, разжигая сигару короткими затяжками, задумчиво сказал:

— В таком случае, как вы все это себе объясняете? Ведь д-р Нево категорически заявляет, что не в состоянии показать нам более поздние периоды нашей истории.

Вместо ответа Деккер лишь пожал плечами.

— Правы мы или нет, мне ясно одно: здесь мы имеем дело с великим изобретением!

Чехин в знак согласия кивнул.

— Мы даже еще не можем оценить всей глубины этого открытия. Возьмите хотя бы некоторые актуальные историко-географические проблемы, которые уже много веков представляют для человечества сплошные загадки! Теперь эти загадки могут быть наконец разрешены. Вспомните, к примеру, Атлантиду! Какое множество теорий существует по поводу этой исчезнувшей под водой земли!

Профессор Деккер глубоко затянулся своей сигарой. Слишком уж ошеломляющими были перспективы, чтоб он смог удержаться и не пофантазировать. Видимо, Чехина

охватило такое же чувство, ибо он воскликнул с воодушевлением:

— А остров Пасхи, дорогой коллега! Теперь мы можем узнать, действительно ли он был заселен выходцами из Америки и кто воздвиг на нем загадочные фигуры.

Деккер сказал::

— Теперь меня не удивляет, почему профессор Тербоуэн забросил физику и превратился в археолога! Голова начинает кружиться, когда подумаешь, какие возможности открывает он для науки. Бесчисленные проблемы ждут своего решения.

— Да, в общем-то мы не так уж много знаем о прошлом, — поддержал Чехин мысли Деккера.

— И как вообще могло случиться, что нам так мало известно об истории земли! Неужели культура древних народов была так низко развита, что они не могли нам оставить какие-либо письма! — Деккер задумчиво посмотрел на огонек своей сигареты и на поднимающуюся от нее тонкую струйку голубоватого дыма.

Чехин не заставил себя ждать с ответом.

— Никоим образом, дорогой коллега! Дело не в этом! Как историк я вам скажу, почему так случилось. Причин много, и не последнюю роль играют войны. Бешеная фурия войны многое уничтожила, не оставив после себя в ряде случаев ничего, кроме пепла! Вспомните, пожалуйста, о Трое! Шлиман раскопал не менее чем семь лежащих друг над другом разрушенных городов — по утверждениям Дёрпфельда их было даже девять, — но только один из них был гомеровской Троей. Девять раз она возрождалась и вновь разрушалась войнами так, что не оставалось ничего, кроме почерневших от пожаров руин, о которых мы почти ничего не знаем!

— Согласен! Но разве сама природа не стерла многих следов?! Возьмите ту же Трою! Ведь Шлиман нашел развалины первого города под пятидесятиметровым слоем земли! Разве землетрясения, извержения вулканов, наводнения и другие стихийные бедствия не внесли своего вклада в это дело?

— Разумеется, внесли! И это, по всей вероятности, относится как к Атлантиде, так и к острову Пасхи. Только обо всех этих стихийных бедствиях наверняка имелись какие-нибудь письма или зарисовки, которые опять-таки были уничтожены войнами. В этой связи я вспомнил о крупной библиотеке в Александрии, которая погибла в пожаре войны в 48 году до нашей эры. Там хранилась записанная на многих тысячах папирусов вся история древности.

Профессор Деккер продолжал убежденным тоном:

— Человечество нуждается лишь в одном — в мире! Всем народам дорог мир, все народы хотят жить в мире. Только он и в состоянии обеспечить сохранность исторических достижений.

Чехин кивнул в знак согласия:

— Остается только пожелать, чтобы изобретение Тербовена служило в будущем науке. В этом случае, наука сделает небывалый скачок вперед и неизмеримо обогатит наши знания по истории. Естественно, следует опасаться, что определенные группировки попытаются протянуть свои лапы к этому изобретению. И тогда для науки оно, конечно, будет потеряно.

— Будем надеяться, что до этого дело не дойдет! — подытожил профессор Деккер их размышления, собираясь распить с коллегой остатки бургундского.

Чехин, приподняв голову, посмотрел куда-то вдаль и задумчиво, словно разговаривая сам с собой, сказал:

— На одной надежде далеко не уедешь...

Но профессор Деккер поднял рюмку и тем самым вывел Чехина из задумчивости.

— Ну, в таком случае, — за науку! — сказал Деккер, а Чехин добавил: — И за изобретение профессора Тербовена!

8.

Сквозь большие окна с двойными рамами — они протянулись от пола и до потолка, занимая всю стену, — падали

косые лучи солнца. По всей гавани, до примыкавших к ней небоскребов, теплыми тонами отражался в воде небосвод. Наверху, на головокружительной высоте, среди многих сотен однотипных окон находилось окно, за которым стоял мистер Мак-Кормик и смотрел вниз на движение и суету меж возносящихся к небу стен. Клокочущий и бурлящий шум одного из величайших городов мира здесь почти не был слышен. В помещении, посередине которого красовался необыкновенной величины письменный стол, было до странности тихо. Кроме письменного стола, в кабинете был небольшой курительный столик с четырьмя креслами и домашний бар.

Человек, стоявший у окна, был среднего роста, на нем обычный костюм, какие висят в любом магазине. Возраст его определить трудно, ясно только, что ему не более шестидесяти. Бросалась в глаза его голова — с широким лицом и лысым черепом. Подбородок резко выдавался вперед, а глаза свидетельствовали о решительности, граничившей с беспощадностью. Но разве знал его кто-нибудь из тех людей, на которых он смотрел сейчас из окна! Лишь очень немногим имя Мак-Кормика что-то говорило, и вряд ли кто знал этого человека, который, наконец, оторвался от окна и спокойно направился к своему необычно выглядевшему столу.

Левая рука человека была парализована и безжизненно свисала вниз. Двигаясь неуклюже и угловато, он уселся в кресло, стоящее у письменного стола полукруглой формы. Этот стол был похож на пульт управления современной радиостудии. Здесь можно было увидеть и пневматическую почту. И лишь большая папка для бумаг, казалось, была не к месту, на фоне всей этой техники.

Мак-Кормик нажал на одну из кнопок, и на стене, расположенной напротив письменного стола, зажглась большая красочная географическая карта, точнее говоря, экономическая карта с цифрами, свидетельствовавшими о размерах производства, и условными обозначениями угольных и рудных месторождений.

Некоторое время Мак-Кормик, задумавшись, смотрел на карту. Потом решительным движением перевел один из рычагов. У микрофона вспыхнула красная контрольная лампочка. Мак-Кормик заговорил, коротко и отрывисто, голосом, никак не вязавшимся с помпезным кабинетом. Его голос скорее напоминал крики портовых рабочих, трудившихся там, внизу, где начинался квартал небоскребов.

— Немедленно довести до сведения генерала Гонзалеса: гарантирую полную поддержку! Выделяю двадцать реактивных самолетов! Условие: если переворот удастся, Гонзалес передает нам по договору все имеющиеся урановые месторождения.

Едва прозвучало последнее слово, вспыхнула зеленая лампочка, и голос, донесшийся из динамика, лаконично сообщил:

— All right! Л-13 сообщает, что операция «Объект-5» успешно выполнена!

Мак-Кормик откинулся на спинку кресла. На его лице играла жестокая улыбка. Вялым движением он включил телевизор, который спроецировал метровое изображение на стену, где только что светилась цветная географическая карта.

В этот момент открылась единственная дверь кабинета, и в ней появился элегантно одетый человек средних лет.

Человек молча смотрел на Мак-Кормика, пока тот не оторвался от телевизора и не повернул голову в его сторону.

— Простите. Речь идет об «Объекте-5». Нужно ли предупреждать рабочих во втором районе?

Вопрос был задан нерешительным тоном.

Густые брови Мак-Кормика угрожающе сдвинулись.

— Я не раз говорил вам, Мортон, что вам давно следует распрощаться со всякими сантиментами! Предупредив рабочих, мы лишь навлечем на себя подозрения. — Он показал в сторону окна и добавил: — Там, на улице, от несчастных случаев на транспорте каждый день погибает больше людей, чем могут вместить ваши жалкие рабочие бараки! И пусть вас это больше не беспокоит!

Человек, которого назвали Мртоном, поклонился.

— Хорошо, мистер Мак-Кормик!

Дверь бесшумно закрылась.

Что-то неразборчиво буркнув, Мак-Кормик снова повернулся в сторону экрана. На слабо мерцавшем экране было видно большое поле, усеянное бесчисленным количеством буровых вышек. Над полем плыли тяжелые черные клубы дыма.

Мак-Кормик удовлетворенно посмотрел на экран, потом выключил телевизор и приказал в микрофон:

— Попрошу информацию об объекте «Европа-2»!

Тотчас же из динамика послышался ответ:

— Овен ждет ваших распоряжений! Хофстраат, предположительно, наш противник.

Мак-Кормик на мгновение задумался, потом сделал кое-какие пометки и приказал:

— Овену подготовить отлет и ждать дальнейших распоряжений! Дэзи бросить на нейтрализацию Хофстраата, не сообщая об этом Овену! Все!

Переговорное устройство автоматически выключилось. Мак-Кормик отодвинул от себя папку, на которой писал, и неуклюже поднялся. Опираясь рукой о стол, он медленно обошел его и, сделав несколько более быстрых шагов, подошел к креслам у курительного столика. Прежде чем сесть, он нажал на почти невидимую кнопку, вмонтиро-

ванную в стену. Послышалось тихое жужжание. Часть стеной панели сдвинулась в сторону, открыв перед сидящим большое стекло с помещенными за ним цветными фотографиями.

Какие-то хрипящие звуки вывели улыбающегося Мак-Кормика из созерцательного состояния. Он же выключил свою картинную галерею, вернулся к письменному столу и нажал на одну из многочисленных кнопок. Открылась потайная дверь, и в комнату вошла молоденькая секретарша — словно вырезка из журнала мод.

Мак-Кормик с неподвижным лицом продолжал сидеть за письменным столом. Чудо косметики, постукивая высокими каблучками, грациозно приблизилось к шефу и положило с улыбкой манекена:

— Мисс Дэзи ожидает в приемной!

Мак-Кормик указал на курительный столик и сказал:

— Просите!

9.

Тербовен быстро поднялся и пошел навстречу редактору.

Тот, развязно помахивая шляпой, подошел к Петеру.

— Сегодня я пришел к вам с официальным визитом, — заметил он лукаво.

— Вот как! Уж не хотите ли вы взять у меня интервью? Я, правда, не кинозвезда, не миллионер и никого не убил! Или теперь...

— Все обстоит гораздо хуже, мой дорогой. Вами начинают интересоваться!

Петер с улыбкой ответил:

— Да что вы говорите! — И более серьезным тоном спросил: — А вы не ошибаетесь? Ведь интересуются наверняка лишь изобретением моего отца? Не так ли?

— Заблуждаетесь, мой дорогой!

С этими словами Роньяр вошел в скромно обставленный кабинет Тербовена. Он упал в кресло, взял предложенную ему сигарету, поблагодарил и, закинув ногу на ногу, вызывающе посмотрел на Тербовена, остановившегося перед ним,— посмотрел таким взглядом, словно тот должен сообщить ему новости. Но Петер, мило улыбаясь, молча сел напротив него и в свою очередь выжидательно и вопросительно смотрел на редактора.

Увидев, что тот не собирается начинать разговор, Петер в конце концов заметил шутливо:

— А я и не подозревал, что вы такой разговорчивый! Вы, наверное, потеряли нить повествования? Может, мне помочь отыскать вам ее?

— Сделайте одолжение! — сухо ответил Роньяр. — Мне нужны еще кое-какие сведения для статьи. Вы знаете, я не физик, а вчерашняя демонстрация у господина Нево происходила в довольно быстром темпе!

Он замолчал и нервными движениями начал искать в карманах своего костюма сигареты.

— Разумеется, я с радостью помогу вам,— заверил его Тербовен, а потом задумчиво добавил: — А не лучше спросить об этом самого д-ра Нево? Он поможет ответить на ваши вопросы намного точнее меня.

— Вы правы. И если бы д-р Нево был дома, мне не нужно было бы беспокоить вас. Я неоднократно звонил ему по телефону, но мне никто не ответил.

— Ну что же, если это так, я в вашем распоряжении, — сдался Петер.

— Жаль, что тогда было слишком поздно, я бы с удовольствием осмотрел приемную установку на крыше.

— А что в первую очередь интересует вас в этой установке? Внешний вид или более подробная техническая характеристика? Ведь несколько лет назад я тоже принимал участие в монтаже этой установки и поэтому знаю ее устройство довольно точно.

— Вот видите! Значит, вы наверняка знаете о ней еще больше, чем сам Нево, — быстро вставил редактор.

Петер отмахнулся.

— Нет, вы меня не совсем так поняли. Доктор, разумеется, знает установку лучше меня — ведь он потом усовершенствовал ее.

Редактор внимательно выслушал его, а потом спросил:

— Значит, эта установка была полностью готова еще до того, как ваш отец уехал в Америку? Если я вас правильно понял, то вклад д-ра Нево состоит только в том, что он нашел для нее более практичное применение?

— Да, приблизительно так, — подтвердил Тербовен.

— Скажите, ваш отец взял тогда патент на свое изобретение? — поинтересовался Роньяр.

— Да, еще до отъезда он взял патент на всю установку, а теперь его бывший ассистент тоже хочет что-то запатентовать.

— А что именно?

— Точно я не могу вам сказать. Ново никогда не говорил мне об этом. Насколько я могу судить, речь идет об усовершенствовании аппаратуры.

Роньяр удовлетворенно кивнул.

— А почему, собственно, вы сами не продолжили работу отца?

Тербовен задумчиво посмотрел на свои ботинки и после короткого колебания ответил:

— Мы все потеряли голову, когда исчез отец. А события развивались очень стремительно, Нево взял под свою опеку весь дом вместе с лабораторией. Мне в то время продолжать работу отца не позволили бы финансовые затруднения.

— Нево, кажется, не испытывает недостатка в деньгах... Вилла, обставленная по-современному, роскошная автомашина!

— Насколько я знаю, он полтора года назад получил большое наследство.

— Вот как! Это для меня новость, — признался Роньяр, а потом сказал несколько громче: — Очень жаль, что вы в тот вечер ушли раньше. Оба профессора попросили Нево показать им какие-нибудь другие страны, и эта демонстрация оказалась в высшей степени интересной. В воскресном

приложении я очень обстоятельно напишу обо всем этом в специальном отчете, за исключением того небольшого спора — о нем я, естественно, умолчу.

— О каком споре вы говорите? — удивленно спросил Петер.

— Да, правильно, я опять забыл, что вы присутствовали не до конца! Роньяр недовольно махнул рукой. — Моя память в последнее время стала, как решето. Извините меня, пожалуйста. Там, на демонстрации, возник спор, причем, мне думается, не по существу. На экране телевизора неожиданно возникли три острова. Нево их не заметил — он в тот момент склонился над своими таблицами, и лишь профессор Чехин, заметивший в бухте одного из островов несколько кораблей, обратил внимание Нево на эти острова.

— Ну и что? В этом нет ничего странного. И из-за этого возник спор?

— Нет, спор возник по поводу кораблей. Профессор Чехин заявил, что это фрегаты — кстати, я их тоже видел, — но Нево начисто отверг эту возможность, объяснив, что установка не может показать фрегаты, так как они появились значительно позже.

— И Нево прав. Я тоже как-то делал расчеты и вычислил, что самый поздний период, который можно воспроизвести на экране, действительно относится приблизительно к началу тринадцатого столетия, — подтвердил Петер. — Но разве он сам не видел этих кораблей?

— В том-то и дело, что нет! — воскликнул Роньяр.

— Вот этого я не понимаю! Ведь он мог показать эти корабли более крупным планом, и спорный вопрос разрешился бы сам собой!

— Конечно! Но когда профессор Чехин в удивлении воскликнул: «Да ведь это фрегаты!» — Нево вздрогнул, выпрямился и нажал при этом на какой-то рычаг. Изображение тотчас же исчезло. Из-за этого внезапного переключения вышла из строя важная трубка, и в тот вечер ни о каком продолжении демонстрации нельзя было и помышлять.

— Странно... Значит, Нево действительно не повезло!
— Петер в задумчивости взял с курительного столика сигарету.

Редактор молча наблюдал за ним, словно ожидая, что тот выскажется более определенно.

— Откровенно говоря, — заметил Петер после короткой паузы, — я после нашего недавнего разговора думал, что вы зашли ко мне узнать о моем энцефалографе. Я только попрошу вас не разглашать нашего разговора — сейчас вы единственный человек, которому я сказал о своем изобретении.

— А знаете ли вы, господин Тербовен, какие требования вы ко мне предъявляете? Это я-то, журналист, должен молчать, зная о новом большом изобретении!

— Потерпите еще немного. Когда опыты закончатся, ваша газета первая сообщит об этом, — пообещал Тербовен.

Роньяр рассмеялся.

— Что ж, я и так терплю! Надеюсь, вы меня сейчас не используете в качестве подопытного кролика и не посадили на свой ужасный стул, читающий мысли!

— Добровольно вы ведь все равно не согласились бы предоставить себя в мое распоряжение. Я знаю...

Роньяр, теперь уже в неподдельном испуге, вскочил со своего кресла и внимательно осмотрел его со всех сторон. Не обнаружив ничего подозрительного и убедившись, что кресло не прикреплено к полу, он снова уселся в него.

Петер посмотрел на Роньяра и, не скрывая своего веселого настроения, шутливо заметил:

— Шерлок Холмс не похвалил бы вас за такой осмотр.

— Почему! Я что-нибудь проглядел?

В этом вопросе звучали не шутливые нотки, скорее — боязливые. По всей вероятности, он действительно боялся, что Петер сможет прочесть его мысли.

Но смеющиеся глаза Тербовена убедили его, в конце концов, что все это — не больше чем шутка, и он с видимым облегчением хвастливо заявил:

— Я по вашему лицу сразу заметил, что вы это несерьезно, ведь я, в конце концов, хороший психолог.

— О-о! В общем-то актер из меня никудышный, сознаюсь, но если я захочу, — лукаво добавил Петер после короткой паузы, — я в корне преобразуюсь, и тогда, возможно, смогу обмануть даже вас.

Роньяр посерьезнел и задумчиво посмотрел на Тербовена.

— Что ж, все может быть. В будущем, находясь у вас, нужно быть осторожным. Я отнюдь не уверен, что в вашем кабинете я смогу сохранить свои мысли в тайне!

10.

Человек со злостью бросил свернутую газету на стол, за которым он сидел еще с тремя мужчинами, сказал:

— Здесь вот, во вчерашнем выпуске, написано...— И бледный узколицый человек, с жидкими кукурузного цвета волосами, снова взял газету и прочитал раздраженным тоном: «...Нам не может быть безразлично то, что произошло с этими островами и с людьми, живущими на этих островах. Хотя с момента испытаний прошло уже почти два года, наша христианская совесть не позволяет нам сидеть сложа руки. Мы все снова и снова должны задавать себе вопрос: какая же участь постигла тех обитателей островов!»

Его чтение было прервано покашливанием человека, сидящего рядом.

— Какая чушь! Просто слушать смешно! Неужели вас все это беспокоит, Стив!

Третий из присутствующих, толстяк с глубокими морщинами вокруг рта, человек неопределенного возраста, которого собеседники называли Алланом, презрительно бросил:

— Проводить испытание водородных бомб и опыты по распылению радиоактивного кобальта вблизи этого архипелага было в любом случае тактической ошибкой. Есте-

ственно, что все они теперь раскрыли свои пасти, эти гуманисты и апостолы справедливости!

— Но ведь в этом и заключался смысл испытаний, — ответил Стив. — Ведь нам нужно было узнать, как радиоактивный кобальтовый туман действует на людей и на какой срок заражается местность.

— Оставим ненужный спор, — вставил четвертый, который до этого молчал. — Мы все равно не могли заранее предугадать силу взрыва. Так какой же смысл спрашивать, что стало с теми людьми и с островами? Мы приняли секретные меры предосторожности. А через несколько лет ни один человек и не вспомнит больше об этом.

— Как раз в этом я и не уверен, — с сомнением заметил узколицый. — Во-первых, речь идет о слишком большом количестве людей, во-вторых, территория тоже очень большая, чтобы просто так вот исчезнуть с карты мира, а к тому же еще...

На какое-то мгновение воцарилась тишина. Плотные дорогие шторы ослабляли дневной свет, просачивающийся сквозь них. В потолке роскошно обставленной комнаты было искусно вмонтировано невидимое освещение. Его лучи наполняли комнату. На стенах рядом с несколькими ценными картинами европейских мастеров живописи висели, странным образом контрастируя с ними, экспрессионистские изображения американских промышленных предприятий.

Перебросив жевательную резинку из-за правой щеки за левую, толстяк в задумчивости сказал:

— Настоящая опасность, господа, приближается к нам с другой стороны. — Он вынул из кармана «Балтимор Сандэй Диспэтч».

— Домыслы некоторых ученых начинают становиться очень неприятными. Да вот, послушайте сами, что пишет здесь некий д-р Клинтон. «Изобретение бесследно исчезнувшего в Мексике профессора Тербовена должно быть в дальнейшем еще больше усовершенствовано и поставлено на службу науке. С помощью этого изобретения можно было бы разгадать и самую последнюю загадку, возникшую

перед человечеством, — загадку таинственного исчезновения архипелага Какомэ...

Он поднял глаза и добавил серьезным тоном:

— Зря мы недооцениваем серьезность ситуации, господа! — Его мясистое лицо приняло при этих словах злобное выражение.

— Конечно, газета эта маленькая и незаметная, да и Клинтон еще никому не известен, — мы его заставим замолчать. Но все дело в том, что этим мы почти ничего не добьемся — ведь об этом уже заговорили и другие страны. Времена изменились, господа!

Он сделал небольшую паузу и бросил испытующий взгляд на своих партнеров.

— Кроме того, что изобретение — не будем тешить себя напрасными иллюзиями — находится в такой стране, где все население относится к нам с неприязнью!

— И это изобретение будет использовано против нас, как советует этот идиот Клинтон,— деловито констатировал Стив Дюпон.

— Нам нужно воспрепятствовать этому любыми средствами, и поэтому я очень сожалею, что именно сегодня среди нас нет Мака. Мы должны знать, как у нас обстоят дела. Таково мое мнение.

Дюпон кивнул в знак согласия.

В этот момент сидящий рядом несколько суховатый второй директор «Колумбия Дженерал Атомик» заметил:

— Я вообще не понимаю, почему с этим делом давно не покончено. Ведь Мак работает так оперативно. Этот профессор... Э-э... как там его зовут? Ну, да это неважно — его ведь все равно нет в живых. Мне кажется, совсем не трудно уничтожить и его изобретение. Что вы думаете по этому поводу, Стив?

Стив Дюпон сделал неопределенное движение рукой.

— Уничтожить изобретение было бы в корне неверным. Установку нельзя уничтожать. Напротив! Нужно работать над ее усовершенствованием. В этом вопросе Клинтон совершенно прав. Но это усовершенствованное изобретение должно находиться в наших руках, а не в руках ученых.

Вот в чем все дело! Нам нужна эта установка, ибо только с ее помощью мы сможем узнать о местоположении и размерах новых промышленных центров, о рудниках и аэродромах в Центральной Азии. Вам это понятно, Харрис?

Последний лишь присвистнул сквозь зубы.

— Да, об этой возможности я вообще не подумал, — протянул он, переводя свои удивленные глаза с одного собеседника на другого. Казалось, что и все остальные поняли важность этого замечания, потому что посмотрели друг на друга молча, но многозначительно.

Наконец слово взял последний из сидящих за столом. До этого он почти не участвовал в разговоре. Когда глаза человека, спрятанные под густыми белыми бровями, оставались на ком-либо из партнеров, взгляд их принимал неприятно-повелительное выражение. Деловым тоном он сказал Стиву Дюпону, техническому директору и главному акционеру «Америкэн Ойл Компани»:

— Нам нельзя терять ни минуты времени. Чем быстрее это изобретение попадет в наши руки, тем лучше для нас. Надеюсь, что все вы согласны с этим, господа!

11.

— Вот и все, что мне удалось выяснить, — закончил Петер Тербовен свой рассказ.

Д-р Тербовен, Роньяр и д-р Бергер расположились в уютной холостяцкой квартире Хофстраата. Они сидели за маленьким круглым курительным столиком, и пока все, за исключением д-ра Бергера, который вообще никогда не курил, с наслаждением покуривали ароматные сигареты хозяина, физик рассказал им о событиях последних дней, помешавших ему присутствовать на их последней встрече.

— Теперь я еще больше убежден, что мой отец пал жертвой преступления, а не несчастного случая.

— Я в этом был убежден еще в тот момент, когда узнал о его таинственном исчезновении, — заметил Хофстраат

ко всеобщему удивлению, а потом добавил: — Но пока нет доказательств, нецелесообразно делать выводы.

— Но полиция в таких случаях должна быть оповещена,— поспешно вставил Бергер.

— Все это уже сделано, но заметного успеха, к сожалению, пока еще нет. А ведь Альтман — один из самых толковых полицейских комиссаров.

Д-р Тербовен с хмурым видом посмотрел на своих друзей и заметил разочарованно:

— Разве не печально, что как раз теперь, когда готов мой энцефалограф, только что найденный след вдруг снова бесследно исчез?

Бергер спросил в удивлении:

— Что? Ваш аппарат уже готов, и вы ничего нам об этом не сказали! Расскажите же нам что-нибудь о вашем изобретении!

— Бергер прав! — поддержал врача Хофстраат. — Выкладывайте-ка, наконец, ваши тайны, вы и так довольно долго кормили нас обещаниями!

— А какое отношение может иметь этот аппарат к найденному следу? — с любопытством спросил Роньяр.

Д-р Тербовен выпрямился в кресле и уступил, наконец, настояниям друзей.

— Ну, хорошо! Так как я в ближайшие дни собираюсь представить свою работу общественности и, кроме того, хочу предложить изобретение промышленности, я могу вам сегодня рассказать о нем несколько подробнее! — Повернувшись к редактору, он сказал с лукавой улыбкой: — А с вас в связи со всем этим снимается обет молчания. Он наверняка мешает вам жить, не так ли?

— Что я слышу? Вы знали об этом удивительном аппарате и ничего нам не сказали? Вот это здорово! — воскликнул адвокат с наигранным возмущением.

Роньяр тотчас же стал защищаться:

— Да, мой дорогой Хофстраат! Удивительно, не правда ли? Оказывается, журналисты тоже могут хранить тайны.

На какое-то мгновение адвокат опешил, услышав этот двусмысленный ответ, но потом быстро пришел в себя и ответил:

— Уверен, вам недолго пришлось хранить эту тайну, иначе вы все равно не выдержали бы и разболтали.

Все рассмеялись.

Петер Тербовен пришел Роньяру на помощь.

— Болтать было не о чем. Ведь Роньяр знает только, что с помощью этого аппарата можно читать мысли. И что этот аппарат должен помочь мне раскрыть загадочное исчезновение моего отца.

Все с напряженным вниманием смотрели на Петера. Уже давно они не видели его таким решительным, — с тех пор как исчез отец, его не покидало подавленное состояние. Никогда не говорил он о своих работах. И лишь события

последних дней, казалось, изменили его. Петер начал рассказ:

— Сначала я работал вместе с отцом, решая те же проблемы, что и он, но как-то вдруг натолкнулся на небольшую научную статью шведского ученого. В этой работе сообщалось о новейших открытиях в области биотоков человеческого мозга. Собственно говоря, сведений из этой статьи я почерпнул очень мало, но вопрос этот меня так заинтересовал, что я в конце концов полностью посвятил себя этой проблеме. Я собрал весь материал, который уже появился по этому вопросу. Прежде всего я познакомился с очень важными работами одного минского профессора. В его работах я нашел ссылки на публикации, сделанные в Японии. В процессе изучения этих работ у меня возникла обширная — правда, отнимающая много времени — переписка с многочисленными институтами и учеными. Одновременно я стал ставить свои собственные опыты, которые до сегодняшнего дня связывают меня дружескими узами с учеными всего мира. Собственно, никакого нового изобретения я и не сделал. Энцефалографы существуют уже давно и являются важным вспомогательным средством в неврологии, помогая диагностике заболеваний мозга. Но такими энцефалографами мысли не прочтешь.

Петер Тербовен сделал паузу и, задумавшись, откинулся на спинку кресла; при этом он машинально провел рукой по волосам.

— В то время как работы моего отца приносили плоды, причем такие, о каких никто никогда и не помышлял, мне почти ничего не удавалось сделать. Все было словно заколдовано, я не мог сдвинуться с мертвой точки. Но наконец, однажды ночью, мне удался один опыт. Этот опыт был поставлен на совершенно другой основе, не на той, которой я придерживался до сих пор и которая была определяющей в моих опытах,— поэтому я мало надеялся на успех. Во время этого опыта выяснилось, что биотоки мозга совсем другой природы, не такой, как предполагалось ранее. По этой причине мне и не могли удалиться мои предшествующие опыты. Ну, а потом за сравнительно короткое вре-

мне удалось измерить биотоки мозга, сделать их видимыми с помощью осциллографов и записать на магнитофонную ленту. Это было приблизительно год тому назад. Короче говоря, принцип работы аппарата таков: мысли человека посредством приемного устройства поступают в аппарат и записываются им на магнитофонную ленту. Информация поступает таким образом, что подопытное лицо ничего об этом не знает.

— Большое спасибо за предупреждение, — успел вставить Роньяр. — Я чуть было не стал жертвой этого кресла, — объяснил он присутствующим.

Хофстраат заявил шутливо:

— В ближайшее время не ждите нас в гости, Тербовен. Страшно даже подумать, что...

Д-р Бергер перебил адвоката, так и не дав закончить ему мысль.

— А какие возможности откроет этот аппарат перед медиками! Мы можем помочь нашему пациенту, узнав его невысказанные мысли.

Адвокат, обычно спокойный, тоже был взволнован.

— Невероятные перспективы для юриспруденции! Теперь нужно составлять новые законы, с учетом этого изобретения! Для криминалистов этот аппарат будет неоценимым помощником.

— Подождите, господа! Вы же еще не все знаете! — перебил Тербовен оживленных собеседников. — Записанные мысли невозможно воспроизвести с помощью, скажем, динамика. Их с помощью специального передатчика можно послать в мозг другого человека, который при этом находится в состоянии, похожем на гипноз. В таком состоянии ему навязываются чужие мысли. Свои собственные он формировать не может и воспринимает направленные в его мозг мысли как свои собственные.

Роньяр вскочил и воскликнул:

— Как в сказке! Это самое необыкновенное изобретение, какое когда-либо было создано людьми! Предоставляются великолепные возможности раскрывать все женские интриги!

— Ну, конечно же! Роньяр снова вернулся к своей излюбленной теме! — воскликнул Бергер.

— Да ведь это же очень просто! Предположим, например, что ваша подруга...

Его перебил Бергер:

— Не судите по себе! Вы же отлично знаете, что я женат!

Роньяр ответил лукаво:

— К чему так волноваться, дорогой Бергер! Одно не исключает другого!

— Ну хватит! — вмешался Хофстраат. — Этот вопрос относится уже к моей области, да к тому же, он может привести к солидному бракоразводному процессу.

Едва Роньяр услышал о бракоразводном процессе, как сразу же воскликнул:

— Какая жалость! Если бы Тербовен изобрел свой аппарат немного пораньше, то мой развод превратился бы в веселый спектакль!

— Перестаньте, Роньяр! Вы неисправимы! — вмешался Бергер. И, повернувшись к Тербовену, спросил: — А как внешне проявляется это состояние гипноза? Так же, как и при настоящем гипнозе? И человек потом ничего не помнит?

— Нет, он отлично понимает, что это не его собственные мысли, но не может противостоять им.

Тербовену доставляло радость рассказывать о своем изобретении в узком кругу друзей.

Его перебил д-р Бергер:

— Значит, непосредственная передача мыслей, как я понял, здесь невозможна. И состояние вашего пациента отличается от сомнамбулического состояния гипноза, где медиум тотчас же может ответить на тот или иной вопрос?

— Совершенно верно, — ответил Тербовен. — И время между приемом мыслей и их отдачей, кроме всего прочего, обуславливается техническими возможностями. Прежде чем производить облучение второго пациента, магнитофонная лента должна быть переведена в первоначальное положение.

Послышался скептический голос Роньяра.

— Скажите, Тербовен, а вы вообще сможете найти желающих для такого рискованного опыта?

— Разумеется, смогу. Все мои усилия до настоящего момента сводились к тому, чтобы как можно меньше людей было посвящено в это дело. И это совершенно не было связано с вопросом, опасны или нет для них эти опыты.

— Я тоже так думаю! Я бы никогда на это не отважился, — решительно заявил редактор и посмотрел на Бергера и Хофстраата, словно ожидая их подтверждения.

— Добровольно предоставить себя для подобных опытов решатся, разумеется, немногие, — заметил Хофстраат. — Но ведь настоящая ценность изобретения заключается в том, что мысли человека можно прочесть таким образом, что он этого и не заметит. — И далее, словно рассуждая сам с собой, он продолжал: — Я хорошо себе все это представляю: если тому или другому человеку говорят, что его мысли регистрируются, то он, естественно, соберется и начнет думать о чем-нибудь незначительном и безобидном.

— Это, кстати, очень непросто, — с уверенностью заявил Петер. — Я проводил опыты по этой части. И оказалось, что очень трудно оставаться при заданной мысли, а вообще ни о чем не думать — невозможно.

Бергер противостоял:

— Но ведь несколько минут, наверное, все-таки можно думать об одном и том же!

Роньяр при этих словах звонко рассмеялся.

— Несколько минут! Об одном и том же можно думать несколько часов! У меня была подружка, она могла — и в этом я могу поклясться — целыми днями твердить одно и то же: «Мне нужно серо-голубое вечернее платье! И серьги с бриллиантами!»

Хирург проворчал недовольным тоном:

— Опять одна из ваших подружек!.. Для того, чтобы сконцентрировать мысли на чем-то одном, нужно систематически тренироваться, как это делают индийские факиры.

Синие вечерние тени теплого осеннего дня медленно спускались на старый портовый город. Световые рекламы начали игру своих мерцающих огней. Витрины главной торговой магистрали города были уже освещены и бросали широкие полосы света на сумеречную улицу. Вечерний поток прохожих медленно тек мимо освещенных магазинов и, попадая в лучи света, казался большим темным пятном. По блестящему асфальту улицы медленно и чинно широкой бесконечной лентой двигались автомашины с их ослепительным блеском фар.

Петер Тербовен пробирался сквозь людскую толпу, не обращая внимания на ритмы шумного города.

Перед широким мостом через канал он свернул направо, туда, где начинается Мариенштрассе. В этом районе шумный поток городского транспорта несколько ослабевал, на полутемной улице царил тишина. Дома и деревья бросали на тротуар причудливые тени.

Людей на улице было немного. По сравнению с кипучей жизнью делового квартала, здесь было пустынно. Какой-то человек вышел из дома. Петер машинально посмотрел на него. Человек прошел несколько шагов по тротуару и начал переходить улицу, приближаясь к мосту. Что-то в фигуре прохожего показалось ему знакомым. Где же он уже видел эту походку? Петер остановился и спрятался за дерево. Со все возрастающим интересом он продолжал смотреть вслед человеку.

Наконец человек достиг главной улицы и вошел в полосу света. Петер узнал: это был Хофстраат. Но прежде чем Тербовен смог его окликнуть, он исчез в толпе прохожих на мосту.

Петер пошел дальше, но уже через несколько шагов он, к своему удивлению, отметил, что его друг, должно быть, вышел из того магазина, куда шел Петер. Это была лавочка подержанных и антикварных вещей господина И. Леви.

Уже взявшись за ручку двери, Петер на какое-то мгновение остановился, размышляя о том, что здесь могло понадобиться адвокату.

Пожилой человек, стоящий за прилавком, осведомился, чего желает посетитель. Голос его, с явным иностранным акцентом, часто срывался.

Тербовен быстрым взглядом окинул помещение. Потом показал на длинный ряд висящих костюмов и пальто.

— Я ищу пальто!

— Пожалуйста! Возможно, вы что-нибудь и выберете!

Петер внимательно осмотрел все пальто, развешанные без всякой системы, но, к сожалению, того, что он искал, здесь не было.

— Это все, что вы имеете? Или у вас есть еще что-нибудь?

Торговец ответил на его вопрос отрицательно и снял с вешалки добротное коричневое пальто. Но Петер энергичным движением руки дал ему понять, что оно ему не подходит.

Какое-то мгновение Леви с немым вопросом в глазах смотрел на него, потом повесил пальто и сказал с сожалением:

— Другого я ничего вам предложить не могу.

— Жаль! — ответил Петер. Но прежде чем отправиться к выходу, он спросил как бы невзначай: — Кстати, мне кажется, что из вашего магазина только что вышел адвокат Хофстраат! — Он сказал это безразличным тоном, но продолжал стоять, ожидая ответа.

Старик удивленно повернул голову в его сторону и бросил на своего клиента быстрый взгляд. С ответом он не спешил, все еще продолжая возиться со своими товарами. Потом ответил:

— Нет, вы ошиблись! От меня ушел только мой старый коллега. А имени, которое вы назвали, я не знаю.

«Зачем он лжет! — подумал Тербовен. — А может, это я сам ошибаюсь! Но нет, я-то уж ошибиться не мог!»

Он решительно повернулся и подошел к старику, который закончил сортировку одежды.

— Не так давно у вас висело хорошее синее драповое пальто... Вы что, его продали?

— Да, вы правы! Я помню об этом пальто! Но оно висело очень недолго. Я быстро его продал. И его, к сожалению, теперь уж не вернешь, — добавил он с дружелюбной улыбкой.

Но клиента такой ответ, казалось, не совсем удовлетворил, поскольку он снова спросил:

— А может быть, вам знаком человек, который его купил?

Петеру показалось, что при последнем вопросе на лице старика мелькнула едва заметная улыбка.

— Тут я вам ничем не могу помочь! Этого человека я не знаю. Я только помню, что этот господин подъехал к магазину на большом темном лимузине.

Сказал старик на этот раз правду или снова солгал?

Из этих раздумий его вывел голос торговца:

— Впрочем, не вы первый, кто интересуется этим пальто. Вскоре после того как я его продал, в мой магазин приходил один господин, который задал мне подобный вопрос.

Петер Тербовен с интересом обернулся, но так как торговец больше ничего не добавил, он поблагодарил его за сведения и вышел из лавки.

Между тем на узкой улочке, тянувшейся вдоль канала, стало еще пустыннее.

Не успел Петер сделать и нескольких шагов, как из темной подворотни, спотыкаясь и покачиваясь, вышел пьяный. Чтобы избежать столкновения, Петер сошел на мостовую. Пьяный тоже изменил направление. Широко расставив ноги, он преградил Петеру путь. Матросская фуражка сползла ему на лицо. Заплетающимся языком он попросил огонька.

Петер недовольно сунул руку а карман, стараясь быстрее отвязаться от неприятного парня.

Щелкнула зажигалка, вспыхнул маленький красно-желтый огонек, слабо осветив лицо под сползшей фуражкой, и Петер увидел устремленный на него настороженный взгляд

трезвого человека, а в следующий момент неизвестный нанес ему сильный удар кулаком, схватил его руку и грубо вывернул ее назад. Незнакомец погнал его туда, где стена канала отвесно падала вниз, в черную воду.

Но когда они были в нескольких шагах от канала, Петер вдруг с отчаянным мужеством начал защищаться. Он собрал все свои силы и остановился, хоть незнакомец продолжал толкать его вперед. При этом он ударил противника по ноге, и тот упал.

Человек в матросской фуражке понял, что игра проиграна. Но тем не менее он поднялся и стал, немного пригнувшись, готовый в любой момент броситься на Петера. Неудавшееся нападение, казалось, лишь разъярило его.

Петер выхватил карманный фонарик и направил луч в лицо незнакомцу. Тот, ослепленный, зажмурил глаза и поднял обе руки, словно защищаясь. Потом отскочил назад и исчез в темноте улицы.

Петер опустил свой карманный фонарик. В кружке света он увидел, как на мостовой блеснула его зажигалка. Нагнувшись, чтобы поднять ее, он нашел рядом с ней какой-то билет желтого цвета. Он сунул и то, и другое в карман и помчался что было сил.

Дома он внимательно рассмотрел найденный билет. Это был билет на пароход компании «Рэд Стар» для проезда в третьем классе до города Веракрус в Мексике.

Петер Тербовен отправился в пароходное агентство, чтобы узнать что-нибудь о владельце билета.

13.

— Здесь вы видите чертежи нашей новейшей астрорадарной установки !— Д-р Фельзенштайн, директор Астрофизического института, показал Петеру Тербовену на чертежи современного высокочастотного эхолота, разложенные на письменном столе.

— Как вы знаете, первые крупные расчеты, произведенные в свое время эхолотом, позволили точно определить расстояние от Земли до Луны. Но от того еще далеко не совершенного прибора, и до этого нового аппарата лежит большая и трудная дорога, можете мне поверить, — добавил д-р Фельзенштайн с известной долей гордости. — С помощью этого чудесного прибора и новых инфракрасных приборов мы сможем точно определить наличие крупных темных звезд и даже установить их размеры.

Петер Тербовен, познакомившись с планами и расчетами, спросил:

— Вы еще не опубликовывали ваши последние расчетные данные, дорогой коллега? Кроме физических журналов, я читаю и астрономический, но ничего подобного я там еще не видел.

Фельзенштайн, опустившийся на стул напротив, повернул к нему свое лицо с удивительно длинным носом.

— Вы правы, дорогой Тербовен! До сих пор еще ничего не было опубликовано. — И со смехом добавил: — С сегодняшнего дня вы причисляетесь к тем немногим избранным, которые имели возможность в какой-то мере познакомиться с работой нашего института.

— Я очень благодарен вам за это. Мое появление в вашем институте имеет особую причину, о которой я хотел бы пока умолчать.

Глаза д-ра Фельзенштайна весело сощурились за поблескивающими стеклами очков.

— Но я надеюсь, что вы не станете нашим конкурентом, — ответил он.

Петер с улыбкой махнул рукой.

— Не пугайтесь, сейчас у меня появилась еще одна профессия — я временно превратился в Шерлока Холмса, поэтому-то я и интересуюсь темными личностями и темными звездами!

— Хм, значит, дело действительно темное, дорогой Тербовен! И если я смогу помочь вам своими звездами, я с удовольствием продолжу свой рассказ.

В настоящее время мы знаем три различные группы неподвижных звезд, во-первых, ярко освещенные, во-вторых, темные радиозвезды, излучающие радиоволны и открытые еще в то время, когда были предприняты первые радарные измерения Луны, и в-третьих, темные звезды, которые излучают только инфракрасные лучи. Величина этих звезд и расстояние их от Земли известны лишь немногим людям. Об этом знают лишь сотрудники нашего института да еще немногие ученые — среди них, кстати, и бывший ассистент вашего отца — д-р Неве.

Без видимой на то причины Петер Тербовен внезапно поднялся и прошелся несколько раз перед д-ром Фельзенштайном, который с удивлением посмотрел на него. Наконец он остановился перед ученым и спросил:

— И на каком расстоянии находятся эти звезды от Земли?

Директор института забросил ногу на ногу и ответил:

— Когда мы с помощью радарной установки определили, что самые отдаленные от нас планеты нашей Солнечной системы — Нептун и Плутоний — находятся от Земли приблизительно в пяти-шести миллиардах километров, мы решили, что достигли всего, чего можно достичь в настоящее время.

Он сделал небольшую паузу.

— Вы можете представить себе наше удивление, когда однажды ночью один из сотрудников нашего института, д-р Мюллер, обнаружил звезду, существование которой до сих пор было совершенно неизвестно, так как она темная. Но хотя она и не светит, она излучает тепло и инфракрасные лучи, как мы установили позднее с помощью инфракрасного детектора. Сейчас мы знаем, что таких темных звезд очень много. Они находятся на разных расстояниях от Земли, и некоторые по своим размерам гораздо больше нашего Солнца.

Тербовен перебил его:

— А на каком расстоянии от Земли находится самая близкая из темных звезд?

— Самая близкая находится в созвездии Орион, т. е. далеко за пределами нашей Солнечной системы, приблизительно в двух третях светового года.

Тербовен начал что-то взволнованно высчитывать.

— Что? Две трети светового года! Ведь это же восемь месяцев!

Фельзенштайн был удивлен.

— Конечно! А что в этом особенного?

— А всего это будет шестнадцать месяцев, — продолжал невозмутимо подсчитывать Петер.

Директор института покачал головой.

— И что это вы все высчитываете?

— Да все очень просто! Для того, чтобы пройти расстояние от Земли до вашей темной звезды, свету нужно восемь месяцев; столько же нужно ему и на обратный путь. В итоге получается шестнадцать месяцев.

Фельзенштайн непонимающе посмотрел на него.

— Что вы собираетесь предпринять? Измерить звезду с помощью радара? Что ж, желаю успеха и приятного времяпрепровождения! Только этого вам придется ждать шестнадцать месяцев.

Застывшими глазами Петер Тербовен смотрел куда-то вдаль, мимо собеседника, а когда его взгляд вновь принял свое обычное выражение, он сказал со странной интонацией в голосе:

— А ведь шестнадцать месяцев уже почти на исходе!

— Сегодня вы говорите загадками! — заметил Фельзенштайн, а потом добавил в шутку: — Вы что, неважно чувствуете себя? Может, я могу для вас что-нибудь сделать? Таблетку...

Но гость не среагировал на шутливые слова, а ответил серьезным тоном:

— Да, кое-что вы можете для меня сделать. Дайте мне точное местоположение этой звезды в созвездии Орион!

— Вы говорите все загадочнее, дорогой друг! Но вашу просьбу я охотно выполняю.

Фельзенштайн задумчиво взял свой блокнот и назвал несколько цифр, которые его гость тотчас же записал.

— А вы не хотите мне сказать, что вы собираетесь делать? — спросил ученый, засовывая блокнот обратно в карман.

Тербовен посмотрел на часы и ответил:

— Извините меня, пожалуйста! Позднее я вам обо всем расскажу. А сейчас я должен идти! — Он быстро попрощался, отклонив предложение Фельзенштайна его проводить.

Директор института посмотрел ему вслед, задумчиво покачивая головой, а когда дверь за гостем защелкнулась, пробормотал: «Чудак-человек».

При этом он начал рыться обеими руками в своих карманах, ища сигарету. По старой привычке, они лежали у него в карманах не в пачке. Наконец он извлек одну, наполовину высыпавшуюся, и, разглаживая ее, пробормотал:

— Как он изменился!

14.

В парке на осеннем ветру шумели деревья. Дневной шум давно затих. Со стороны города донеслись два глухих удара колоколов церкви «Святая троица» и приглушенное урчание автомобиля. Дом и парк были освещены бледным светом луны. Словно отшлифованные алмазы, сверкали на бархатном ночном небе бесчисленные звезды. Самое прекрасное зимнее созвездие Орион стояло на небосводе большое и яркое.

На дорожке, ведущей к дому, послышались тихие шаги. Человек в сером плаще, скрытый тенью деревьев, осторожно проскользнул к дому. Из-под глубоко надвинутой на лоб шляпы настороженно поблескивали глаза. Поднятый застегнутый воротник скрывал нижнюю часть лица. Медленно, бесшумно он подошел к дому и мимо главного входа проскользнул к заднему фасаду.

Здесь, на стене, рядом с дверью, ведущей в подвал, была прикреплена узкая железная лестница. Она доходила

до самой крыши, огражденной металлическим парапетом. Человек взялся за перекладыны так уверенно, словно он не раз уже бывал здесь и все ему знакомо, и полез вверх. Прежде чем взойти на крышу, залитую ярким лунным светом, он внимательно осмотрел ее. Слева, недалеко от края, можно было заметить верхушку трубы. Перед ней возвышалась надстройка с дверью. Справа стояла большая установка, заботливо укрытая парусиновым тентом.

Человек быстро преодолел оставшиеся ступени и открыл ключом замок сетчатой дверцы, мешающей ему проникнуть на крышу. Дверью, должно быть, уже никто не пользовался — она открылась тяжело и со скрипом.

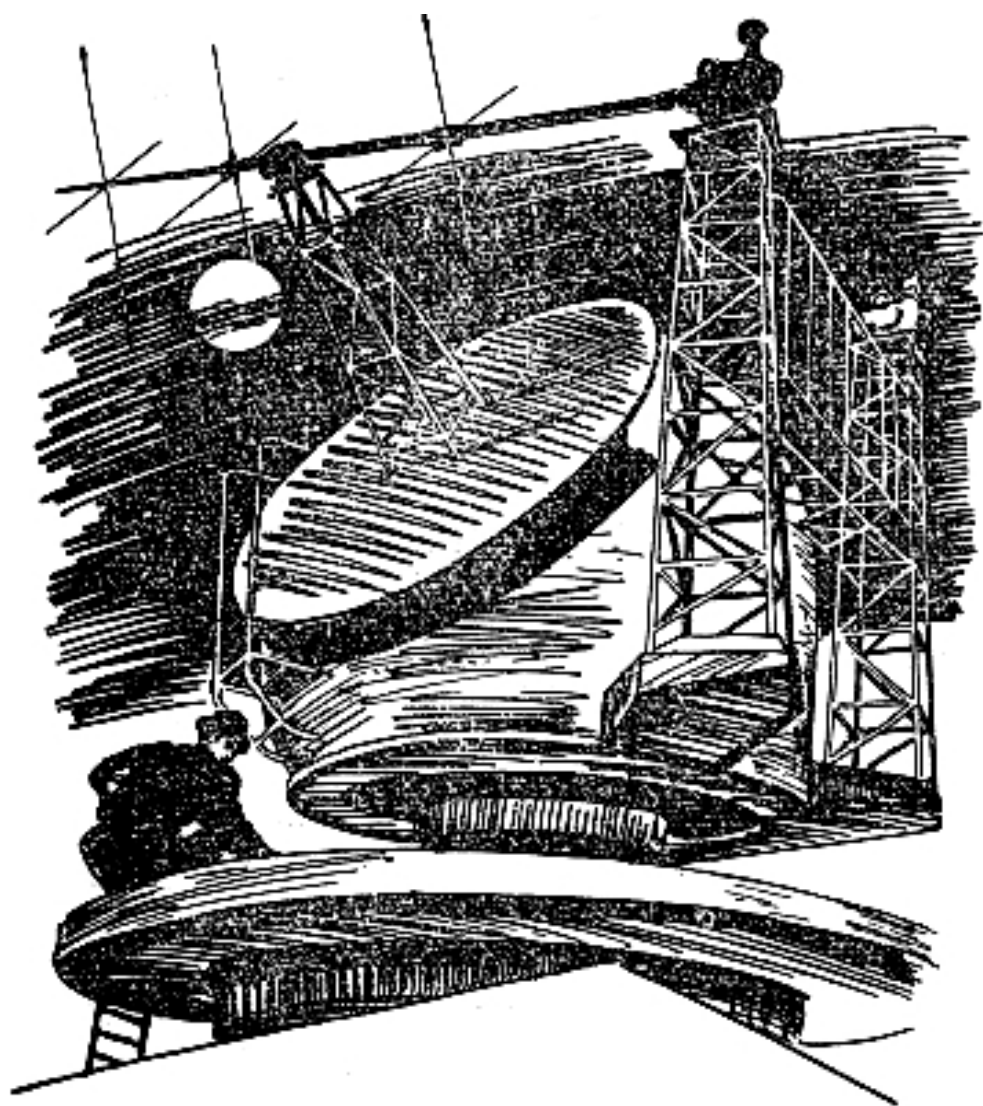
Неизвестный застыл на миг и прислушался. Вокруг было тихо. Бесшумно подошел он к укрытой причудливой конструкции, которая покоилась на мощном бетонном цоколе. Вся она вместе с парусиновым чехлом была похожа на голову могучего допотопного чудовища и, казалось, даже шевелилась, как призрак, едва темные тени облаков набегали на нее.

Несколькими взмахами ножа неизвестный разрезал крепкие стропы брезента и высвободил прибор. Теперь он был похож на гигантский прожектор, укрепленный на двух стальных рессорах в положении свободного вращения. Его передняя часть, закрытая не стальным кожухом, как у прожектора, а черным блестящим диском, была направлена на северную часть неба.

Человек подошел совсем близко к аппарату и исчез в его тени. Вскоре послышались какие-то приглушенные звуки, словно металлом ударили о металл.

Наконец винты, крепящие наружный толстый черный диск, были сняты. Человек приподнял диск, который мерцал, как отшлифованный оникс. Неизвестный осторожно исследовал обратную сторону. Наконец он повернул диск таким образом, что на него упал лунный свет. Сразу стало видно, что этот диск из темно-красного стекла — луна в нем казалась рубиново-красным шаром.

Это ли хотел увидеть ночной гость?

Не теряя времени, он вернул диск в первоначальное положение и начал торопливо закручивать винты. При этом у него из руки выпал, громко звякнув о бетонную крышу, гаечный ключ. Человек вздрогнул, бесшумно скользнул назад в спасительную тень и замер. Но в доме все оставалось тихо. Лишь деревья шумели в ночном парке.

Тогда он направился по крыше обратно, к пожарной лестнице. Сетчатая дверца все еще была открыта. Когда он повернулся, чтобы спуститься вниз по лестнице, взгляд его упал на надстройку. Ранее закрытая дверь была теперь широко распахнута, и он увидел зияющий проем. Незнакомец на мгновение оцепенел, а в следующую секунду, так и не закрыв сетчатую дверь, исчез в ночи.

Шорох поспешных шагов и хруст сухих веток потонули в шуме ветра. Вскоре после этого отъехал автомобиль, который, видимо, стоял у стены парка.

15.

Блестящая стеклянная дверь с большими золотыми буквами постоянно находилась в движении. Не успев закрыться, она снова кем-то открывалась. Доктор Тербовен нерешительно оглядел множество окошек и наконец подошел к ближайшему. На его вопрос служащий с дружелюбной улыбкой отослал Петера к шестому окошку. Проходя по длинному залу, Тербовен непроизвольно замедлил шаги, так как перед шестым окошком стояла дама, которая что-то оживленно говорила. Отливающие медью рыжие волосы мягкими волками ниспадали на плечи. Сверхэлегантная прическа не совсем подходила к плащу спортивного покроя и туфлям на низких каблуках.

Петер услышал, как служащий бюро путешествий сказал:

— Мы это, конечно, уладим.

Она поблагодарила — у нее был мелодичный грудной голос — и повернулась, чтобы уйти. При этом Петер заметил ее вспыхнувшие на секунду серо-зеленые глаза.

Очарованный, он смотрел ей вслед до тех пор, пока она легкой походкой не вышла из зала. «Дьявольски хороша! — подумал он. И откуда только она!»

Когда дама скрылась за раскачивающейся на шарнирах дверью, он повернулся к окну и увидел, что за ним наблюдают. Служащий улыбнулся ему понимающе и немного насмешливо. Тогда Петер сказал, тоже улыбаясь:

— Очень мила. Иностранка?

— К сожалению, не могу вам сказать, — ответил человек за стеклом.

Тем временем Петер Тербовен вынул пароходный билет до Веракруса, который он нашел после ночного происшествия.

— Скажите, пожалуйста, этот билет был куплен у вас?

— С этими словами он протянул билет служащему. Молодой человек посмотрел на билет и утвердительно кивнул.

— Я нашел этот билет, — продолжал Петер. — Не могли бы вы посмотреть, кому он принадлежит?

— Минутку. — Молодой человек услужливо извлек список. — Мы записываем имена всех, кто покупает у нас билеты на пароход или самолет. Вы знаете, что вы можете потребовать награду за находку?

— Да, да, это мне известно, — коротко ответил Петер и предложил молодому человеку сигарету. Тот поблагодарил и отложил ее в сторону.

Глаза служащего привычно скользили по многочисленным спискам.

— Вот, номер пятьсот пять, Веракрус! — вдруг воскликнул он. — Билет принадлежит некоему господину Майеру из Мюнхена! Фрицу Майеру! — добавил он.

Тербовен вопросительно посмотрел на него.

— Адреса я, к сожалению, не могу вам дать, поскольку для регистрации он не требуется, — сказал служащий.

— Жаль! Немного для начала!

— Оставьте, пожалуйста, нам свой адрес, — посоветовал служащий, — чтобы мы могли послать господина Майера к вам.

Петер поблагодарил и небрежно махнул рукой.

— Вот вам билет. Так проще.

— Пожалуйста, как хотите, — ответил молодой человек.

Застегивая пальто, Петер сказал:

— Передайте, пожалуйста, господину Манеру, что нашедший билет желает ему счастливого пути.

— Я передам.

Выйдя из бюро путешествий, Петер решил еще зайти к комиссару Альтману. «Возможно, тот выяснит, кто скрывается под именем Майера», — подумал он.

16.

Сняв в прихожей пальто, Хофстраат проследовал за госпожой Тербовен в комнату.

— Вы, конечно, были удивлены моей просьбой, — сказала она и предложила ему сесть.

Адвокат уселся поудобнее и сказал:

— У вас наверняка есть причины, из-за которых я ничего не должен говорить Петеру о вашем приглашении.

— Да, я не хотела бы, чтобы у моего сына из-за этого неприятного дела возникли трудности в работе.

Хофстраат, спокойно выжидая, посмотрел на госпожу Тербовен. При этом от него не ускользнуло, что она выглядела озабоченной. Она мучительно подыскивала подходящие слова, чтобы высказать ему свою просьбу.

Адвокат попытался ей помочь.

— Вы же знаете, я целиком в вашем распоряжении. Если я смогу вам помочь, я охотно это сделаю!

— Я знаю. — На ее лице мелькнула слабая улыбка. — И очень благодарна вам за это.

Она внезапно поднялась и вынула из ящика комода плоский отделанный коричневым сафьяном футляр. Открыв его, она протянула его адвокату.

Пораженный, взглянул он на прекрасное жемчужное ожерелье. Казалось, что жемчужины искрились каким-то удивительным мерцающим светом. Что украшение стоило огромных денег, Хофстраату стало ясно сразу.

— Дорогая вещица!— сказал он восхищенно и вопросительно посмотрел на жену своего друга, которая снова села напротив него.

— Это свадебный подарок моего мужа,— тихо ответила она. — Его мать носила это ожерелье.

Адвокат осторожно взял с голубой бархатной подкладки украшение и, держа его в руке, сказал:

— Жемчужины редкой величины и красоты.

Внезапно он опустил руку с ожерельем.

— Уж не хотите ли вы...

Госпожа Тербовен кивнула головой.

— Да, я хочу его продать.

Гость положил ожерелье обратно в футляр. Задумчиво покрутил он в руках открытую кожаную коробочку, любясь мерцанием и тусклым блеском жемчужин.

Наконец он сказал, не отрывая взгляда от украшения:

— Это необходимо?

— К сожалению, да, — ответила женщина.

— А Петер?— поинтересовался Хофстраат.

— Он не должен об этом знать... Во всяком случае, сейчас! Его работа стоила много времени и денег, и теперь, когда он у цели, ему не следует из финансовых соображений вынуждать себя на опрометчивую и невыгодную продажу своего изобретения.

Адвокат задумчиво посмотрел на сидящую перед ним женщину. Несмотря на горе, вызванное потерей мужа, она ни на секунду не забывала думать о благополучии сына.

— Кроме того, в ближайшие месяцы Петер собирается на Юкатан, чтобы снова начать поиски отца.

Хофстраат кивнул.

— Да, он говорил об этом.

— Вероятно, это путешествие продлится несколько месяцев и будет стоить больших денег, — сказала она.

Ее гость снова бросил взгляд на жемчужное ожерелье, лежащее перед ним на столе в открытой кожаной коробочке. Он нерешительно спросил:

— Не намекал ли ваш супруг в одном из своих мексиканских писем о драгоценных находках?

— Да, конечно. Он писал об этом, — оживилась госпожа Тербовен. — Но я их никогда не видела. Позднее я спросила у господина Нево о находках, но он, к сожалению, тоже ничего не знал. Он предполагает, что мой муж имел в виду раскопки вообще.

— Очень может быть, — ответил Хофстраат. — Не осталось ли у вас того письма, в котором ваш муж сделал эти намеки?

— Конечно, осталось. Вы хотите его увидеть?

Не дожидаясь ответа, она встала и открыла большую папку для писем.

— Он, кажется, писал мне об этом в пятом или шестом письме, присланном с места раскопок. — Она вынула из папки два письма.

Адвокат откинулся в кресле и в молчаливом ожидании наблюдал, как она развернула письмо и пробежала его глазами.

— Вот оно! Взгляните! Вот здесь внизу он написал...

Она показала на определенное место страницы, и Хофстраат начал читать:

«...превзошли все мои самые смелые ожидания. Фото пленки почти полностью израсходованы. Из-за жары их здесь трудно проявлять. Поэтому Нево сразу же посылает пленки в Нью-Йорк, там их и проявляют. Среди них есть много снимков очень драгоценных находок. Мир специалистов всколыхнется. Завтра мы начнем раскопки Больших восточных ворот»...

Адвокат опустил руку.

— Хм! Это можно истолковать по-разному. Довольно-таки неясно, что он, собственно, подразумевает под «дра-

гоценными находками». Не знаете ли вы, где сейчас те пленки, о которых говорится в этом письме?

— Все пленки у нас. Господин Нево передал их нам сразу же, как только вернулся. Точнее говоря, — добавила госпожа Тербовен, — сейчас они используются в Париже.

— Жаль, — медленно произнес Хофстраат. — Быть может...

Госпожа Тербовен прервала его:

— Петер и я просмотрели все пленки. Там лишь снимки разрушенных зданий, стен, отесанных камней. И несколько снимков палаточного лагеря. Больше ничего!

— И сколько их всего?

— Двенадцать. По тридцати шести кадров в каждой, — ответила госпожа Тербовен не задумываясь.

— А ваш муж нумеровал пленки?

— Нет.

Адвокат вернул письмо и неожиданно изменил тему разговора:

— Вы мне поручаете продать ожерелье?

— Да! Об этом-то я и хотела вас попросить. Самой мне тяжело идти к ювелиру, и у вас наверняка возможности лучше, чем у меня. — Она сказала это как бы извиняясь.

Хофстраат кивнул.

— Я смогу вам сообщить стоимость ожерелья уже завтра. Я знаю одного очень хорошего специалиста... Возможно, он и купит жемчужины.

Он посмотрел на свои часы и поднялся.

— Прошу извинения, но я должен идти. Сегодня вечером я жду гостей. В том числе и Петера.

Госпожа Тербовен тоже поднялась и сказала:

— Мой сын говорил об этом. Но он попросил меня позвонить вам и извиниться. Он сказал, что ему еще нужно уладить одно срочное дело.

— Очень жаль, — ответил Хофстраат, собираясь уходить.

В прихожей госпожа Тербовен отдала ему футляр с жемчужным ожерельем. Адвокат молча сунул его во внутренний карман пальто. Прощаясь, он добавил:

— Как старый друг вашего супруга, я охотно вам помогу. Вы полностью можете положиться на меня!

Раздался звонок.

— Сегодня Роньяр заставляет себя ждать!— Хофстраат вышел открыть дверь.

Д-р Нево, не вставая с кресла, выключил телевизор и зажег торшер. С удивлением прислушивался он к приглушенным голосам хозяина дома, ожидаемого гостя и к грудному мелодичному смеху женщины, доносившимся из-за двери.

«Почему же Хофстраат не сказал мне, что ожидает даму!»— подумал он и рассеянно закурил сигарету. Когда дверь открылась, Нево едва смог скрыть изумление. В сопровождении друзей в комнату вошла поразительно красивая женщина.

— Вот это неожиданность! — воскликнул Хофстраат, закрывая за собой дверь и оборачиваясь к только что пришедшим гостям. — Представить даму я позволяю вам, дорогой Роньяр, я еще на совсем оправился от удивления.

Д-р Нево примял в пепельнице начатую сигарету и поднялся, слегка смущенный. С присущей ему живостью редактор представил:

— Господин д-р Нево — Лу Бельмонте, моя новая сотрудница.

Даже хозяин дома, обычно уравновешенный, не удержался и задорно хлопнул своего друга по плечу.

— Ваша идея, дорогой Роньяр, привести к нам вашу очаровательную сотрудницу поистине блестяща!

Она мило улыбнулась и с дружеской непосредственностью протянула ему руку.

— Я очень много слышала о вас, господин д-р Нево, и теперь очень рада с вами познакомиться!

Нево не отрывал взгляда от ее лица.

— Надеюсь, вы не очень многого ожидаете от этого вечера. Такой холостяцкий вечер — смертельно скучная штука!

Спутница Роньяра засмеялась и стрельнула в Хофстраата своими серо-зелеными глазами.

— Я уж как-нибудь справлюсь с тремя закостенелыми холостяками! Может, мы лучше сядем!

Хозяин ловко пододвинул ей кресло, поставив его так, что она оказалась напротив.

Нево украдкой поглядывал на ее рыжие волосы, ниспадающие большими мягкими волнами на белую нежную кожу обнаженных плеч. Хофстраат тоже был пленен ее очаровательной внешностью и совсем не заметил, что Роньяр все еще беспомощно держит в руках свою камеру.

— Дорогой господин Хофстраат! Освободите же своего друга от фотоаппарата! Бедняга не знает, что с ним делать!

— Что вы задумали? Желаете запечатлеть нашу уютную компанию? — донеслось до Нево.

— Нет, — ответил Роньяр, ставший немногословным, каким он бывает редко. — Это специальный аппарат. Он принадлежит господину Тербовену. Я хотел ему сегодня вернуть его.

— Жаль, что это специальный аппарат, — галантно пожалел Хофстраат. — Ведь возможность сфотографировать такую красивую женщину предоставляется крайне редко.

— А я в своей лаборатории с удовольствием проявил бы пленку, — закончил Нево.

— Вот как, господин Нево! С каких это пор вы делаете это сами? — Хофстраат внимательно посмотрел на него. — Вы же обычно доверяли ваши фотоработы Вильямсу из Бруклина!

Только что любезно улыбавшееся и почти симпатичное лицо ученого стало, как маска, непроницаемым. Слегка прищулив глаза, он пристально посмотрел на адвоката и иронически сказал:

— Я в этом больше не нуждаюсь, господин Хофстраат.

Очаровательная гостья с интересом следила за разговором. Задумчиво и испытующе она направила взгляд своих

прекрасных глаз на Нево, который небрежно закурил новую сигарету.

Он почувствовал на себе ее оценивающий взгляд, и какое-то мгновение оба смотрели друг другу прямо в глаза. Лишь когда пламя зажженной спички обожгло ему пальцы, чары рассеялись.

Хофстраат не ответил на насмешливую реплику Нево. Он взял у неподвижно сидящего редактора аппарат, чтобы отнести его в прихожую. В этот момент зазвонил телефон. Адвокат прошел в свой кабинет, но оставил большую двустворчатую дверь приоткрытой на ширину ладони. Сказав всего несколько фраз, он положил трубку и вернулся.

— Тербовен? — спросил Роньяр.

— Нет, один мой клиент. У меня завтра слушание дела.

Лу Бельмонте повернулась к сидевшему напротив нее Хофстраату.

— Ваша профессия, должно быть, страшно интересна! С большим удовольствием побывала бы на каком-нибудь процессе. А то об этом знаешь лишь кое-что только из детективных романов.

— В таком случае, дорогая коллега, вам придется и впредь довольствоваться лишь детективными романами — наш адвокат занимается только происшествиями. Я, во всяком случае, решительно предпочитаю детектив утомительному процессу, — насмешливо промолвил Роньяр.

Нево живо возразил ему:

— Как вы можете находить удовольствие в чтении халтуры! В этих романах всегда побеждает так называемое «добро». А что такое вообще добро и зло? Я утверждаю: добро и зло есть одно и то же понятие, лишь рассматриваемое с разных сторон. Что идет на пользу одному, вредит другому. Так обычно бывает в жизни.

Хофстраат неодобрительно посмотрел на него.

— Вы защищаете очень опасное воззрение, согласно которому не существовало бы ни права, ни справедливости и разрешалась бы любая подлость.

Лу Бельмонте надула губки.

— Ну, это на самом деле скучно, господа!

Как ни в чем не бывало, Роньяр продолжил разговор:

— Я считаю, что хороший детектив может стать настоящей сокровищницей в области психологических познаний.

— Ну, уж если вы такой хороший психолог, — повернулась Лу Бельмонте к Роньяру, — то тогда вы должны знать, чего мне сейчас больше всего хочется! — при этом она несколько раз лукаво взглянула в сторону Хофстраата.

— О желаниях красивой женщины трудно догадаться, — смеясь, вставил Нево.

Роньяр, казалось, рассердился и бросил:

— Никогда не узнаешь, чего хочет женщина!

— Неужели действительно так тяжело отгадать, — засмеялась Лу Бельмонте и посмотрела на адвоката. — Я бы послушала танцевальную музыку. Ваша радиола работает, господин Хофстраат?

Адвокат обрадованно встал.

— Одну минутку!

Он подошел к радиоле и, покопавшись немного, поставил пластинку. Когда в комнате прозвучали первые такты аргентинского танго, он, улыбаясь, поклонился.

— Разрешите пригласить!

Нево с наигранным возмущением в голосе воскликнул:

— Я протестую! По-моему, должна выбирать дама!

Хофстраат отпарировал:

— Но вы же видите, господин Нево, дама уже сделала выбор.

И начал танцевать со своей очаровательной партнершей.

Оставшиеся холостяки наблюдали за ними. В это время снова раздался телефонный звонок. Роньяр вскочил и прошел в соседнюю комнату. Вернувшись, он сказал Хофстраату:

— Мне очень жаль, но я, к сожалению, вынужден вас покинуть. Срочное дело.

— Увы! — заметил Хофстраат.

— Не беспокойтесь, я доставлю Лу Бельмонте домой на своей машине. — Д-р Нево поднялся. — Редакторы — рабы своей профессии.

Лу Бельмонте посмотрела на свои маленькие часики.

— Мне тоже пора, я охотно принимаю ваше любезное предложение, господин Нево.

— В таком случае, — воскликнул Роньяр, по-видимому, обрадованный, — все в порядке!

18

Слабый свет ясной звездной ночи падал через окна на лестницу, ведущую наверх. Мягкие ковры устилали ступени. Глубокая тишина царила в ночном доме. Из квартиры дворника, расположенной в полуподвальном помещении, тоже не доносилось ни звука. По лестнице протянулись длинные черные тени, скрывая почти все ступеньки.

В темноте медленно крался человек. Бесшумно и осторожно поднялся он по ступенькам. Достигнув верхней площадки, он постоял, прислушиваясь. Ничто не нарушало тишины. Человек сделал несколько шагов и медленно, избегая всякого шума, нажал на дверную ручку, сантиметр за сантиметром приоткрывая дверь.

В комнате было еще темнее, чем на лестнице, так как ее окна были занавешены. Едва слышно тикали часы. Когда человек быстрыми шагами — так, словно все здесь ему было знакомо, — вошел в комнату, ноги его утонули в мягких коврах, заглушавших шум шагов.

Он снова остановился, прислушиваясь. До его слуха доносилось тихое равномерное капанье. Что это? Узкий пучок света карманного фонарика выхватил из темноты кран над умывальником. Свет фонарика проблуждал, словно призрак, по всей мебели спальни и остановился, наконец, на дверце большого вмонтированного в стену платяного шкафа.

В пучке света появилась рука в коричневой кожаной перчатке и осторожно повернула ключ. Дверца отворилась со скрипом. В тот же момент фонарик потух и зажегся снова лишь через несколько минут.

Рука скрылась между висящими в шкафу костюмами и сдвинула в сторону несколько вешалок с бельем. Образовавшееся пространство позволило увидеть на задней стенке шкафа несколько рубильников и автоматическую блокировку. Незнакомый повозился у блокировки, потом закрыл дверцу шкафа и вышел из спальни, так же осторожно закрыв за собой дверь.

В коридоре он повернулся в сторону соседней двери. Понималось тихое позвякивание металла о металл, потом звук поворачиваемого в замке ключа — и дверь медленно и бесшумно распахнулась! Человек осторожно проскользнул в комнату. Здесь было немного светлее. В широкие окна смотрел узкий серебристый серп месяца. Неотчетливо серели контуры находящихся в комнате предметов. Напротив двери ясно очерчивался большой аппарат.

Тайный посетитель прикрыл за собой дверь и запер ее. Тонкий луч фонарика пробежал по комнате. Он осветил телевизионную трубку, вспыхнувшую зеленоватым фосфоресцирующим светом. Потом луч света выхватил из темноты телефонный аппарат. Рука в кожаной перчатке протянулась к аппарату и сняла трубку. Тихо прозвучал зуммер. Человек набрал номер и погасил свой фонарик. На другом конце провода тоже подняли трубку. Незнакомый заговорил. Он сказал всего несколько слов, они прозвучали необычно глухо — говорящий, видимо, прикрыл трубку рукой.

Снова стало тихо, и снова вспыхнул фонарик. Незнакомый прошел в глубь комнаты. Внезапно его нога натолкнулась на твердый предмет. Раздался глухой стук. Человек стоял перед большим ящиком без крышки, наполненным какими-то запакрованными предметами. За этим ящиком у стены стояло еще несколько таких же.

Луч света скользнул по наружным сторонам стоящего перед человеком ящика. На светлом дереве большими черными буквами было выжжено: «Нью-Йорк».

— Я так и думал! — тихо произнес человек и снова направил свой фонарь на аппараты и распределительные щиты.

Человек быстро вернулся к двери. В свете карманного фонарика на внутренней стороне дверной рамы выделились справа и слева черные стеклянные пластины. Луч фонарика задержался на них несколько секунд.

— Неплохая штука, такая вот сигнализация, срабатывающая от инфракрасных датчиков! Тем более, если она смонтирована собственными руками!

С тихой иронической усмешкой ночной посетитель спустился вниз по лестнице и исчез.

19.

— Я вам еще не говорил, что сегодня во второй половине дня собирался прийти д-р Нево? — Петер Тербовен посмотрел на часы. — Он скоро будет.

— Ну, так не буду вам мешать, — сказал Хофстраат, поднявшись. — Только мне нужно было бы сперва зайти к вашей матери — я предполагаю, что визит его предназначается ей.

— Нет, нет, оставайтесь, — ответил Петер. — Он сообщил мне по телефону, что в ближайшее время намеревается уехать на несколько недель в Америку.

— Да что вы?! Это для меня новость! Вчера вечером он ничего об этом не сказал, — с удивлением заметил адвокат. — А он не сообщил вам, каковы цели этой поездки?

— Нет, придется немного обождать, скоро узнаем.

Беседуя таким образом, оба подошли к широкому окну. Стоял один из ранних и ветреных осенних дней. На террасе ветер играл увядшей листвой деревьев. Газоны давно утратили свою свежесть, а ветви декоративных кустов, растущих у дорожки, которая вела к калитке, совсем оголились.

— Вот и он! — воскликнул Петер и показал в сторону сада.

Его друг бросил быстрый взгляд в ту сторону и произнес задумчиво:

— Что же заставило его самого сюда притащиться? Видно, что-то очень важное.

Петер Тербовен задумчиво пожал плечами и вышел. Вскоре он вернулся вместе с д-ром Нево. Ответив на приветствие, Хофстраат спросил только что прибывшего, благополучно ли он добрался вчера домой.

— Я честно довез Лу Бельмонте до самых дверей, — ответил физик, сделав вид, что не понял — вопрос относился к нему самому, а не к его спутнице.

«Бельмонте! — подумал Петер. — Этого имени я еще никогда не слышал. Потом спрошу у Хофстраата».

Они уселись в большие кресла, и Петер с интересом стал расспрашивать нового гостя о его работах. Но не успел тот и слова вымолвить, как вмешался Хофстраат:

— Статья Роньяра о ваших работах привлекла всеобщее внимание. И эту тему уже подхватили многие газеты. Думается, что теперь вам будет очень трудно скрыться от репортеров и любопытных.

— Да как вам сказать, — ответил Нево, польщенно улыбаясь. — Любопытных больше чем достаточно, в этом вы правы... Но они мне не докучают. Дело в том, что я приказал своей помощнице не разглашать никаких подробностей. В настоящее время я не собираюсь сообщать ни о чем, кроме того, что я уже сообщил господину Роньяру.

— Почему? — удивился Хофстраат.

— Собственно, это и есть причина моего визита, — ответил Нево, покашливая. — Через две недели я уезжаю в Соединенные Штаты. Там мне придется поработать, видимо, месяцев шесть-семь. Более детально я расскажу об изобретении после моего возвращения. Я собираюсь получить в Соединенных Штатах патент. Изобретение должно найти защиту также и за границей.

— Так, значит, вы полностью закончили свою работу? — поинтересовался Петер.

— Да. Остались кое-какие мелочи, но этим я могу заняться и позднее.

Хофстраат осведомился, едет ли Нево один или берет с собой ассистентку.

— К сожалению, я должен ее взять. За океаном меня ждет так много работы, что без помощницы мне не обойтись.

— А почему «к сожалению»? — заметил Хофстраат с улыбкой. — Неужели она так безобразна?

Нево рассмеялся.

— Совсем напротив. Малютка Норрис довольно мила, но не в моем вкусе. Она относится к числу женщин, которые знают только свою работу, а в остальном довольно скучна.

— А-а! — протянул Хофстраат.

— Значит, превосходная работница, — констатировал Петер.

Нево кивнул.

— Вот именно. Но, тем не менее, довольно странная. Как бы много женщины не учились, они иногда теряются в самых простых и естественных вещах!

— Да что вы говорите? Неужели доходит даже до этого? — продолжал подтрунивать адвокат. Очевидно, он задался целью немного посердить Нево.

— А может, это и к лучшему, — задумчиво произнес Петер.

— Возможно, — согласился Нево. — Но я все-таки предпочитаю иметь дело с более простыми натурами.

— А-а, ну конечно, вам больше подходят солидные и зрелые женщины, — слышался голос Хофстраата.

Петер с удивлением взглянул на адвоката. Но поскольку его лицо оставалось, как всегда, спокойным и непроницаемым, он перевел взгляд на Нево.

— Вот как! Откуда вы это взяли? — ответил Нево, несколько не смутившись.

Но адвокат не заставил себя ждать.

— Откуда я знаю? Вы забываете, что мы гости госпожи-на Тербовена.

Нево недоуменно посмотрел на Петера.

— Не понимаю! Какое вы имеете к этому отношение?

Тербовен удивленно переводил взгляд с одного на другого и, наконец, беспомощно заметил:

— Я тоже не понимаю...

Хофстраат разрешил загадку.

— Но, дорогой Тербовен, у вас же есть аппарат для чтения мыслей!

— Ах да, правильно! — Петер быстро повернулся к Нево. — Позвольте мне продемонстрировать мой энцефалограф, господин Нево!

На лице Нево появилось удивление.

— Как! Вы тоже завершили свою работу?

— Да. На это, правда, ушло довольно много времени.

Нево нерешительно взглянул на часы.

— Собственно, — начал он, заикаясь, — я заскочил лишь...

— Несколько минут у вас наверняка найдется, — заверил его Хофстраат. Петер засмеялся и движением руки пригласил гостей в свой кабинет.

— Прошу, господа!

Пропустив впереди себя гостей, он сказал Нево любезным тоном:

— Сегодня настал мой черед кое-что продемонстрировать!

Физик заставил себя улыбнуться и с любопытством огляделся.

Хофстраату эта комната уже была знакома. Не дожидаясь приглашения, он сразу уселся в кресло и закинул ногу на ногу. Его лицо, казалось, говорило: «Ну, пожалуйста, я готов!»

Петер предложил сесть и Нево. Он придвинул к нему кресло и показал на магнитофонное устройство, стоявшее на столе в углу комнаты. Внешне оно ничем не отличалось от других аппаратов, которые помещаются в музыкальных шкафчиках. Под столом стояло несколько усилителей. Аппарат, казалось, был готов к работе — достаточно было Петеру нажать на кнопку, как завертелись подкассетники.

В комнате воцарилась тишина.

С напряженным вниманием д-р Нево следил за приготовлениями Петера.

Еще раз проверив аппараты, д-р Тербовен медленно повернулся и с серьезным видом сказал:

— Ваши мысли, господин Нево, принадлежат теперь не только вам. Они...

Нево быстро вскочил, поспешно обернулся и уставился на кресло. И тут он увидел то, что ускользнуло от его внимания, когда он садился, — две металлические пластинки своеобразной формы, расположенные справа и слева на старомодных подлокотниках.

Он не дал Петеру сказать ни слова. Было видно, что он напуган и рассержен.

— Я не привык к таким шуткам, господин Тербовен! Ведь нечестно воспользоваться тем, что я ни о чем не знаю!

— Ну, что вы, господин Нево! Ведь это совершенно безвредно! Зачем так волноваться? — И продолжал, довольный: — Если бы я захотел воспользоваться вашим незнанием, я бы не предупредил вас заранее об этом! Итак — прошу! — Он сделал движение рукой, приглашая Нево сесть в кресло на время опыта.

Но физик все еще никак не мог успокоиться. Лицо его покраснело от гнева. Он нерешительно продолжал стоять у кресла.

Хофстраат сделал попытку убедить его:

— Чтение мыслей можно проверить только на самом себе. Как же иначе вы убедитесь, что ваши мысли записаны правильно?

— Нет! — Голос Нево прозвучал твердо и решительно. Он уселся в другое кресло, которое стояло посреди комнаты у маленького столика.

— А почему бы вам самому не сесть? — спросил он у Хофстраата.

Его лицо странно при этом изменилось.

Хофстраат молча поднялся и совершенно спокойно, словно это было нечто само собой разумеющееся, сел в кресло, с таким испугом покинутое физиком. Взглянув на часы, он повернулся к изобретателю:

— Десять минут можете мной располагать. Прошу вас, начинайте.

После отказа Нево Петер уже успел выключить аппарат. Он снова нажал на кнопку, и снова закрутились бобины с магнитофонной лентой.

Нево попал в крайне неприятную для себя и постыдную ситуацию. Он неуверенно следил за движениями Петера. Слышался лишь тихий гул аппаратов.

Взгляд Хофстраата был направлен на стол посреди комнаты. Мозг, казалось, напряженно работал; слегка нахмуренные брови свидетельствовали о большой внутренней концентрации.

Петер остался стоять у своего энцефалографа. Он внимательно наблюдал за испытуемым. Левая рука его при этом лежала на выключателе.

Нево беспокойно ерзал на своем кресле, постоянно поглядывая на часы. Опыт продолжался уже шесть минут.

Его взгляд останавливался то на Хофстраате, то на Тербовене. Правая рука лежала на столе, и он, сам того не замечая, нервно барабанил пальцами по гладкой поверхности. Он был очень обеспокоен.

На безымянном пальце поблескивало кольцо странной формы — змея, вцепившаяся в свой хвост; в глазах сверкали два изумруда.

Беспокойное постукивание физика вывело Хофстраата из задумчивости; он посмотрел на руку Нево, и взгляд его застыл на кольце странной формы.

В этот момент Петер нажал на кнопку выключателя и снова повернулся к аппарату.

— Десять минут уже прошли!

Хофстраат поднялся и вернулся на прежнее место.

— Сейчас я перемотаю ленту, а потом мы можем продолжить опыт,— сказал Тербовен.

— Так как завтра в суде мне придется выступать в важном деле, то я уже сейчас попробовал произнести свою речь, — заявил Хофстраат и опустился в кресло.

Потом он повернулся к Нево.

— Ну, господин Нево, теперь-то вы, наверное, не будете возражать, если господин Тербовен с помощью лучевой энергии запишет в вашем мозгу мою выпренную, мысленно произнесенную речь.

Нево уже больше не мог разыгрывать из себя оскорбленного.

— Ну, хорошо, — произнес он неохотно и сел в кресло, которого до сих пор так тщательно избегал.

Вспыхнула маленькая красная сигнальная лампочка. Аппарат был теперь переключен в такое положение, когда записанные мысли могли излучаться на человеческий мозг.

— А как вы этого достигаете? Передача сигналов проходит через те же самые электроды? — поинтересовался Хофстраат.

— Да. Ничего не меняется,— ответил изобретатель и добавил, поясняя: — Собственные мысли будут незаметно

перекрываться мыслями, записанными на пленку. Это состояние похоже на гипноз.

— Поистине опасная штука! Подбивает на преступные действия! — вставил Нево.

— Вы неправы, — возразил Петер. — Человека, находящегося под гипнозом, нельзя заставить совершить преступление. Приказ гипнотизера совершить убийство остался бы невыполненным.

— Это меня успокаивает в какой-то мере! — Нево вымученно засмеялся. — Ну, включайте! Я готов!

Петер начал возиться у прибора. Красная лампочка погасла, вместо нее зажглась зеленая. Вновь послышался монотонный гул аппарата. Нево откинулся в кресле и закрыл глаза.

Хофстраат не проронил ни слова. Его очень утомило напряжение, испытанное при записи его мыслей. Опершись подбородком на руки, он задумчиво смотрел на неподвижно сидевшего Нево.

Медленно текли минуты. Магнитофонная лента все больше и больше перематывалась с одной бобины на другую.

На лице Нево не дрогнул ни один мускул — он сидел совершенно неподвижно и, казалось, спал.

Держа часы в руке, Петер следил за временем. Наконец его рука потянулась к выключателю и бесшумно перевела его в другое положение. Послышался тихий щелчок, гул смолк, лента остановилась.

Петер подошел к все еще продолжавшему сидеть неподвижно и с закрытыми глазами Нево и тихо провел пальцами по его лбу.

— Опыт закончен, господин Нево!

Физик открыл глаза, его взгляд встретился с взглядом Тербовена, он медленно возвращался к действительности. Он удивленно огляделся и, увидев адвоката, вздрогнул в испуге.

Призвав на помощь всю свою энергию, он заставил себя успокоиться и заговорил, с трудом выискивая слова:

— Опасная игрушка все это! — его голос странно изменился.

Через какое-то время он добавил:

— Впрочем, совсем неплохая речь, господин Хофстраат! — Он снова обрел уверенность. — В вашей практике, оказывается, случаются деликатные случаи, — сказал он напоследок, многозначительно подмигнув.

— Ну, расскажите, как все было! — попросил Петер и с интересом посмотрел на него. — Мысли господина Хофстраата вы воспринимали как свои собственные? — спросил он.

— Я понял, что это не мои мысли, когда вы меня разбудили. А во время приема я казался себе адвокатом, который держит речь.

Нево удивленно потряс головой.

— Странное чувство, должно быть, вы испытали, — заметил Хофстраат. — Ведь вы не юрист, и тем не менее у вас было такое чувство, будто вы держите защитительную речь.

Нево недоуменно кивнул.

Петер сделал несколько шагов в сторону двери.

— Пройдемте лучше в другую комнату, там уютнее.

— И нет таких страшных кресел, — добавил Нево. К нему вновь возвращалось хорошее настроение.

После того, как все уселись, Нево вернулся к замечанию адвоката.

— Я, разумеется, ничего не знаю из того, о чем вы говорили в своей речи, господин Хофстраат, но тем не менее она не казалась мне чужой, поскольку мои собственные мысли были полностью выключены.

Хофстраат повернулся к Петеру, который с интересом следил за рассказом Нево.

— А нельзя ли, сконцентрировав свою силу воли, противостоять этому излучению?

— Нет, это невозможно. Передача происходит с такой интенсивностью, которая при любых обстоятельствах парализует человеческую волю.

— И это, по моему глубокому убеждению, даст изобретению большое поле деятельности, — констатировал Хофстраат.

Нево недоуменно посмотрел на него, и Хофстраат продолжил:

— Я имею в виду его применение в медицине. С его помощью можно будет делать поразительные внушения. Разве нельзя будет лечить, например, душевнобольных, страдающих навязчивыми и бредовыми идеями?

— Верно! Об этом я еще не подумал!

Нево, глубоко взволнованный, посмотрел на хозяина дома.

— Вы сделали великое открытие, господин Тербовен! Примите мои поздравления!

— Надеюсь, что мне с моим изобретением повезет больше, чем отцу!

— А почему вам должно не повезти? Желаю вам всяческого успеха! — При последних словах Нево нервно взглянул на часы. — Мне пора!

Он попрощался. Вскоре ушел и Хофстраат. Петер проводил его до двери.

Вернувшись в комнату, он подошел к креслу, в котором напоследок сидел Нево, и нагнулся над ним. Потом осторожно провел рукой по его спинке. Послышался металлический щелчок, и часть спинки отошла в сторону, обнажив металлические части.

В этот момент сбоку на окне возникли очертания человеческой фигуры.

На террасе появился Хофстраат и бросил взгляд в окно. В следующее мгновение он уже снова исчез в сумеречном свете клонившегося к вечеру осеннего дня.

20.

— Разрешите представиться, господин Хофстраат! Мое имя — Тернер. Джим Тернер.

Хофстраат поднялся с кресла, стоявшего в передней. Перед ним стоял элегантно одетый молодой человек, который вежливо пригласил его следовать за собой.

Адвокат мгновение колебался, а потом пошел. На нем было темное зимнее пальто, шляпу свою он держал в руке. Молодой человек провел его в обставленный со вкусом кабинет. Лишь теперь Хофстраат решился задать вопрос:

— Я даже не знаю, что вы от меня хотите...

Молодой человек тотчас же вежливо его перебил:

— Прошу меня извинить, господин Хофстраат, но господин государственный секретарь тоже приносит свои извинения. К сожалению, его в последний момент срочно вызвали на конференцию.

Хофстраат вертел в руках свою шляпу.

— Я не знаком с государственным секретарем де Хаасом, поэтому я...

Господин Тернер с улыбкой махнул рукой и помог адвокату снять пальто.

После того, как они сели у маленького столика, стоящего у большого окна, откуда можно было видеть канал Виллемса, церковь за ним и большой железный висячий мост, элегантный молодой человек продолжил:

— Господин государственный секретарь поручил мне переговорить с вами по одному вопросу и... кх-кх.. и, так сказать, попросить у вас совета.

Гость внимательно смотрел на него, слушал, а молодой человек говорил и при этом любезно улыбался. Улыбка эта не совсем вязалась с холодным и пренебрежительным взглядом, которым он окинул собеседника сквозь стекла очков. Наконец он замолчал и, словно играя, зашевелил своими тонкими пальцами. Очевидно, он не совсем хорошо представлял себе, как ему лучше всего действовать дальше.

Адвокат пришел ему на помощь.

— Я очень удивлен. Я действительно не представляю, по какому вопросу я могу вам дать совет. Моя практика простирается...

— О, господин Хофстраат, — перебил его Тернер, — не преуменьшайте ваших возможностей! Нам очень хорошо известно, что вы не только умны, но и...

Адвокат махнул рукой.

— Да-да, господин Хофстраат, дайте мне, пожалуйста, сказать до конца... Но еще больше государственный секретарь ценит в вас человека, на которого можно положиться.

Хофстраат удивленно поднял голову. С недоумением он задал себе вопрос, какая же просьба последует за этими льстивыми словами?

— Мы знаем, что вы уже много сделали для нашей страны. Как патриот, так сказать. Понимаете!

Хофстраат невозмутимо покачал головой.

— Нет, к сожалению, не понимаю. И мне неизвестно, чем я заслужил такую похвалу.

Тернер смущенно кашлянул. Тот факт, что его лесть не произвела впечатления на адвоката, по-видимому, затруднял его намерения.

— Мы предлагаем вам работать у нас юрисконсультom. Только не поймите нас превратно: вы, конечно, и впредь останетесь самостоятельным. Лишь иногда мы будем вас просить дать то или иное заключение — разумеется, за соответствующий гонорар.

Молодой человек замолчал, ожидая действия своих слов.

Но адвокат молча смотрел в окно. Вдали, на фоне свинцово-серого неба, высились остроконечные колокольни церкви. Тишину нарушил пароходный гудок.

Хофстраат снова повернулся к молодому человеку, который продолжал испытующе смотреть на него.

— Вы хотите, чтобы я сразу дал вам ответ, господин Тернер?

— Ну, разумеется, нет, господин Хофстраат, — отмахнулся тот. — Мне лишь поручено сообщить вам об этом предложении, в настоящий момент — больше ничего. Конечно, вы вольны сразу же ответить «нет» или «да». Но это не обязательно.

Хофстраат задумчиво посмотрел на него, на его лбу обозначились морщины. Предложение удивило его.

Тернер, казалось, почувствовал его сомнения и тотчас же добавил:

— Вы известный адвокат, господин Хофстраат, у вас большой опыт. Правительству нужны такие люди. Часто возникают такие проблемы, которые мы не в состоянии решить без специалистов. Взять хотя бы эту злосчастную аферу с демпингом алмазов. Не знаю, слышали ли вы об этом?

Адвокат ответил отрицательно. В нем проявился интерес, поскольку разговор коснулся более конкретных вещей.

— Нашей бирже по покупке алмазов неожиданно было сделано предложение купить огромное количество алмазов по катастрофически дешевой цене, и говорят даже, что «Де Беерс Компани» уже не в состоянии диктовать цены. По приблизительным подсчетам, если дело дойдет до демпинга, мы понесем неисчислимый урон, так как все наши запасы алмазов — как на крупных и мелких промышленных предприятиях, так и в торговле, — потеряют по меньшей мере пятьдесят процентов своей сегодняшней стоимости.

Господин Тернер сделал паузу, чтобы проверить, какое впечатление произвели его слова на собеседника.

Но адвокат, не особенно задумываясь над услышанным, спросил:

— Мне не совсем понятно, откуда появились эти алмазы. С каких это пор алмазы стали продавать?

Тернер вновь кашлянул и заиграл серебряным карандашиком, который вынул из кармана куртки.

— Я этого не утверждаю, господин Хофстраат. Но, с другой стороны, есть много торговцев и фирм, которые в состоянии сделать подобное предложение. Кроме того, у нас свободная торговля, и мы не можем отказать фирмам делать то или иное предложение.

Хофстраат испытующе посмотрел на молодого человека и задумчиво заметил:

— Если это не «Де Беерс Компани», то остается лишь «Диамант Бьюинг Синдикат», — ведь такое предложение в состоянии сделать только эти две фирмы.

Собеседник внимательно его выслушал. А потом ответил, глядя куда-то мимо адвоката:

— Вот видите, выходит, мы не обманулись, посчитав, что вы как раз тот человек, который нам нужен. Вы тоже немного разбираетесь в этом деле.

Хофстраат коротко засмеялся.

— Кто в нашей стране не знает, что почти вся мировая торговля алмазами сосредоточена в руках этих двух фирм!

Тернер был с этим несогласен.

— В настоящее время даже «Диамант Бьюинг Синдикат» не в состоянии принять такое предложение. Мы уже вели переговоры по этому поводу. Мы действительно попали в чертовски трудное положение, которое стоит нам многих бессонных ночей, господин Хофстраат. Жаль только, что все это, к тому же, отразится на всей нашей стране.

Хофстраат внимательно рассматривал кончики своих ботинок и размышлял при этом. Через некоторое время он поднял голову и посмотрел прямо в лицо Тернеру.

— Я не представляю, чем я могу вам помочь!

Теперь настал черед Тернера проявить интерес к своим ботинкам. Опустив голову, он ответил несколько нерешительно:

— Не исключено, что вы нам сможете помочь даже больше, чем предполагаете.

— Горю нетерпением узнать — каким образом? — В голосе Хофстраата послышалась насмешка.

— Это предложение тотчас же возьмут назад — и в этом нас твердо убедили, — как только этим людям продадут изобретение профессора Тербовена, — ответил Тернер.

Хофстраат быстро выпрямился. Этого он не ожидал. На его лице отразилась растерянность. «Вот в чем дело», — подумал он.

Тернер не сводил с него глаз, и адвокат попытался вновь изобразить равнодушие.

Его собеседник продолжал осторожно зондировать почву:

— Вы, как бывший друг профессора, и поныне имеете большое влияние на его жену и сына, это мы знаем, — подчеркнул Тернер. — Поэтому вы многое можете сделать в этом деле.

Хофстраат положил ногу на ногу и испытующе посмотрел на элегантно одетого молодого человека.

— И вы, как я понимаю, одобрили бы эту продажу?

— Ну конечно, господин Хофстраат! Видите ли, эта продажа не только ликвидировала бы опасность демпинга, но и принесла бы стране большие деньги. А для правительства это не может быть безразличным! И вы со мной согласитесь, не правда ли?

Вместо ответа гость, начавший проявлять строптивость, снова задал вопрос:

— И в итоге окажется, что изобретение уйдет за границу?

Тернер лишь кивнул; по всей вероятности, он еще ждал ответа. Но Хофстраат продолжал, словно разговаривая сам с собой:

— Какой-то странной кажется мне фирма по продаже алмазов, которая заинтересовалась аппаратом Тербовена! Вы не находите? — обратился он к представителю государственного секретаря де Хааса.

Тот лишь пренебрежительно махнул рукой.

— Это не должно вас волновать, господин Хофстраат. Мы все равно не в состоянии узнать, кто эти люди. Да нас это и не интересует. Главное — мы избавимся от этих неприятностей!

Тернер вынул серебряный портсигар и, открыв его, протянул адвокату. Это были ароматизированные виргинские сигареты. Хофстраат поблагодарил и отказался.

— Разрешите, я лучше закурю свою сигару!

Прошло несколько минут. Каждый из собеседников был занят своими мыслями. Лишь выпустив несколько раз в воздух густые клубы голубоватого дыма, Хофстраат продолжил прерванный разговор.

— А вы вообще знаете, какова стоимость этого изобретения?

Тернер пожал плечами.

— Мне кажется, эти люди все равно его купят, какую бы цену ни запросили.

Адвокат на это ничего не ответил. Он проследил за кольцами дыма и сказал:

— Впрочем, вы должны были бы знать, что аппарат больше не является собственностью Тербовенов. Сейчас он принадлежит некоему д-ру Нево, бывшему ассистенту профессора.

— Конечно, господин Хофстраат, это нам известно. И я уверен, что этот господин Нево согласится на продажу. Весь вопрос в цене... Но нам известно и кое-что другое. К сожалению, господин Нево купил это изобретение с условием, что оно не уедет за границу. А это решает все дело.

— Хм, а я, что же, должен найти путь, как обойти эту оговорку?

Тернер помедлил с ответом.

— Не совсем, господин Хофстраат, — сказал он, подумав. — Такой путь мы считаем чересчур опасным. Не говоря уже о том, что этим мы окажем плохую услугу Тербовенам. Мы этого от вас не требуем — мы же знаем, как вы дружны с вдовой и сыном.

— Вы ошибаетесь, она еще не вдова, господин Тернер, — поправил его Хофстраат. — Дело в том, что профессор исчез. И еще не установлено, умер ли он.

— Конечно! Вы, разумеется, правы. Но неужели вы сами до сих пор еще думаете, что несчастный изобретатель когда-нибудь вернется?

Тернер с сомнением посмотрел на Хофстраата.

— Я буду думать так до тех пор, пока не узнаю наверное, что он умер.

Тернер поспешил выправить положение:

— Разумеется, вы как адвокат и друг дома... Но давайте лучше вернемся к вашему прежнему вопросу... Итак, о том, чтобы обойти эту оговорку в договоре, нельзя и думать. По многим соображениям. У общественности наверняка сложилось бы мнение, что наша страна позволила себя обмануть, хотя на самом деле все было бы не так.

От говорящего ускользнуло, что при его последних словах на лице адвоката мелькнула насмешливая улыбка.

— Кроме того, нам совершенно случайно удалось узнать, что семья Тербовена в настоящее время испытывает финансовые трудности.

Он испытующе посмотрел на Хофстраата. Тот спокойно дымил своей сигарой.

— Таким путем она сразу же освободилась бы от всех забот.

— Выходит, что Тербовены вас еще и благодарить должны, получив деньги от ваших странных торговцев алмазами? — саркастически бросил адвокат.

— Ну зачем так, господин Хофстраат, — упрекнул его Тернер. — Это не мои торговцы. И мне хотелось бы обратить ваше внимание на следующее: мы не преследуем никаких личных целей, пытаюсь уладить это дело, мы беспокоимся лишь о том, чтобы нашей национальной экономике не был нанесен урон. И давайте не будем об этом забывать, господин Хофстраат!

— Ну что вы, господин Тернер, конечно, нет! — Голос Хофстраата звучал почти патетически. — Именно об этом я все время и думаю!

Его собеседник был достаточно умен, чтобы не почувствовать насмешку. Пытаясь выиграть время, он снова закурил сигарету. Между тем, Хофстраат опять заговорил:

— А нет ли других возможностей избежать этого демпинга? Я, правда, не экономист, но тем не менее мне кажется, что эту диверсию против нашей экономики (а этот маневр я только так и расцениваю) можно предотвратить и обычными путями. Кто вам может гарантировать, что подобный демпинг не возникнет завтра в какой-нибудь другой отрасли! Что бы вы предприняли тогда? Ведь нельзя же допускать, чтобы таким образом у нас воровали изобретения и патенты!

Тернер сердито его перебил:

— Как вы можете говорить о воровстве, когда за это платят хорошие... да-да, очень хорошие деньги!

Хофстраат коротко рассмеялся.

— Такому изобретению цены нет. И поэтому невозможно говорить об оплате, даже очень хорошей... Но давайте

вернемся к другим, нормальным, возможностям, которыми располагает национальная экономика для защиты от подобных авантюр.

Тернер со все возрастающим недовольством продолжал следить за разговором, принявшим неожиданный для него оборот. Ведь не мог же он человеку, много старше его, запретить высказать свои мысли. Он быстро и недовольно курил, выпуская изо рта струи светлого сигаретного дыма, сладковатый запах которого распространялся по комнате.

Хофстраат продолжал говорить уверенным тоном:

— Кто нам мешает перевести это предложение с коммерческого пути на другой, предоставить заняться этим государственному учреждению, ведающему вопросами внешней торговли? Оно и направит демпинг обратно за границу, например в США. Ведь там тоже есть биржи, и там тоже торгуют алмазами.

— Вы ошибаетесь, — перебил его Тернер. — Там алмазами не торгуют. Там, в крайнем случае, можно было бы выпустить акции алмазных синдикатов. Но все это нереально. Мы самые крупные покупатели алмазов, так как они у нас шлифуются. Поэтому ваше предложение совсем не годится — мы не можем препятствовать продаже алмазов на бирже.

Но Хофстраата это не убедило.

— Тогда правительство само должно скупить эти алмазы, а потом поступить так, как поступают синдикаты, — поддержать их у себя, чтобы цены остались стабильными и... высокими. Для министра финансов это тоже оказалось бы выгодным — он бы смог использовать разницу между закупочной и продажной ценами.

Очки Тернера поблескивали, когда тот смотрел на Хофстраата. Раздраженным тоном он спросил:

— А почему вы считаете невозможным более простой путь, а именно — продажу аппарата?

— Потому что я как патриот и как друг профессора не могу допустить, чтобы изобретение, которое, возможно, будет иметь огромное значение для нашей страны, ушло за

границу и попало в руки, не имеющие, видимо, ничего общего с самоотверженным ученым миром!

После этих слов в комнате воцарилась тишина.

Тернер поднял голову и резко спросил:

— Это ваш окончательный ответ?

Хофстраат кивнул:

— Вы угадали, это мой окончательный ответ. Меня только удивляет, что вы, правительственный представитель, видимо, не одобряете моей точки зрения.

Молодой человек внезапно поднялся. От его показной любезности не осталось и следа.

— Тогда нам не имеет смысла продолжать разговор, господин Хофстраат. Мне только хочется сказать вам, что мы очень хорошо информированы. Бывает, что и адвокаты ведут двойную игру!

Хофстраат тоже поднялся. В уголках его рта появилась насмешливая улыбка. Он холодно поклонился.

— Был очень рад побеседовать с вами, господин Тернер! Передайте, пожалуйста, господину государственному секретарю мою благодарность за содержательный разговор.

Тернер, сжав губы, стоял у письменного стола и уже звонил секретарше. Он не произнес ни слова,

Не успел адвокат надеть пальто, как в комнату вошла молодая дама, чтобы проводить его до выхода.

В дверях он обернулся и сказал:

— Кстати, вы говорили о двойной игре, господин Тернер. Вам она хорошо знакома, не так ли?

Он не стал дожидаться ответа. Миловидная секретарша проводила его до двери из приемной и бесстрастно-приветливо попрощалась с ним.

Когда он, облегченно вздохнув, наконец, очутился на улице, он решил зайти в «Мархаис» выпить вина. «Мархаис», одно из известных питейных заведений, находился в одной из близлежащих улиц. Хофстраату было необходимо спокойно поразмыслить над всем услышанным. На углу стояла телефонная будка. Хофстраат уже прошел было мимо нее, но потом вдруг что-то вспомнил, вернулся и исчез в стеклянном домике.

Разговор его длился долго.

Тем временем на эту же улицу свернул лимузин старой марки с четырьмя дверями; он остановился в нескольких метрах от телефонной будки. Из машины никто не вышел.

Наконец дверь телефонной будки гулко стукнула. Хофстраат быстро зашагал по боковой улице, которая в противоположность центральной была малолюдной. Вскоре он перешел на другую сторону, приближаясь к «Мархаису», над входом которого светилась стеклянная голубовато-зеленая виноградная кисть.

Несколькими минутами позже у «Мархаиса» остановился и лимузин. Из него вышли двое мужчин, которые тоже решили посетить «Мархаис».

Хофстраат уже отыскал спокойный уголок, освещенный мягким желтым светом изящной стенной лампы. В уютном ресторане царил приятный сумрак — тюлевые занавески на окнах приглушали проникающий дневной свет. Массивные резные дубовые столы и стулья своей формой и цветом хорошо гармонировали с коричневой деревянной облицовкой потолка и стен, часть которых была украшена настоящими французскими гобеленами.

Адвокат не заметил посетителей — они заняли место за столиком, стоящим сразу у входа, — его мысли все еще были заняты предложением господина Тернера.

Его обслужили бесшумно и быстро. Официант ловко налил ему из хрустального графина напиток, который в бокале заискрился золотисто-желтыми точками.

Хофстраат в задумчивости закурил сигарету. Он был доволен собой, а результат беседы не очень его и волновал. Лишь скрытая угроза Тернера, упрек в двойной игре были, по его мнению, достойны внимания. Вот он и нажил себе нового врага в лице человека, который, очевидно, знал больше, чем следовало.

Сильное напряжение, испытанное им, уступило место спокойной расслабленности. Бокал охлажденного бордо и хорошая сигара всегда позволят увидеть в жизни ее лучшие стороны.

Тщательно все продумав, адвокат Хофстраат решил ничего не говорить Петеру Тербовену. Он полагал, что Тернер откажется от своего намерения. В конце концов, он ведь уже получил отказ, который невозможно было не понять.

Время шло. Официант уже давно задернул плотные коричневые гардины, но мужчины из черного лимузина все еще продолжали сидеть за маленьким столиком у входной двери.

Наконец Хофстраат подозвал официанта и расплатился, и пока тот помогал адвокату надеть пальто, неизвестные поднялись и с необычной поспешностью вышли из ресторана.

Лишь теперь, пробираясь между столиками к выходу, Хофстраату бросилось в глаза, что посетителей стало намного больше.

Недалеко от выхода перед ним склонился в поклоне старший официант, пожелавший ему хорошо провести вечер. Хофстраат лаконично поблагодарил его и вышел на темную вечернюю улицу. Над его головой поблескивала голубовато-зеленая виноградная кисть. На улице было мрачно и сыро. Сеет с трудом пробивался сквозь медленно опускавшийся на город туман, частый в это время года, когда сырой и все еще теплый морской воздух встречается с уже по-зимнему холодным воздушным потоком с континента.

Лимузин отъехал назад, он больше не стоял перед самым выходом. С работающим мотором он стоял теперь несколько в стороне, поближе к центральной улице, в самом темном месте.

Хофстраат поднял воротник пальто и тем же путем пошел обратно. Когда он проходил мимо лимузина, двое вышли из него. В тот же момент он почувствовал удар по голове. Неизвестные быстро втащили его в машину. Взревел мотор, и машина умчалась.

На следующий день в известной дневной газете «Ниове Курант» была напечатана заметка следующего содержания: «Загадочный несчастный случай.

Вчера вечером вблизи Гендрик-плаца легковая машина врезалась в грузовик, стоявший с выключенными фарами. Полиция, тотчас прибывшая к месту происшествия, нашла в лимузине потерявшего сознание человека, который был доставлен в больницу св. Анны для оказания помощи. По показаниям очевидцев, из машины выскочили трое мужчин, которые до сих пор не найдены. Как выяснилось, легковая машина принадлежит прокатному бюро. Машина была взята на два дня за шесть часов до несчастного случая неизвестным. Как показало расследование, этот человек предъявил фальшивые документы. Полиция просит очевидцев, могущих помочь следствию, обращаться в полицейское управление, отдел 3, комната 112».

Вечером того же дня господин Роньяр посетил адвоката Хсфстраата в его доме на окраине города. На этот раз редактор, казалось, был даже более любопытным, чем обычно, и намеренно не замечал плохого настроения хозяина дома.

Его привела сюда статья в вечернем выпуске газеты «Хэт Фолк», он держал эту газету, еще пахнущую краской.

— Вы уже читали, что здесь пишут о вчерашней автомобильной аварии? — спросил он Хофстраата.

Тот, несколько не в себе, рассеянно переложил папки с одной стороны стола на другую, желая, видимо, показать, что визит Роньяра помешал ему работать. Он на секунду поднял глаза и покачал головой. Он продолжал стоять, в то время как редактор, не долго думая, удобно устроился в кресле.

Газетчик чувствовал, что здесь пахнет сенсацией.

— Я зачитаю, — сказал он как ни в чем не бывало, вообразив, видимо, будто Хофстраат просил его это сделать. — Так где же эта заметка? — Он поспешно листал большую газету, не обращая внимания на то, что при этом сильно мял ее. — Ага, вот она!

Хофстраат бросил на шумного гостя недоверчивый взгляд, но тот уже начал читать.

— «Пострадавший якобы в автомобильной катастрофе и доставленный в больницу св. Анны неизвестный через несколько часов таинственно исчез из больницы. Случайная свидетельница, видевшая неизвестного, когда того доставили в больницу, заявила, что пострадавший является одним из известных адвокатов нашего города. По словам врача стационара доктора Норы, исчезнувший пациент, видимо, получил ранения не при автомобильной катастрофе. Высказываются предположения, что неизвестного еще до аварии ударили каким-то предметом, вследствие чего человек потерял сознание. Пришло время, когда наша полиция должна действовать более решительно, чем до сих пор. Этот новый случай снова напоминает об ужасных событиях в Чикаго».

Роньяр свернул газету и выжидающе посмотрел на адвоката. Но тот что-то искал в одном из выдвинутых ящиков письменного стола. Он делал вид, будто этот разговор его ничуть не интересует, но, видя, что редактор продолжает молчать, несколько неуверенно взглянул на него и не очень дружелюбно спросил:

— Ну и что?

Такого ответа Роньяр не ожидал и поэтому нерешительно пробормотал:

— Вы не можете сообщить какие-нибудь подробности об этом человеке, который, как утверждают, является известным адвокатом? Ведь выходит, что это один из ваших коллег!

Хофстраат покачал головой.

— Понятия не имею! Ведь у нас так много известных адвокатов.

Роньяр покорно сунул газету в карман пальто.

— А я-то думал, что обратился по правильному адресу!

Хмурое лицо адвоката прояснилось, на нем появилась улыбка. Он взял ящичек с сигарами, стоявший перед ним на письменном столе, и протянул его Роньяру.

— Угощайтесь! Сигара, возможно, поможет вам забыть о неудаче!

Ветер срывал с деревьев последние листья. В холодной и туманной вечерней мгле голые ветки казались безжизненными и заледеневшими. Везде — на тротуарах и на дорогах — в осенней грязи лежала пестрая листва.

Петер подошел к фонарю и взглянул на часы. Было семь часов вечера.

Тогда он сошел с тротуара и перешел улицу. Внезапно он быстро отскочил в сторону и притаился в тени садовой ограды.

Из сада слышались голоса. Разговаривали мужчина и женщина.

Заскрипела чугунная калитка. Собеседники вышли на тротуар и подошли к маленькой спортивной машине, стоявшей под фонарем.

Прощаясь, дама повернулась, и свет фонаря упал на ее лицо.

Петер узнал ее. Перед его мысленным взором мгновенно всплыла маленькая сценка в бюро путешествий. Это была дама с отливающими медью рыжими волосами и искрящимися зелеными глазами.

Она села за руль. Женщина и мужчина обменялись шутливыми словами. «До свидания, Лу Бельмонте!» — услышал Петер. Потом мужчина захлопнул дверцу машины.

Когда автомобиль проезжал мимо Петера, ему — правда, с трудом — удалось заметить номер машины. «Значит, ее зовут Бельмонте», — подумал он.

С громким стуком калитка защелкнулась. Зазвенела связка ключей. По усыпанной гравием дорожке заскрипели чьи-то удаляющиеся шаги.

Петер подошел к фонарю и в его свете записал номер машины, поставив после него большой вопросительный знак.

Потом он быстро подошел к калитке сада и стал всматриваться в темноту, окружавшую дом. Там все было спо-

койно. На улице тоже никого не видно. Тишину нарушал лишь шелест сухой листвы.

Быстро и решительно Петер поднялся на калитку, перекинул ноги на другую сторону и осторожно соскользнул на землю. Некоторое время он стоял, наклонившись вперед и к чему-то прислушиваясь, потом бесшумно прокрался к дому. Спрятавшись за сосной, он смотрел на окна.

Медленно шло время.

В первом этаже два окна были освещены. На пестрых занавесках иногда появлялась тень человека. Потом свет погас, но зато засветились окна передней. Они светились тоже недолго. Скоро темный сад осветили желтым светом окна полуподвального помещения.

Когда Тербовен вышел из-за своего укрытия, эти окна задернулись занавеской.

Медленно опускалась блестящая ручка двери. Тень от нее скользила по темной деревянной обшивке. Наконец она остановилась в полувертикальном положении. За короткое время образовалась черная щель шириной в ладонь, а потом дверь внезапно распахнулась настежь.

В темном проеме появился Петер Тербовен.

— Добрый вечер, господин Нево!

Человек мгновенно обернулся, на лице его было написано безграничное удивление. С широко открытыми глазами, не способный произнести ни слова, он смотрел на пришельца, словно на привидение.

Поверх элегантного костюма на Нево был надет белый халат, который он в спешке забыл застегнуть. На полу разбросаны мотки древесной шерсти и куски гофрированного картона. В углу комнаты стоял большой пустой ящик. Нево закрыл глаза, а потом снова их открыл, но Петер все-таки продолжал стоять у двери, которую он теперь, не оборачиваясь, а просто протянув руку назад, закрыл за собой. Ироническая улыбка и вызывающее спокойствие его движений таили угрозу.

— Как вы сюда попали? — Нево, наконец, обрел дар речи.

— Вы же видите, через эту дверь! — прозвучал насмешливый, но спокойный ответ.

— Что вам от меня нужно? Какая наглость... Ворваться без спроса!

Торопливо и нервно застегнул свой халат и, видя, что непрошенный гость продолжает молчать, задумчиво покопился на телефон, стоящий у двери на столике.

Тербовен перехватил этот взгляд.

— Слишком поздно, господин Нево! Я знаком с такой аппаратурой и позволил себе вывести ее из строя.

— Неслыханно! Что все это значит?.. Немедленно покиньте мой дом! Я не позволю обращаться со мной подобным образом! Со взломщиками у меня нет ничего общего!

— И не подумаю! — Тербовен шаг за шагом двигался вперед. Его правая рука оставалась при этом в кармане пальто.

Нево медленно отступал назад. Видимо, он хотел отгородиться от страшного гостя стоящим неподалеку столом.

— Господин Нево, я обвиняю вас в убийстве моего отца! Обвиняемый резко его перебил:

— Это нужно доказать! Вы что, с ума сошли?! — Его лицо исказилось.

— Доказательства вы представите сами, господин Нево! — Голос Петера прозвучал твердо.

Нево разразился неестественно громким хохотом.

— Какая чепуха! — язвительно прошипел он. Стекла очков, поблескивавшие в белом свете лампы, скрывали горящие ненавистью глаза.

Петер уже стоял посреди комнаты, непосредственно перед столом.

— Скоро вам будет не до смеха, господин Нево! Вам ничто не поможет, каким бы хорошим актером вы ни были. Ваши мысли уже предали вас. Дело в том, что у меня два кресла с вмонтированными в них приемными устройствами, и в одном из них вы уже сидели до эксперимента.

Д-р Нево вздрогнул. Придвигая к себе кресло, он даже не смог скрыть, что у него дрожат руки. Он уселся, вцепился в подлокотники и со злобой посмотрел на Петера.

— Негодяй! Хотите навязать мне убийство!

Тербовен рассмеялся.

— Навязать!.. Взгляните на свое кольцо и вспомните, откуда оно у вас!

Нево в ярости вскочил с кресла и срывающимся голосом закричал:

— Убирайтесь! Немедленно убирайтесь отсюда!

Его лицо исказилось.

— Пора прекращать игру, Нево! Я вовремя вас разоблачил... Вы не успели еще удрать в Америку вместе с изобретением. — В свете лампы блеснул черный ствол пистолета.

Нево в испуге отступил. И вдруг им овладело странное, но опасное спокойствие. Он привычным движением поправил очки и, прищурившись, насмешливо сказал:

— Не будьте смешны, Тербовен! И уберите оружие! Какого черта вы лезете не в свои дела! Вас совершенно не касается, что я сделаю с изобретением! — И небрежно показав рукой на пистолет, пригрозил: — А за это вы поплатитесь!

Слова Нево не произвели на Петера никакого впечатления. Он сказал спокойно:

— Предупреждаю вас, Нево, я пойду на все. Не вздумайте что-нибудь предпринять, иначе я выстрелю!

Тот лишь надменно улыбнулся.

— Я хочу знать, что вам от меня нужно?

— Это вы узнаете, — ответил Петер холодно и опустил направленный на Нево пистолет. — С помощью аппарата, который — как я вижу — еще не разобран, вы мне покажете последние события, случившиеся среди руин древнего города. Вы сами покажете мне, что произошло с моим отцом.

— Смешно! — ядовито прошипел Нево. — Вы мастер на выдумки! Вы же отлично знаете, что аппарат не может показать события, случившиеся в недавнем прошлом.

— Ваш аппарат показывает только корабли из недавнего прошлого! — с издевкой заметил Петер.

Нево молча откинулся в кресле, и, прищурившись, посмотрел на хорошо информированного Тербовена.

Тем же издевательским тоном неприятный гость продолжал:

— Я освежу вашу память, господин Нево. У вас имеется специальная приставка к аппарату, с помощью которой вы можете воспроизводить на экране и недавнее прошлое. А значит, вы можете воспроизвести на телеэкране и то, что случилось среди развалин древнего города с моим отцом шестнадцать месяцев назад.

Руки физика судорожно обхватили подлокотники кресла, пальцы побелели, и когда Петер замолчал, он мгновенно вскочил.

— Ваша осведомленность вам не поможет, уважаемый! Дело в том, что аппарат вообще не работает — вышла из строя одна из важных трубок.

Не спуская с противника глаз, Петер инстинктивно отступил на несколько шагов. Нево уже почувствовал себя победителем и вызывающе взглянул на сына исчезнувшего профессора.

Но от человека, готового на все, не так-то легко отделаться.

— Не рассказывайте сказки! — закричал Тербовен и снова поднял револьвер. — Выбирайте! Или вы включите прибор, или... я вас пристрелю на месте!

В комнате наступила гнетущая тишина..

Нево побледнел и медленно отступил. Глаза Тербовена горели решимостью. Словно приговоренный к смерти, Нево прижался к стене.

Но тем не менее он еще не сдавался.

— Что мне включить? — спросил он с глупым видом.

— Вы отлично знаете, какую звезду я имею в виду. Направьте приемное устройство на Орион! Вот, возьмите! — Он левой рукой быстро бросил физику бумажку. — Здесь точные данные о местоположении!

Нево машинально взял бумажку и отсутствующим взглядом уставился на нее. Так прошло несколько секунд. Петер ждал.

На лбу у Нево заблестели капельки пота. Он тяжело дышал. Наконец он повернулся к пульта управления и включил аппарат.

Тербовен не двигался с места.

Засветился экран. Туманные и рваные очертания постепенно превращались в неясную картину. Нево протянул руку к выключателю и погасил верхний свет. Телевизионное изображение стало контрастней и четче. Петер увидел очертания большой морской бухты так, как они рисуются на географических картах. В правом углу изображения вдавался в море полуостров Флорида. С левой стороны на экране появлялся полуостров Юкатан.

В слабом голубовато-белом свете телевизионного устройства лицо доктора Нево выглядело смертельно-бледным. Он, не шелохнувшись, смотрел на экран.

Мексиканский залив исчез, уступив место полуострову Юкатану. Он становился все больше и больше и наконец закрыл весь экран. Появлялись все новые и новые детали. Петеру казалось, что он следит с самолета... Изображение на экране становилось все крупнее. Теперь он уже видел могучий тропический лес.

Внезапно в раскинувшемся, словно ковер, лесе появился просвет. Посреди развалин огромного сооружения высилась могучая ступенчатая пирамида. Было хорошо видно, что она находилась в центре бывшего города. Мимо подножья пирамиды, через поля руин, тянулась, словно широкая лента, свободная от обломков полоса. На окраине, там, где бывшая улица терялась в лесу, можно было заметить маленькую светлую точку.

Петер приказал Нево направить аппарат на эту точку и увеличить ее.

Тот беспрекословно повиновался.

Точка быстро росла, и скоро можно было различить большую палатку, стоящую неподалеку от постройки оригинальной формы. Размеры становились все более крупными, и Петер, наконец, узнал арку, которую он видел на фотографии своего отца.

У палатки шевелился какой-то человек.

Петеру показалось, будто у него остановилось сердце. От волнения он не мог дышать. Предчувствия его оправдались — это был его отец. Несмотря на то, что тот был в широкополой шляпе и темных, защищающих от солнца очках, Петер сразу его узнал по хорошо знакомым жестам и движениям.

Профессор ступил на полуразвалившуюся стену, уже освобожденную от земли, и пошел по ней в сторону арки. Там он начал возиться у фотоаппарата, который стоял на штативе.

Петер начал лихорадочно соображать: «Отец сделал снимки этой арки лишь за два-три дня до своего исчезновения. Черт! Значит, я смогу изобличить Нево только через несколько дней. Только тогда этот аппарат сможет показать мне загадочный конец».

Быстро приняв решение, он приказал стоявшему у аппарата физику снова показать палатку. Ему хотелось узнать, что делал в это время Нево.

А вот и он! Стоит у самого входа в палатку. Перед ним, на походном столике, лежат различные предметы. Сначала Петер не мог понять, что это такое. Но потом Нево взял одну из вещей, и Петер увидел, что это древняя статуэтка. Петер понял — это золото.

Он открыл рот, чтобы спросить у Нево об этой находке, но в этот момент получил сильный удар снизу в подбородок. Напавший сразу отскочил назад, повернув при этом одну из главных ручек аппарата.

Петер успел лишь увидеть, как изображение на экране постепенно начало бледнеть.

С трудом он вновь пришел в себя после мощного удара, но было уже поздно. Нево успел исчезнуть еще до того, как Петер нашел выключатель. Какое-то время он еще слышал поспешно удаляющиеся шаги, но потом стало тихо на лестнице.

Петер скользнул взглядом по стоящей перед ним аппаратуре, по инструментам, ручкам управления и настройки. Теперь он знал, как работала приставка к аппарату и как с

ней обращаться. Бегство Нево не сможет изменить положения.

22.

— Большое спасибо, — сказал комиссар Альтман и повесил трубку. — Ну, теперь нам известно положение вещей, господин Тербовен!

С этими словами он повернулся к Петеру, который стоял в кабинете Альтмана у окна и, задумавшись, смотрел вниз, на оживленное уличное движение.

Тербовен обернулся и сказал извиняющимся тоном:

— Я очень сожалею, господин Альтман, что мне пришлось сегодня дважды вас побеспокоить. Но вы же и сами отлично знаете, какое это имеет для меня значение!

Он подошел к письменному столу и оперся на него обеими руками в ожидании.

— Нево улетел в Америку сегодня в четыре часа утра на внерейсовом самолете. — Альтман взглянул на ручные часы и добавил:— Вероятно, он уже приземлился где-нибудь в Соединенных Штатах.

— Значит, ускользнул, — огорченно заметил Петер, и после паузы: — А вы не можете что-нибудь предпринять?

Криминалист с сожалением пожал плечами и ответил:

— К несчастью, очень небольшое! Как нам теперь заполучить его оттуда?

Петер удивленно поднял брови и спросил:

— Опять ничего не вышло? Просто с ума можно сойти!

Альтман кивнул.

— Я бы охотно вам помог. И кое-что возможное я еще предприму. Я пошлю моим американским коллегам радиogramму и попрошу организовать за Нево слежку. Только не ждите от этого слишком многого, господин Тербовен. Опыт показывает, что из этого мало что получается. К тому же мы не знаем, кто Нево в действительности.

Петер удивленно поднял брови и спросил:

— Как это понимать?
— Да очень просто! Ведь возможно, что у него имеются хозяева.
— Вы так думаете?
Это заставило Петера задуматься. Наконец он сказал:
— Возможно, вы правы.
Он протянул через стол руку и попрощался с комиссаром.
— В любом случае, большое спасибо, господин Альтман!
Тот поднялся.
— Если нам что-нибудь удастся узнать, я вам позвоню!
— Хорошо! — ответил Петер и ушел.

Через несколько минут Петер Тербовен вел свою маленькую синюю спортивную машину в оживленном потоке транспорта, протекавшем в эти вечерние часы по центру города.

За последним светофором на улице стало спокойней. До дома Хофстраата осталось несколько километров.

Мысли молодого человека против его воли возвращались к событиям последних дней. Причем, его все время преследовал один и тот же вопрос: какую роль в этом играет его друг Хофстраат!

Задумавшись, Петер непроизвольно сбавил скорость. «Благодаря моему энцефалографу, — размышлял он, — мне удалось узнать, что он противник Нево. Но как он относится ко мне?»

И снова перед его мысленным взором возникла пустынная Мариенштрассе и адвокат, выходявший из лавки старьевщика. Почему Леви отрицал это? Уж не ведет ли и адвокат двойную игру?

Когда Тербовен, достигнув цели, остановил машину, он лишь пришел к выводу, что его друг до сих пор мастерски умел оставаться в тени.

Он нажал на ярко начищенную кнопку звонка. В передней зажегся свет. Через усилительное устройство голос Хофстраата спросил: кто там?

Хофстраат сам подошел к двери и приветливо поздоровался с Тербовеном:

— О, какая неожиданность! Интересные визиты следуют один за другим! Входите, входите!

— Я думал, вы один. Я не хочу мешать... — сдержанно ответил Петер.

Хофстраат со смехом протянул ему руку.

— Оставайтесь! Один гость уже сбежал от меня!

Но молодой человек был поглощен своими мыслями и не ответил на шутку.

— Я знаю, кто это был. Это был Нево. Я его уличил этой ночью, но он сбежал от меня тоже.

Хофстраат опустил протянутую руку. Нисколько не удивившись, он деловито спросил:

— Куда?

Петер поразился спокойствию адвоката.

— В Америку... Вы, кажется, не особенно удивлены?

— Заходите, дорогой друг, — пригласил его Хофстраат.

— О таких вещах лучше говорить, устроившись в удобных креслах.

— Вы были правы, предположив, что я не особенно удивлен, — снова начал он, когда они уже были в комнате. — Ведь я с самого начала подозревал Нево.

— Почему же вы говорите мне об этом только сейчас?

— В голосе Петера прозвучал упрек.

— На то были причины, господин Тербовен. Жаль, что вы поспешили. В ближайшие дни Нево был бы арестован, а так ему удалось бежать.

— Не понимаю, — вырвалось у Петера. — Комиссар Альтман мне ничего об этом не говорил, откуда вы это знаете?

— Потерпите еще немного, господин Тербовен! И не забывайте: я был близким другом вашего отца!

Петер вопросительно посмотрел на адвоката. Такой ответ не удовлетворил его, и он сказал, покачивая головой:

— Все это так непонятно, господин Хофстраат.

— Согласен! Тут вы попали в самую точку, мой дорогой! О том же подумал и я сегодня ночью, когда была сделана попытка очистить мой письменный стол.

Тербовен удивленно поднял голову.

— Что? У вас побывали грабители?

— Гораздо интересней. Сейчас я вам расскажу!

Адвокат сделал небольшую паузу, а потом начал:

— Вчера вечером — часов так в десять — в моем доме, доме старого холостяка, внезапно появляется дама. Лу Бельмонте, стоявшая перед моей дверью, была, как всегда, соблазнительна.

Хозяин дома прервал свой рассказ и спросил гостя, который, услышав имя, насторожился:

— Вам, кстати, не знакома Лу Бельмонте, мнимая журналистка?

— Бельмонте! Вчера вечером она была и у Нево. Я видел, как она выходила из его дома.

— Так вот в чем дело! — удивленно воскликнул Хофстраат и коротко присвистнул. — Теперь кое-что становится ясным.

И, взглянув на ничего не понимающее лицо Петера, продолжал свой рассказ:

— Слушайте внимательно, дорогой друг. Сейчас я подхожу к самому захватывающему моменту в моем повествовании! Красавица Лу выступала в роли обольстительницы, она непременно хотела, чтоб я поехал с ней ночью куда-нибудь покутить... Вас не гложет зависть? — насмешливо спросил он, но Петер с нетерпением ждал продолжения рассказа.

— Я, старый осел, конечно, восхищен и прошу мадемуазель Бельмонте подождать в этой комнате, пока я переоденусь. Галантный от природы, я угощаю ее сигаретами и ставлю перед ней мой лучший цинцано-вермут.

— Это говорит кой о чем! — с улыбкой сказал Петер.

— Да, но что делает эта чаровница? Пока я переоденусь, она обыскивает мой письменный стол.

— Не может быть! — удивился Петер.

— На мое счастье, я уже успел вмонтировать в стол сигнальное устройство. Оно-то мне сразу сообщило в спальню, чем занимается моя прекрасная гостья.

— Ну и дальше? — с волнением спросил Петер.

— Когда затрещал сигнал тревоги, я уже успел натянуть рубашку и собирался влезть в брюки. Но вот я — в чем был — качал красться к кабинету.

— Что? Без брюк? — засмеялся Петер.

— Разумеется! Тихо открыл я эту дверь и заглянул в комнату. Но она заметила это, отскочила от стола. Я побежал обратно в спальню, чтобы натянуть брюхи. Она это умело использовала и исчезла.

— Что-нибудь выкрала?

— Нет, не успела. Я слишком рано ее спугнул.

Петер засмеялся.

— Вы, должно быть, хорошо выглядели... Без брюк. Не удивительно, что очаровательная Лу Бельмонте обратилась в бегство.

Адвокат тоже рассмеялся.

В этот момент распахнулась дверь.

— Добрый вечер, господа! Я не помешаю?

Оба с испуге обернулись и увидели господина Роньяра — в берете и спортивной куртке. Он стоял в передней и с удивлением оглядывался.

— Что здесь произошло? Все двери открыты!

Не дожидаясь приглашения, он направился к ближайшему креслу и устало опустил в него, снял с головы берет и простонал:

— Ну и женщины! От них можно ждать все, что угодно.

Собеседники понимающе подмигнули друг другу. Хофстраат лицемерно спросил:

— В чем дело? Вы совсем сломлены, дорогой Роньяр.

— Так и есть! — взволнованно воскликнул редактор. — Уехала моя прекрасная Лу Бельмонте, не сказав ни слова. Я даже не знаю — куда. Сегодня ночью спешно собрала чемодан и бесследно исчезла.

Хофстраат откашлялся.

— Кстати, ваша милая коллега приходила ко мне вчера вечером. Очень интересный был визит.

Редактор был поражен.

— Не понимаю, что ей было нужно от вас?

Хозяин дома сделал вид, будто удивлен.

— Но, господин Роньяр, что вообще может быть нужно молодой очаровательной даме от старого холостяка?

— Ах, так вот в чем дело!..

С оскорбленным видом он начал подниматься с кресла.

Вмешался Тербовен:

— Не надо так жестоко шутить! Для бедняги Роньяра это слишком суровая пытка, ему и так пришлось много выстрадать.

Редактор стоял в нерешительности.

— Ну ладно, садитесь, Роньяр! От неудавшейся любви еще никто не умирал, — добродушным тоном утешил Хофстраат. — Если Бельмонте не забрала с собой ничего, кроме вашего сердца, считайте, что вам повезло.

У Роньяра был все такой же недоуменный вид, но тем не менее он снова сел. Адвокат рассказал ему о событиях этой ночи.

Потом настал черед рассказывать Петеру.

Редактор притих, а когда Петер закончил, он задумчиво заметил:

— Кто бы мог подумать! Выходит, что Нево и Бельмонте — сообщники... А. я-то, осел, вообразил, что красавица Лу любит меня. На самом же деле это все из-за вас, господин Тербовен!

Глубоко вздохнув, адвокат откинулся в кресле.

— У меня такое чувство, будто все мы избежали большой опасности!

Петер кивнул.

— Я пришел сюда с намерением посоветоваться с вами, как нам лучше действовать. Возможно, что тайна исчезновения моего отца выяснится в ближайшие дни. Поэтому я и хотел бы просить вашей помощи.

Адвокат небрежно махнул рукой.

— Прежде всего, я чертовски голоден. Вы уже ели?

Роньяр ответил со вздохом:

— Целый день у меня не было аппетита, но теперь я чувствую то же, что и вы.

— Ну, вот видите! — Хофстраат поднялся. — К сожалению, моя экономка сегодня во второй половине дня сво-

ободна. Поэтому мы все трое заберемся в кухню и отыщем там что-нибудь съедобное. Согласны?

После недолгих поисков Хофстраат нашел корзиночку с яйцами, и они решили сделать яичницу с ветчиной. Тербовен предложил распределить обязанности. Роньяр взялся кипятить чай и накрыть на стол. Петер нарезал хлеб, а Хофстраат гремел сковородкой, на которой собирался жарить яичницу, чем создавал много шума.

Хофстраат достал три рюмки и подмигнул Петеру.

— За рюмкой цинцано и деловой разговор польется непринужденнее.

С этими словами он поставил на стол начатую бутылку.

Налив вино в рюмки, он сказал редактору:

— Когда человек сыт, он все воспринимает по-иному. Не так ли, господин Роньяр?

— Конечно! Но теперь мы должны подумать, как помочь Тербовену.

Мужчины задумчиво смотрели друг на друга. В конце концов. Петер заговорил:

— Вчера вечером мне удалось узнать, с какой целью Нево убил моего отца. Я не знаю, помните ли вы, что в одном из своих писем отец писал о ценных находках.

— Разумеется, помним! И даже очень хорошо! — быстро вставил Хофстраат, а Роньяр добавил:

— Но Нево утверждал, что эти находки ценны только с точки зрения археологии, а именно — руины древних дворцов, ворот и пирамид. Он сказал, что золота ваш отец не находил.

— И он солгал! — взволнованно воскликнул Петер. — Он ударил меня как раз в тот момент, когда на экране можно было увидеть, как он стоял перед палаткой, держа в руке какую-то блестящую древнюю фигурку. Должно быть, мой отец нашел сокровище, которое его ассистент хотел присвоить себе. Поэтому мой отец и должен был исчезнуть!..

— Такое подозрение у меня было уже давно, — заметил Хофстраат. — Вы же знаете, господин Тербовен, что во время демонстрации вашего нового аппарата у Нево на паль-

це было надето кольцо необычной формы, изображающее змейку.

— Да, помню.

— Это кольцо, — продолжал адвокат, — не европейская работа, поэтому я и обратил на него внимание. Это, конечно, какая-то ценная находка.

— Возможно, вы правы, — согласился с ним Петер. — Но это кольцо лишь подтвердило мои подозрения — ведь я еще раньше вышел на след Нево благодаря вам, господин Роньяр. Помните, вы рассказывали мне о неловкости Нево, когда у него в тот вечер на экране появились четыре фрегата.

— Выходит, что чутье меня тогда не подвело! — обрадовался редактор.

— А разве раньше у вас не было никаких подозрений? — вмешался Хофстраат.

— Конечно, были! Но лучше я расскажу все по порядку. Началось с того, что наш бывший управляющий и шофер Фелби обнаружил в одной из лавок старьевщика, расположенной в старой части города, синее пальто моего отца. Сперва он не поверил своим глазам, а потом рассмотрел его внимательнее. Во внутреннем кармане пальто он нашел расчетную квитанцию, выданную боцману по имени Стин. Эту квитанцию он тотчас же принес мне, и спустя короткое время я уже знал, где мне можно найти этого Стина.

Еще в тот же день я отправился в портовый район, на Западную набережную, чтобы присмотреться к этому Стину. Это было в тот вечер, когда мы договорились встретиться здесь. На улице бушевал ветер и лил проливной дождь... Да вы же помните! Той ночью я вам позвонил, господин Хофстраат. А до этого мне еще пришлось пережить волнующее приключение. В мрачном переулке, ведущем к Западной набережной, я вдруг услышал крики о помощи и подоспел в тот момент, когда вот-вот должно было случиться самое худшее. Двое негодяев бросили свою жертву, и я увидел, что на улице без сознания лежит молодая дама.

— В портовом районе часто можно увидеть лежащих без сознания женщин! — бросил редактор с иронической улыбкой.

— Возможно! Но с этой девушкой действительно случилось нечто из ряда вон выходящее. — И Тербовен рассказал о своем опасном, но безрезультатном приключении той штормовой ночи.

— Но все было напрасно, — закончил он. — Однако потом вы вновь подтолкнули меня, господин Роньяр, рассказав историю с фрегатами. Сначала я подумал, что вы ошиблись, поскольку, как я знал, аппарат моего отца действительно был не в состоянии показывать события недавнего прошлого. Но потом я вспомнил о разговоре, который однажды вел с отцом.

«Да, если бы неподвижные звезды не имели собственного света...» — помню, сказал тогда мой отец.

Эта фраза прочно засела у меня в голове, поскольку мне где-то довелось прочесть, что в действительности существуют и темные звезды. И вот я решил нанести визит моему бывшему товарищу по учебе, который руководит сейчас одним астрономическим институтом. Он подтвердил мои предположения и, кроме всего прочего, назвал мне одну темную звезду, излучающую инфракрасные лучи и расположенную ближе всех от Земли. Она лежит в созвездии Ориона. Представьте себе, как я удивился, услышав, что она удалена от нас только на две трети светового года!

— Не понимаю! Что в этом интересного? — спросил Роньяр в недоумении.

— Неужели не понимаете? Две трети светового года нужно свету на дорогу туда и две трети — на дорогу обратно, и в общей сложности это составляет четыре трети года или шестнадцать месяцев.

— Шестнадцать месяцев! — сказал Хофстраат протяжно. — Черт возьми! Ведь как раз шестнадцать месяцев тому назад ваш отец...

— Правильно! Именно поэтому я и должен был побыстрее убедиться! — с живостью подхватил Петер. — Я должен был узнать, подключил ли Нево к прибору приставку

для приема инфракрасных лучей. Если подключил, то события не заставили бы себя ждать. Вот поэтому-то однажды ночью я и исследовал приемное устройство, находящееся на крыше дома.

Мои подозрения подтвердились: большое приемное зеркало имело плотный черно-красный инфрафильтр. Чтобы удостовериться окончательно, я должен был осмотреть еще аппаратуру в лаборатории. Удобный случай представился на следующий вечер, поскольку вы, господин Хофстраат, пригласили нас всех, в том числе и Нево, к себе домой.

— Знаю, — ухмыльнувшись, ответил адвокат. — Вы звонили из лаборатории и хотели знать, у меня ли Нево.

— Так вот когда выясняется правда! — со смехом перебил его Роньяр. — А нам вы тогда сказали, что звонит клиент по бракоразводному делу.

— В таких случаях обман разрешается, — отпарировал Хофстраат и снова повернулся к рассказчику. Тот продолжал:

— А осмотреть аппаратуру мне так и не удалось. Не успел я войти, как налетел на большой ящик, стоящий у пульта управления. Я понял, что счастливый хозяин собирается уезжать вместе с аппаратурой. А именно — в Америку.

И действительно — на следующий же день он уже пришел ко мне. И вы, господин Хофстраат, присутствовали при том разговоре, когда он рассказывал мне о своей запланированной поездке в США. Этим он хотел представить свой отъезд вполне безобидным, но мой энцефалограф разоблачил его.

— Верно, — тихо произнес Хофстраат.

Петер скользнул по нему беглым удивленным взглядом.

— Вчера вечером я вынудил Нево настроить аппарат на темную звезду в созвездии Орион. И экран действительно показал экспедицию.

— Просто невероятно! — вырвалось у Хофстраата, а Роньяр удовлетворенно улыбнулся. Значит, он тогда не ошибся, назвав корабли фрегатами.

Тербовен продолжал:

— Судя по тому, что я вчера видел на экране, аппарат уже, возможно, завтра или в крайнем случае послезавтра покажет окончание экспедиции. Если б я промедлил со своим вмешательством, то было бы слишком поздно. Звезда в ближайшие часы изобличит преступника! Если мы упустим этот момент, то, возможно, аппарат сможет воссоздать картину случившегося — только через несколько веков. Ну как, вам понятны теперь мои своевольные поступки, господин Хофстраат?

Адвокат кивнул в знак согласия.

— Теперь вся картина кажется мне совершенно иной. Это был единственный правильный путь.

Петер задумчиво посмотрел куда-то вдаль и снова заговорил:

— С сегодняшнего утра прибор работает непрерывно. Наблюдает за ним в порядке дружеской помощи ассистент из университета. Экспедиция находится под нашим неусыпным вниманием, и если аппарат выдержит, то в ближайшие часы мы узнаем, куда исчез мой отец. Так как вы мои друзья, то я хотел бы просить вас быть свидетелями и быть в моем распоряжении с завтрашнего утра.

— Конечно, как же иначе!

Внезапно зазвонил телефон. Адвокат снял трубку и протянул ее Петеру.

— Вас, господин Тербовен. У телефона комиссар Альтман.

Петер взволнованно сказал в телефон всего несколько слов, потом поспешно повесил трубку и нервно вскочил.

— Я должен немедленно уйти! Альтман только что мне сообщил, что была сделана попытка взорвать лабораторию Нево.

— Причинен какой-нибудь ущерб? — спросил Роньяр.

— Нет, вовремя были приняты меры. Удалось схватить парня, который пытался это сделать.

Хофстраат тоже поднялся и, подчиняясь внезапному порыву, сказал:

— Мы едем вместе с вами!

— Приведите, пожалуйста, человека в эту комнату! — крикнул комиссар Альтман вниз, перегнувшись через перила лестницы. Он стоял в коридоре рядом с открытой дверью в лабораторию. — Привратник тоже пусть поднимется! — добавил он и прошел в помещение на противоположной стороне лестницы. Это была маленькая комфортабельная комнатка.

Первым, в сопровождении двух полицейских, вошел человек в синем комбинезоне, коренастый и плотный.

Вслед за этими тремя мужчинами появился взволнованный привратник в жилетке и домашних туфлях. У него, видимо, не было времени переодеться.

— Входите же! — приказал комиссар арестованному. Привратнику он сказал дружелюбно: — Садитесь, пожалуйста, места хватит на всех.

— Вы объяснили Бронку? Если придет Тербовен, он должен его впустить!

Чиновник ответил утвердительно.

— Ну, хорошо, тогда мы можем начать! — Альтман очень спокойно закурил сигару и, сделав несколько глубоких затяжек, направил свой взгляд на привратника, который скромно продолжал стоять у двери. Это был уже пожилой человек с открытым симпатичным лицом.

— А вы не ошибаетесь, Якобс? Этот человек действительно шофер доктора Нево? — начал он допрос.

— Я же его знаю. Это он, господин комиссар!

— Когда он поступил на работу к доктору Нево?

— На этот вопрос я вам отвечу без труда, господин комиссар. Доктор привез его тогда вместе с собой.

— А вы с каких пор здесь?

— Я появился здесь двумя неделями раньше — обставить квартиру, — ответил Якобс, а потом добавил с непосредственностью: — Я мало с ним сталкивался. Человека вообще понять трудно, а он малоразговорчив. Но доктор Нево, как мне кажется, ценил его.

Шофер бросил на него злобный взгляд. У него было широкое лицо с низким лбом и густыми почти сросшимися бровями.

— Хм... А вы знаете, как его зовут? — продолжал спрашивать Альтман.

— Знаю только, что доктор называл его Биллем. Как его полное имя, я не знаю. Это меня никогда не интересовало, господин комиссар.

— Спасибо, Якобс, можете идти! Если вы нам понадобится, я вас позову.

Альтман бросил внимательный взгляд на арестованного.

— Как вас зовут?

— Вам же только что сказали!

— А фамилии, что ж, у вас нет?

Ответа он не получил, арестованный лишь окинул комнату скучающим взором.

За свою долгую практику комиссару приходилось сталкиваться со всякими штучками — вывести его из себя было не так-то легко.

— Может быть, вы мне тогда скажете, кто вам поручил это сделать?

Он внимательно посмотрел на человека в синем комбинезоне. В комнате слышалось лишь равномерное постукивание карандаша по столу. Арестованный с деланным равнодушием молчал.

Альтман не торопил его.

После продолжительной паузы он снова спросил:

— Откуда у вас портфель со взрывчаткой?

Напрасно ждал он ответа. Некоторое время спустя в дверь постучали, и на пороге появился полицейский.

— В чем дело, Бронк?

— Внизу ждет господин Тербовен. С ним еще два господина — редактор Роньяр и господин Хофстраат.

— Пусть идут.

Комиссар еще раз внимательно посмотрел на человека, пытавшегося подорвать лабораторию.

— Что ж, если вы не хотите отвечать, мы дадим вам время на размышление.

Он повернулся к обоим чиновникам, показал головой на дверь и приказал:

— Отвезите его в управление к инспектору Карре.

В этот момент в открытую дверь вошел Петер Тербовен. Вслед за ним — Хофстраат и Роньяр.

Чиновники из полиции отошли вместе с арестованным в сторону.

— Добрый вечер, господин Альтман! Сегодня мы встречаемся с вами уже третий раз.

Петер внезапно замолчал — его взгляд упал на арестованного. Он с интересом подошел к нему. Где же он его видел?

Альтман встал и подошел к Петеру.

— Вы его знаете?

Петер повернулся и посмотрел на комиссара:

— Да, я его узнал. Это мой знакомый с Мариенштрассе. Именно он и пытался спровадить меня на дно канала.

По знаку Альтмана шофера увели. Когда тот должен был пройти мимо адвоката, их взгляды встретились, и арестованный отшатнулся в испуге, прежде чем пошел дальше.

— Бронк! — крикнул комиссар. — Принесите мне взрывчатку. Но будьте осторожны.

Вскоре Бронк вернулся с большим коричневым кожаным портфелем, из которого свешивалась изолированная проводочка. Он положил портфель на стол своего шефа.

— Давайте посмотрим повнимательней на эту бомбочку, — предложил Альтман всем присутствующим.

Тербовен протянул руку к свисавшей проволоке и задумчиво сказал:

— Похоже на антенну.

Петер открыл портфель и осторожно вынул оттуда большой тяжелый жестяной ящик.

— Вот видите! — воскликнул он. — Я не ошибся! — И он показал на проходной изолятор, в котором исчезала проволока. — Антенна!

Альтман в испуге отступил на несколько шагов.

— Черт возьми! Значит, эта штука приводится в действие на расстоянии и в любой момент может взорваться!

Тербовен показал во внутрь ящичка и объяснил:

— Вот взгляните сюда, влево! Это приемник. Он приводит в действие разрывной механизм. А вот здесь, у двух вилок, — разрывной заряд.

Редактор удивился.

— Вот эти две маленькие штучки — разрывной заряд?

Петер со смехом поднял голову.

— Вы разочарованы, дорогой Роньяр? Но если эти два маленьких кусочка с помощью вилок соединить вместе, уверяю — от вас ничего не останется.

— Значит, это уран?

— Что это такое, нельзя сказать без проверки. Ясно лишь одно — это вещество вызывает атомный взрыв.

— Теперь следует найти передатчик, с помощью которого собирались взорвать эту бомбу.

Роньяр какое-то время смотрел застывшими глазами. Потом сказал оживленно:

— В машине!

Альтман не сразу его понял.

— В машине Нево! Ведь этот человек служил у него шофером. Могу поспорить, что его машина находится где-нибудь неподалеку отсюда.

Раздался насмешливо довольный голос Хофстраата:

— А вы, дорогой Роньяр, действительно Шерлок Холмс Второй!

— У него большой черный лимузин,— не унимался Роньяр. — Американского производства. «Линкольн».

— Его найти не представляет трудности! — Альтман схватил телефонную трубку и распорядился начать поиски машины.

Повесив трубку, он повернулся к Петеру.

— Дом я и впредь оставляю под наблюдением. Вполне возможно, что будет совершена и вторая попытка вывести аппарат из строя.

Петер попросил присутствующих пройти вместе с ним в лабораторию. В передней комиссар остановился перед ящиком, в котором собирались что-то увозить.

— Кстати, господин Тербовен, на ящике отмечено место назначения — Нью-Йорк. А пароходный билет, который тогда потерял шофер Нево, был, кажется, до Веракруса!

Петер подтвердил.

— У меня есть кой-какие мысли, — продолжал Альтман. — От Веракруса до Юкатана расстояние небольшое. Может, шофер имел поручение съездить на полуостров. — Он задумчиво посмотрел на Петера. — Скажите, кто знал о предполагаемой вами поездке на Юкатан?

Петер удивленно взглянул на него.

— Вы думаете...

Альтман кивнул и, не останавливаясь, добавил:

— Да, это могло быть и так.

Хофстраат и Роньяр уже разговаривали с ассистентом д-ром Баллье и его помощниками. Петер подошел к ним. На экране телеустройства ясно виднелся город, расположенный в лесу.

— Как дела, коллега?

— Господин профессор сейчас работает у какого-то большого здания. Ему помогают несколько рабочих. Доктор Нево наверху, в палатке, — ответил Баллье и показал карандашом на человека в светлом легком костюме, предназначенном для работы в тропиках; он сидел рядом с палаткой за походным столиком.

Роньяр нагнулся вперед, чтобы получше рассмотреть.

— Людей трудно узнать. Они очень маленькие.

Баллье повернулся к нему.

— Как только господин профессор встретится со своим ассистентом, я увеличу изображение. Тогда будут видны детали. А сейчас для моих наблюдений лучше такая картина. Я могу видеть одновременно и господина профессора, и доктора Нево.

Хофстраат сказал задумчиво:

— Ваш отец никогда бы не подумал, что мы, пытаюсь разгадать его загадочную судьбу, вынуждены будем искать его с помощью его же изобретения.

Все молча смотрели на мерцающий экран, каждый был погружен в свои мысли.

Д-р Баллье повернулся к Петеру.

— У меня к вам вопрос, коллега: ваш отец исчез днем или ночью?

— Мой отец не вернулся однажды в лагерь, уйдя, как обычно, в город руин. Вечером его уже начали искать, если верить рассказам.

24.

Над стеклянными окошечками поднимавшегося лифта скользили светлые расплывчатые тени. Мальчик-лифтер монотонным голосом выкрикивал номера этажей. Сейчас он остановился на двадцатом. Вошел какой-то мулат. На нем была старомодная жесткая черная шляпа овальной формы. Лифт снова пошел вверх.

В лифте, кроме только что вошедшего и мальчика-лифтера, находились дама в меховом пальто, мужчина в поношенной куртке, со старым толстым портфелем — наверное, служащий — и еще один человек, который, погрузившись в собственные мысли смотрел куда-то перед собой. Он вышел на тридцатом этаже. Лифтер уже поднес было руку к кнопке. Человек, выходя, буркнул что-то, извиняясь.

Человек медленно подошел к матовой стеклянной двери, на которой золотыми буквами было написано: «Банковский дом Мортон и К°», а ниже несколько мельче: «Дирекция».

Он положил руку на блестящую металлическую ручку двери и на мгновение застыл, словно раздумывая, стоит ли ему заходить.

Наконец, будто что-то его подтолкнуло изнутри, он нажал на ручку и, уже без колебаний, вошел в кассовый зал.

В зале было мало народу. Человек подошел к свободному окошечку и тихо сказал какое-то слово. Служащий за окошечком кивнул и нажал на кнопку.

— Пожалуйста! — сказал он незнакомцу, который после приглашения повернулся к двери на противоположной стороне.

На металлической табличке было написано: «Приемная».

За письменным столом сидела молодая дама с ярко накрашенными губами, длинными черными ресницами и смуглым цветом кожи. Когда дверь открылась, она без смущения отложила футляр из крокодиловой кожи и подняла глаза, на ее лице появилась радостная улыбка.

— О, какой сюрприз! Господин Нево в Нью-Йорке!

Она встала и вышла из-за письменного стола. Вошедший вынужденно улыбнулся и протестующе махнул рукой.

— Только не Нево! Ты же знаешь!

— Ты, кажется, не очень рад встрече!

— Ну что ты! Разумеется, рад! — сказал Нево не очень убедительно.

Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом.

— Что с тобой? Ты так изменился! — с упреком выговорила женщина.

Он неторопливо расстегнул пальто и ответил неуверенно:

— Откуда ты взяла? Просто много неприятностей, больше ничего.

Она покачала головой, грациозно подошла к одному из кресел, стоявших вокруг курительного столика и движением руки пригласила его последовать за ней.

— Ты наверняка хочешь к боссу, не так ли?

Нево кивнул и сел в кресло. Она взяла с письменного стола серебряный портсигар и протянула ему.

Она села напротив него в кресло, закинула ногу на ногу.

Нево отдыхал. Он курил сигарету, глубоко затягиваясь. Наконец взгляд его упал на ее длинные стройные ноги.

Незаметная улыбка скользнула по лицу секретарши.

— Тебе придется немного потерпеть и пока ограничиться моим обществом. У босса посетитель.

— Тем лучше, — ответил он и открыто посмотрел ей в лицо. — Ведь я давно ждал встречи с тобой.

— Что-то не похоже. У тебя было такое лицо...

Он несколько неестественно рассмеялся.

— Забот много!

— Не так уж их, должно быть, и много. — Она кокетливо показала на его руку. — Ведь ты все еще не женат. Откуда же заботы?

На письменном столе вспыхнула красная лампочка. Секретарша поднялась и взяла телефонную трубку. Нево слышал, как сухой голос короткими отрывочными фразами отдавал какие-то распоряжения. Секретарша записывала. Потом сказала в телефон:

— С вами хотел бы поговорить господин Овен.

Нево с интересом посмотрел в ее сторону. Она положила трубку и взглянула на него с задорной улыбкой: «Прощу вас, господин... Овен!» — И подошла к открывшейся в этот момент потайной двери в стене. Нево поднялся, загасил сигарету в пепельнице и последовал за ней.

Когда дверь за Нево закрылась, Мак-Кормик повернул к нему свой большой голый череп и смерил его холодными серыми глазами.

Нево остановился посреди комнаты и сообщил каким-то странным беззвучным голосом:

— Не все удалось мне выполнить. Меня постигла неудача.

— Неудача! — повторил Мак-Кормик с издевкой. — Вы просто неспособны, вот в чем причина! — заорал вдруг он, не в силах сдержаться.

Лицо посетителя побагровело. Он ответил со злостью:

— Зачем же вы послали меня туда, если были уверены в моей неудаче?

Шеф ничего не ответил, он со злобой смотрел перед собой.

— Вы сможете воссоздать аппарат? — спросил он наконец.

Нево загадочно улыбнулся.

— Неспособные аппаратов не воссоздают.

Мак-Кормик не шевельнулся. Словно сфинкс, он уставился в неизвестное. Текли минуты. Злая улыбка на лице Нево постепенно исчезла, уступив место страху и растерянности. Он был похож на кролика, парализованного пристальным взглядом змеи. После долгого, как бесконечность, молчания сухой голос произнес, тщательно взвешивая каждое слово:

— Не добавляйте к своим ошибкам, допущенным ранее, еще одну, самую большую, мистер Овен! Вы же отлично знаете, что руки у нас длинные.

Лицо Нево снова ожило.

— Изобретения профессора Тербовена больше не существует. И я единственный, кто знает его принцип.

— Ваше счастье, что вам удалось добиться хоть этого. И потом, мы не позволим себя шантажировать. Когда вы начнете работать над восстановлением аппарата?

— Это зависит не только от меня.

Шеф нахмурил свои густые белые брови.

— Я полагаю, на оплату вы до сих пор не могли пожаловаться?

Нево пожал плечами.

— Может статься, что мне предложат больше.

Мак-Кормик уставился на него. Потом нажал на кнопку и сказал с сожалением:

— Как хотите! Вы еще услышите обо мне!

Он движением головы показал в сторону открывшейся двери и отпустил посетителя, не сказав более ни слова.

В приемной Нево уже ожидала секретарша.

Он появился перед ней растерянный.

— Ты поругался с боссом! — определила она. Он бросил на нее испытующий внимательный взгляд.

— Смотря как понимать! — И потом вдруг решительно спросил: — У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

Лицо ее, до сих пор задумчивое и грустное, внезапно прояснилось.

— Я уж подумала, что ты обо мне совсем забыл.

— Значит, в старом ресторане, — уточнил Нево.

Она кивнула.

— В восемь.

Уже стоя в дверях, он надел шляпу, еще раз обернулся:

— Итак, в восемь у Розетти!

И снова он стоял в лифте. Снова мальчик-лифтер монотонно выкрикивал номера этажей.

Нево вышел на первом этаже и свернул влево, чтобы выйти через боковой выход. Но вдруг услышал, как его окликнули:

— О, господин Нево! Вы здесь!

Голос вывел его из задумчивости. Он хотел было исчезнуть в толпе, но голос остановил его:

— Но, господин Нево! Неужели вы меня не узнаете?

Он сделал вид, что удивлен и очень рад встрече.

— Лу Бельмонте! — Но испуганное выражение до конца так и не исчезло с его лица.

— Что вы делаете здесь, в Нью-Йорке? Неужели ваша работа позволила вам отлучиться так далеко?

Он отделался ничего не значащими словами. В голове его мелькали разные мысли. «Она следила за мной, — подумал он. — Чем же еще объяснить ее появление?»

Красивая рыжеволосая девушка сдержанно спросила:

— Вы уже давно здесь?

— Да, уже несколько дней.

От его внимательных глаз, между тем, не ускользнуло, что она почувствовала себя свободнее. Напряжение, сковывавшее ее до сих пор, уступило место растущему интересу.

Нево скова вспомнился вечер у Хофстраата. Да, девушка прелестна и соблазнительна. Разве он не принял решение — еще тогда, когда она нанесла ему визит? Лу Бельмонте молча смотрела на него. Она довольно улыбнулась.

— Надеюсь, вы не сразу уедете обратно!

— До отъезда мы наверняка еще с вами встретимся, чтобы отпраздновать нашу встречу, — ответил он.

— О, это было бы мило!

Они договорились встретиться завтра в ее отеле.

25.

Д-р Баллье с утомленным видом стоял перед телевизором.

— Поспите, пока мы здесь, — предложил ему Петер Тербовен.

— Все в порядке, — ответил ассистент. — Шесть часов назад картина прояснилась. И мне очень хочется быть в курсе событий.

Петер серьезно посмотрел на него.

— Но будет лучше, если вы немного отдохнете, дорогой Баллье. Спуститесь вниз, в среднюю комнату. Там стоит диван.

— Ведь еще неизвестно, увидим ли мы это сегодня, — крикнул Роньяр сквозь открытую дверь в лабораторию. Он только что пришел вместе с Тербовеном и еще вешал свое пальто в передней.

Петер кивнул в знак согласия.

— Верно! Ведь может случиться, что мы увидим это только завтра.

— Ну, хорошо, вы меня разбудите, если будет необходимо.

Баллье спустился вниз.

— Хофстраат будет здесь только через полчаса, — сказал Роньяр, входя в лабораторию. — Он звонил мне несколько минут назад.

Петер стоял перед экраном и рассматривал город руин. Наверху слева стояла палатка. Нево не было видно. Наверное, он еще был в палатке.

Роньяр придвинул кресло и вынул из кармана записную книжку.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я соответствующим образом освещу в своей газете этот памятный час.

Петер повернулся к нему.

— Будем надеяться, что аппарат даст нам ответ на интересующий нас вопрос, господин Роньяр.

Редактор кивнул, и его взгляд упал на мерцавший матовым светом экран, стоявший перед ним. Теперь на экране не можно было видеть и Нево. Профессор с одним рабочим уже шел куда-то среди руин исчезнувшего города. Нево вместе с другими остался у палатки.

Только было собрался редактор записать что-то в свой блокнот, как внизу, в коридоре, раздался какой-то шум — казалось, кто-то затрубил в трубу. Роньяр в испуге поднял голову, а Петер уже успел подскочить к двери. Редактор последовал за ним. Перегнувшись через перила на лестнице, они увидели, что в этот момент внизу распахнулась дверь в среднюю комнату и из комнаты выскочил Баллье. Он чуть не налетел на Хофстраата, который в шляпе и пальто спокойно направлялся к лестнице.

— Что это! Вы слышали? — ассистент потряс адвоката за плечо.

— Вы о чем?

— Отсюда только что донесся какой-то страшный звук!

Какое-то мгновение адвокат удивленно смотрел на д-ра Баллье, а потом сказал поразительно смиренно:

— Прошу вас, извините меня, господин Баллье! У меня такой страшный насморк...

— Так вы чихнули?!

Хофстраат кивнул.

Баллье рассмеялся.

— А я-то уж думал, что взорвалась вторая атомная бомба.

Хофстраат поднялся по лестнице и сказал шутливо:

— У кого в такую погоду нет насморка, тому надо здоровье свое проверить.

Баллье с улыбкой на лице вновь исчез со своей комнате.

Поприветствовав Тербовена и Роньяра милой шуткой, прибывший высказался:

— Как видно, у всех вас нервы сдали.

Они прошли в лабораторию. Роньяр взглянул на адвоката.

— Вы знаете, такими звуками можно и мертвых поднимать...

Он замолчал, заметив, что Петер напряженно уставился на темный экран телеустройства.

Хофстраат и Роньяр в испуге остановились, а он в одно мгновение оказался у прибора. Его взгляд скользнул по контрольным лампочкам и измерительным приборам. Облегченно вздохнув, он объяснил:

— Это регулятор напряжения. Его и раньше часто заклинивало. А я-то решил, что аппарат испорчен.

— Только бы не трубка... — выказал беспокойство Хофстраат.

Петер покачал головой.

— Нет, трубка в порядке. Вот, взгляните, изображение уже появляется.

И действительно — на экране уже появились светлые пятна, которые постепенно превращались в картину. Друзья вновь увидели руины древнего города и палатку.

Тербовен вздохнул с облегчением.

Он вышел в соседнюю комнату, где была оборудована маленькая мастерская.

Роньяр показал адвокату на экран.

— Взгляните-ка сюда! Профессор отсылает рабочих. Он остается один.

Профессор Тербовен стоял около высокой стены. На ее верхней части рос густой кустарник. Профессор, казалось, измерял стену — в его руках все время мелькала рулетка.

Вернулся Петер. В одной руке у него была отвертка и кусок проволоки, в другой — клочок бумаги, который он протянул Хофстраату.

— Вот, прочтите! Нашел в той комнате. Телеграмма на имя Нево... Из Веракруса!

Он внимательно посмотрел на адвоката. Тот передал телеграмму Роньяру и сказал:

— Она пришла несколько дней назад. Но кто такой Норрис?

Петер пожал плечами. Роньяр прочел текст телеграммы вслух: «Прибыли благополучно точка Норрис».

— Хм, кто же такой Норрис? — спросил в свою очередь и он и опустил руку с телеграммой.

— Этот Норрис говорит по множественном числе. Значит, добрался благополучно не только он, но и кто-то еще! — заметил Петер.

Хофстраат бросил на них задумчивый взгляд.

— Где-то я уже слышал это имя. Только не помню — где.

— У меня точно такое же чувство. Может быть, мы еще вспомним.

— Возможно, эта телеграмма заинтересует комиссара Альтмана.

Адвокат, следивший за событиями на экране, обернулся.

— Мне кажется, профессор что-то выкапывает.

Петер приблизил изображение. Теперь можно было разглядеть детали.

И действительно — профессор Тербовен уже успел отломить от стены несколько больших камней, и там зияло большое темное отверстие.

— Разве не странно, что ваш отец производит такие работы совершенно один? — удивился Роньяр. — Почему он отослал рабочих?

Петер ответил не сразу, он с большим вниманием смотрел на экран. Но он не мог понять, почему экран опять потемнел, и нервничал.

— Ваш отец что-то нашел! — вдруг взволнованно воскликнул редактор.

Но экран был таким темным, что не определить, что же именно вытащил профессор из отверстия в стене.

В то время как Хофстраат и Роньяр пристально смотрели на экран, Петер в беспокойстве возился у измерительных приборов.

Возглас Роньяра снова вернул его к телевизору. На короткое мгновение древние руины вдруг ярко осветились и снова погрузились в темноту. Потом опять короткая вспышка!

— А может, это гроза? — неуверенно спросил Хофстраат.

— Правильно! — воскликнул Петер облегченно. Он обрадовался, что аппарат был в полном порядке.

Медленно шло время.

Гроза постепенно утихла. Но увидев, что молнии перестали сверкать, а светлее не становилось, стоящие у экрана поняли, что сегодня ожидать больше нечего — на древние руины опустилась ночь.

26.

В роскошном ресторане гремели дикие и возбуждающие ритмы. Пахло ароматизированными сигаретами и едва уловимыми ароматами, которые исходят от красивых

женщин. На зеркальной танцевальной площадке танцевало несколько пар, повинаясь хриплому голосу негра, певшего в микрофон. Рядом с ним жонглировал саксофоном какой-то мулат, вырывая из него воющие, плачущие и смеющиеся звуки. Почти все столики были заняты.

В то время как джаз-банд изрыгал свои синкопы, Нево пробирался в более спокойный зал большого ресторана.

Чересчур роскошные, такие залы в первую очередь предназначались для тех, кто не хотел, чтобы им мешали. Посетители сидели в нишах за низкими столиками в удобных мягких креслах.

Предупредительно приблизился кельнер. Нево спросил его о чем-то. Кельнер кивнул головой и показал назад.

Сюда долетали приглушенные звуки музыки. За одним из столиков сидела секретарша Мак-Кормика и, улыбаясь, смотрела на вошедшего. Тот галантно склонился перед ней и протянул ей маленький букетик красных роз.

Из-под длинных черных ресниц, излучая благодарность, на него посмотрели большие глаза. Женщина спросила лукаво:

— Ну как, привык к Нью-Йорку? Или там было лучше?

— Рад, что я снова здесь. — Он облегченно вздохнул и сел.

Она улыбнулась и посмотрела на розы.

Он протянул ей золотой портсигар.

— Что ты хотела бы выпить?

Она показала на стоящую перед ней бутылку и протянула свою тонкую руку, чтобы взять сигарету. Мягкий свет скрытых светильников придавал бархатистой коже ее руки золотистый оттенок.

Он поднес ей зажигалку. Маленькое пламя зажгло в стеклах его очков крошечные искорки света.

— Меня удивляет, как ты можешь терпеть этого Мак-Кормика, — заметил он. — Кстати, ты хорошо его знаешь?

Прежде чем ответить, она в задумчивости затянулась сигаретой.

— Никто не знает его лучше меня. — Ее голос внезапно изменился. — Он холоден и бессердечен. И всемогущ.

Нево внимательно выслушал ее. Потом поднял рюмку и весело сказал:

— За нашу встречу!

Она долго смотрела на него, прежде чем взяла свою рюмку. Он не осмелился посмотреть ей прямо в глаза и сказал, пытаясь отвлечь ее от раздумий:

— От меня он больше ничего не добьется! Обойдусь и без мистера Мак-Кормика!

Раздался звон рюмок. Поставив рюмку, она предупредила:

— Зря ты так беспечно относишься к сегодняшней ссоре с Мак-Кормиком!

— Что!! — удивился Нево. — А что ты вообще о ней знаешь?

Она стряхнула пепел с сигареты.

— Случайно мне довелось услышать обрывки разговора, который босс вел с одной из своих подчиненных: он забыл выключить микрофон.

— А какое это имеет отношение ко мне? — нетерпеливо спросил Нево.

— Очень большое. За каждым твоим шагом наблюдают. Босс, видимо, страшно зол на тебя.

Нево неестественно засмеялся.

— Даже если так, я сумею себя защитить! В конце концов, сейчас он зависит от меня, а не я от него.

Она подняла рюмку и задумчиво посмотрела на прозрачное желтое вино.

— Не обольщайся, с Мак-Кормиком тебе не справиться. Ты затеваешь опасную игру.

— Ерунда! — презрительно бросил Нево. — Пока он нуждается во мне, все не так уж плохо... А кто эта женщина, которую он натравливает на меня?

Она ответила не сразу. Сначала внимательно посмотрела на него, потом сказала нерешительно:

— Она очень мила. И возможно, ты ее уже знаешь.

— Ты ревнуешь?

— С чего ты взял!..

Она задумалась, словно размышляя, не слишком ли много она сказала.

— Если босс узнает о нашем разговоре, он сразу же расправится со мной.

— От кого он узнает? Ведь мы всегда будем вместе! — не очень убедительно успокоил Нево секретаршу Мак-Кормика.

Она испытующе посмотрела на него своими большими глазами.

— Ты это говоришь просто так. Разве ты когда-нибудь сдерживал слово?

И после небольшой паузы добавила:

— Ведь ты мне оттуда почти не писал... А если писал, то только тогда, когда хотел от меня что-то узнать... Да, да, это так! — подтвердила она, когда он хотел было запротестовать.

Нево начал извиняться, ссылаясь на то, что у него было много работы. Потом он взял ее руку и стал нежно гладить.

— Когда я закончу эту работу, мы вместе уедем отсюда — в Европу или в какое-нибудь другое место... куда ты захочешь. Денег у меня достаточно!

Она недоверчиво смотрела на него.

Он поднял рюмку.

— Или, может, ты навсегда хочешь остаться секретаршей этого.. Мак-Кормика? Он никогда на тебе не женится. Уж Мак-Кормика-то я знаю! — презрительно бросил Нево.

— Ты такой же, как и он!

Нево откинулся в кресле.

— Значит, все-таки ревнуешь! А я ее даже еще и не знаю!

Он выжидательно посмотрел на нее.

— Ты хочешь узнать, кто она?

— Я надеюсь, что ты мне это скажешь.

Прошло несколько минут. Ее испытующий взгляд все время был устремлен на него.

— Агентка Дэзи.

— Я не знаю ее.

— Но она была в Европе. У нее есть другое имя — Лу Бельмонте.

Нево поставил рюмку на стол, так и не выпив вино. Он уже больше не мог скрывать своего удивления.

— Лу Бельмонте!! — повторил он растерянно.

Она кивнула.

— Значит, ты ее все-таки знаешь?

Нево задумался, взглянул на тлеющую сигарету, которую он держал в руке. Его гладко зачесанные назад волосы блестели в свете лампы.

Она повторила свой вопрос:

— Ты ее знаешь?

Он поднял глаза и, казалось, попытался сперва осмыслить ее вопрос.

— Я познакомился с ней там.

— И хорошо ее знаешь?

От нее не ускользнуло, что он стал держаться несколько иначе.

— Нет, — сказал он, а потом спросил с интересом: — Какое задание у нее было в Европе?

— Ты же знаешь, что меня не информируют... Это в ведении особого отдела, — ответила она.

— Хм, правильно! Я забыл.

Какое-то время Нево задумчиво смотрел в одну точку, а потом повернулся к своей партнерше и сказал изменившимся тоном:

— К ней тебе действительно нечего ревновать!

— Почему? — недоверчиво спросила она.

— Она вела себя там так сумасбродно! — Он раздавил свою сигарету в пепельнице. — Без меня, конечно!

Он поднялся и пригласил ее на танец.

Д-р Баллье вместе со студентом устанавливал перед экраном телевизора кинокамеру.

Несмотря на ранний час, все уже были в лаборатории. Часы, стоявшие в передней, только что проббили семь. Здесь, в лаборатории, удары звучали приглушенно.

Редактор сидел рядом с адвокатом, и оба наблюдали за картиной на экране. Петер присоединил съемочный аппарат к электросети. Бросив взгляд на экран, он сказал:

— После вчерашней грозы изображение стало ярче и отчетливее, чем обычно.

— Тем лучше для наших киносъемок, — ответил Баллье, пропуская начало пленки через грейфер. — Ну вот, сейчас один пробный кадр, а потом, я считаю, можно и начать.

Теперь Баллье и Петер могли присесть к экрану. На экране профессор Тербовен вместе с Нево стоял у походного столика, на котором была расстелена белая карта — видимо, план древнего города. Они что-то обсуждали, и профессор неоднократно показывал на карту. Рабочие-туземцы находились метрах в двадцати позади них и старались освободить вход к большому зданию.

Через некоторое время Баллье повернулся к сидевшему рядом с ним Петеру Тербовену.

— Вы знаете, господин Тербовен, мне непонятно, зачем ваш отец вообще организовал эту экспедицию! Он сделал изобретение, которое превосходит все то, что я до сих пор считал возможным, и бросил работу на произвол судьбы, подверг себя трудностям и опасностям, подстерегающим любую экспедицию в тропиках! Разве ваш отец был к тому же археологом?

Петер задумчиво смотрел на экран.

— И да, и нет, дорогой Баллье! Конечно, мой отец по профессии физик. — Петер поднял голову и посмотрел на коллегу, с интересом слушавшего его. — Но он не только физик. Его знания обширны — особенно в области истории и политики. Он часто говаривал, что история фальси-

фицирована, считал, что историки необъективно изучили историю, ибо всегда находились в плену взглядов своего сословия, своего класса, своего времени.

Петер замолчал и задумчиво посмотрел на экран. Потом заговорил снова:

— Да-а, и вот ему удалось изобретение, с помощью которого он смог заглянуть в прошлое. Можете себе представить, что это значило для моего отца! Аппарат нужно было усовершенствовать. В нем было много недоделок.

Теперь, в час, когда они сидели перед экраном и ожидали, что в ближайшее время станут свидетелями загадочных обстоятельств, приведших к исчезновению его отца, Петера так и подмывало рассказать все о профессоре и его изобретении.

— А однажды, неизвестно откуда, появился этот д-р Нево. Мой отец нашел в нем хорошего специалиста и, в конце концов, поручил ему все технические усовершенствования, которые он уже разработал теоретически. То, что мой отец видел на экране, все больше притягивало его к себе. И он начал планировать экспедицию в Мексику, чтобы заняться там раскопками городов древних индейцев. В своем изобретении он всегда видел лишь средство, которое поможет улучшить работу историков. Только этому и должен был служить великолепный аппарат.

В этот момент экран показал, что профессор отправился куда-то через город. Нево исчез в палатке.

Петер уменьшил масштаб, чтобы одновременно наблюдать и за профессором, пробиравшимся все дальше через руины, и за ассистентом.

— Он снова возвращается к стене, у которой работал вчера, — сказал Роньяр.

Редактор оказался прав. Перед темным отверстием в стене профессор остановился. У обломка камня все еще стояли кирка и лопата.

Вдруг Хофстраат вскрикнул:

— Смотрите, Нево!

Осторожно оглядываясь, ассистент вышел из палатки через запасный вход.

Пригнувшись к земле, Нево, под защитой буйно разросшегося кустарника, очень медленно пробирался по краю города руин, описывая таким образом большой полукруг.

Между тем, он все приближался к профессору, который уже принялся расширять отверстие в стене.

Наконец Нево оказался в нескольких шагах от профессора. Профессор продолжал спокойно работать.

Все сидящие перед телевизором поняли: сейчас произойдет страшное. Петер слышал биение своего сердца. Он судорожно сглотнул слюну.

Баллье дал знак студенту. Послышалось тихое жужжание кинокамеры.

Нево, пригнувшись, подкрадывался все ближе и ближе. Петер вскочил.

И в этот момент Нево одним прыжком подскочил к профессору и изо всех сил ударил его палкой. Тот пошатнулся и безжизненно рухнул на землю.

Нево склонился над профессором и некоторое время смотрел ему в лицо. Потом схватил кирку и с лихорадочной быстротой начал расширять уже имевшееся отверстие между стеной и горкой щебня. В короткое время он углубил отверстие настолько, что в него можно было уложить безжизненное тело.

Он снова засыпал яму, прислонил кирку и лопату к стене и исчез в кустах.

У Петера все поплыло перед глазами, и он прижал свои кулаки к покрытой белым лаком стальной поверхности аппарата.

Баллье уже хотел было дать знак выключить кинокамеру, но возглас Роньяра заставил всех снова поднять глаза.

Что это? Из густого кустарника, росшего рядом с кучей щебня, где произошло убийство, показалась голова индейца. Бесшумно извиваясь, словно змея, он приблизился к этому месту. Он двигался так ловко, что не шевельнулась ни одна ветка. Потом остановился и прислушался — словно зверь, проверяющий, не грозит ли ему опасность.

Наконец он нагнулся над расщелиной, куда убийца закопал свою жертву, и начал рыть землю. С невероятной бы-

стротой он снова вытянул из ямы тело, нагнулся над ним и затаил дыхание. Так прошло несколько секунд. Потом индеец вдруг схватил лопату и быстро забросал яму щебнем. Взвалив на плечи безжизненное тело, он, не медля ни секунды, исчез с ним в лесу. Только кирка и лопата одиноко стояли у стены древних городских ворот в солнечном свете жаркого мексиканского неба.

28.

— Вам это понятно?.. Мне — нет!

Альтман беспомощно развел руками.

— Ведь в этой связи нужно начать следствие. Я с нетерпением жду его.

Он стоял с коллегой перед дверью своего кабинета, где они случайно встретились.

— Удалось хотя бы выяснить, каково настоящее имя шофера?

Альтман покачал головой.

— Его только отправили в следственную тюрьму, и он бежал.

— У него, видимо, были сообщники.

— Может быть, сейчас мне удастся узнать больше. Меня вызвал к себе Старик. Думаю, что разговор будет именно о шофере Нево.

— Не собирается ли он поручить вам расследование этого дела? Ведь раньше вы занимались делом Нево.

Альтман посмотрел на часы.

— Мне пора. Иначе — шума не оберешься. Вы же знаете его!

Коллега кивнул.

— К сожалению, дорогой Альтман!

Альтман ничего не ответил. Он лишь слегка улыбнулся, и они разошлись.

«Доктор Фриз, Советник уголовной полиции» — написано на дверях.

Услышав приглашение «Войдите», Альтман переступил порог комнаты начальника. За широким письменным столом, спиной к окну, сидел человек лет пятидесяти; увидев Альтмана, он поднялся и вопреки обыкновению дружески протянул ему руку.

— Садитесь, коллега.

У д-ра Фриза было широкое лицо с крупным подбородком и необычно плоским носом. Если бы не табличка на дверях, можно было бы подумать, что перед вами боксер. Его движения были мягкими, как у спортсмена; ничто в нем не выдавало чиновника.

Альтман выжидающе сел напротив начальника.

Д-р Фриз все еще продолжал приводить в порядок бумаги на столе; не отрываясь от своего занятия, он спросил, как бы между прочим:

— Что вы скажете о побеге этого шофера?

Альтман еще раньше решил вести себя осторожно.

— Пока — очень мало. Я не знаю подробностей.

— Да тут многого и не узнаешь. — Д-р Фриз, казалось, уже закончил приводить бумаги в порядок и теперь прямо смотрел в лицо своему подчиненному.

— Возможно, побег этого человека избавит нас от многих неприятностей.

Это было сказано таким бесстрастным тоном, что Альтман сразу же спросил:

— Как это понимать?

— Очень просто, дорогой коллега: он был американским подданным!

— Это для меня новость.

— И тем не менее это так. И возможно, нам все равно пришлось бы передать его американцам, так как этот Нево — тоже американец, а ведь бомба, в конце концов, была найдена на его земле... Кстати, вы не знаете, могла ли эта бомба вообще взорваться? Говорят, что в ней было дистанционное устройство.

— Это, должно быть, выяснил шестой отдел. Мне об этом тоже ничего не известно, — ответил Альтман.

— Я потом позвоню туда, — ответил советник.

Альтман продолжал ждать — это еще только начало. Он хорошо знал своего шефа.

Фриз спрятал носовой платок и спросил, словно невзначай:

— А что это за история с аппаратом?

Альтман сделал вид, будто не понимает.

— Какой аппарат вы имеете в виду?

— Ну, это изобретение профессора Тербовена.

— Ах, вот вы о чем! Ну, я не инженер и немного смысло. Очень сожалею об этом. Говорят, это очень сложный аппарат.

Д-р Фриз не удовольствовался таким ответом.

— И аппарат, и весь дом принадлежали этому д-ру Неву, не так ли?

Альтман задумчиво посмотрел на него.

— Об этом я тоже мало информирован. Я только слышал, что договор имеет целый ряд оговорок, которые делают его условным, а не окончательным.

При этом Альтман не мог отделаться от мысли, что Фриз очень хорошо об этом осведомлен, но тем не менее хотел услышать личное мнение своего подчиненного, занятого расследованием этого дела.

— Выходит, дом со всем, что там находится, не имеет хозяина? — не то констатировал, не то спросил советник.

— До сих пор господин Тербовен интересовался только своим аппаратом, за домом следит управляющий. Он еще здесь, — ответил комиссар.

— Вот-вот! Но разве это дело? — Фриз коротко рассмеялся. — Даже если когда-то вещи и принадлежали семье Тербовен, то теперь господин Петер Тербовен не имеет никакого права на то, что в этом доме. Надеюсь, вам это ясно, господин Альтман?

Тот ничего не ответил, лишь смущенно посмотрел на шефа. Советник продолжал:

— Мы опечатаем помещения, где находятся приборы!

— Он сделал паузу. — А может быть, было бы даже лучше перевести приборы в безопасное место, хотя бы — к нам.

— Вряд ли господин Тербовен согласится на это. Мне кажется, что он снова смотрит на изобретение своего отца как на свою собственность, — возразил Альтман.

Д-р Фриз нахмурил брови и внезапно сказал довольно резко:

— Мне кажется, господин Альтман, что вы чересчур ретиво защищаете интересы семьи Тербовен. Мы еще не знаем, как будет развиваться эта история. В конце концов — и вы это должны знать — господин Нево американец. Мы должны быть строго нейтральными и объективными, коллега, прошу этого не забывать!

Альтман промолчал, он знал своего шефа. Он просто ждал, что тот еще скажет, и тот действительно не заставил себя долго ждать.

— Профессор до сих пор не вернулся. Поэтому я очень сомневаюсь, что прибор будет возвращен господину доктору Тербовену, его сыну.

Альтман задумчиво кивнул. Он уже все понял.

Д-р Фриз поднялся.

— Но я позвал вас к себе не по этому поводу, дорогой коллега. Речь идет о другом деле, которое я хотел бы поручить вам. Следствие по делу об украденных картинах из музея Рубенса зашло в тупик. Попутно замечу, что это такое дело, где вы можете пожать лавры!

— А дело Нево? — спросил комиссар.

— Это дело возьмет на себя коллега Снатчер... Итак, просите, чтобы вам выдали документы по делу о пропавших картинах! Желаю успеха!

Войдя в свой кабинет, Альтман увидел там редактора.

— О, господин Роньяр! Вы наверняка пришли узнать что-нибудь о шофере.

Тот рассмеялся.

— Вы ясновидец, Альтман!

— Ясновидец! — Альтман повторил это слово с какой-то особой интонацией. — Неплохо бы им быть!

Роньяр внимательно посмотрел на него.

— У вас неприятности, дорогой друг? — спросил он, когда Альтман растерянно остановился у письменного стола и задумчиво, словно прислушиваясь к звучанию своих слов, посмотрел в окно. Он ничего не ответил, он только сел в кресло и посмотрел на редактора отсутствующим взглядом.

— Неприятности? — вдруг повторил он. — Нет, господин Роньяр, откуда же у меня неприятности? — Он язвительно засмеялся. — Я только что вернулся от своего начальника, господина доктора Фриза, где узнал, что я слишком резко обошелся с этим в высшей степени благородным шофером. Больше ничего!

— И он лишил вас права заниматься делом Нево или, по моему мнению, лучше сказать, делом Тербовена? Не так ли? — закончил редактор.

Альтман внимательно посмотрел на него.

— Итак, вы подозреваете, что эта история не так проста, как кажется на первый взгляд!

— Подозреваю? Это не совсем то слово, дорогой Альтман. Я убежден, что теперь из Америки предъявят права на это изобретение. Вот откуда дует ветер!

Альтман не спускал глаз со своего гостя.

— А советник Фриз?

Редактор пренебрежительно махнул рукой.

— Вы знаете, деньги и перспективы повышения по службе у нас могут сделать все... Все, говорю я вам!

— А для нас это означает, что мы должны быть все время начеку, господин Роньяр! — ответил Альтман серьезно.

29.

— Куда же пропало ваше хорошее настроение? — спросил Нево. — Такой я вас еще не знал. Нью-Йорк, кажется, не подходящий город для вас.

Лу Бельмонте откинулась в кресле и ничего не ответила. Внимательно смотрела она на большую сверкающую лю-

стру, словно пыталась найти там ответ на вопросы, мучившие ее.

Нево тоже больше ничего не говорил. Он смотрел на ее красивую шею, и им владели противоречивые чувства. «Она агентка Мак-Кормика, и она получила задание наблюдать за мной», — думал он.

Чтобы не смотреть на него, она спустила голову.

— У вас еще не было неприятностей по работе?

Он ответил не сразу, так что она успела задать еще вопрос:

— Вам никогда не хотелось бросить все это?

— О, ну конечно! — сознался он. — И причем, не так давно.

Она подняла голову, ища его взгляда.

— Это случилось, когда вы встретились со мной?

Он кивнул.

Их взгляды встретились. Какое-то мгновение они не отрываясь смотрели друг на друга. Наконец, его губы разжались, и он тихо прошептал:

— Дэзи Бельмонте.

Она насторожилась, глаза ее сузились.

— Что это вам вдруг пришло в голову назвать меня Дэзи?

Произнося эти слова, она снова смотрела на люстру, и поэтому от нее ускользнула его улыбка. Нево сказал:

— С Мак-Кормиком у меня все кончено. Может, и вы поступите так же?

Вновь наступила тишина. Она задумчиво положила на стол ключ от комнаты, который до сих пор вертела в руке.

— Значит, вы знаете! — пробормотала она наконец.

— Да, и я думаю, что это к лучшему! — ответил он просто.

— Что вы имеете в виду? — На ее лице можно было увидеть и сомнение, и надежду.

Нево нагнулся немного вперед.

— Неужели мне нужно вам говорить, как много вы для меня значите. — Он схватил ее руку, которая лежала на столе, и прошептал: — Лу Бельмонте. — С просительными

интонациями в голосе он продолжал: — Я богаче, чем вы думаете. У меня хватит денег для нас обоих до конца жизни. Роскошь, дом в Калифорнии, поездки, куда только захотите... Вас это не привлекает?

Хитрая улыбка скользнула по ее лицу.

— А что я скажу Мак-Кормику?

Нево продолжал все так же серьезно:

— Вам вообще больше незачем к нему идти!

— Вы так его боитесь? — Она подняла бокал с шампанским. — Выпьем.

Горячая волна счастья залила Нево. С сияющим лицом он поднес свой бокал к ее и, под звон бокалов, потребовал нетерпеливо:

— Будем говорить друг другу «ты»!

Она кивнула и мягко улыбнулась.

— Боюсь, что ты раскаешься! Я избалована.

Он засмеялся.

— Чего тебе хочется? Автомобиль новой конструкции? Красивую одежду? Драгоценности? Пожалуйста, только скажи!

— И всему этому я должна верить?

— Я об этом прошу тебя, — ответил он снова серьезно. — Только на два месяца ты должна остаться одна.

— Почему?

— Мне нужно закончить кое-какие дела. После этого я буду совсем свободен, и мы сможем делать все, что нам захочется.

Она недовольно взглянула на него.

— А что же мне делать все это время?

— Я оставлю тебе достаточно денег. Сперва отдохни и купи, что тебе захочется! Завтра я подарю тебе манто, я уже видел на витрине очень красивые. Здесь, в Нью-Йорке, действительно холоднее, чем в Европе.

Лу Бельмонте выглядела прекраснее, чем когда-либо.

— У меня уже одно есть, я привезла из Парижа. Ты не хотел бы его посмотреть?

Нево окинул ее влюбленным взглядом.

— Если ты разрешишь.

Она кивнула.

Он подозвал кельнера.

— Пожалуйста, принесите бутылку шампанского в комнату 118... И два бокала!

Лу Бельмонте удивилась.

— Откуда ты знаешь номер моей комнаты?

Нево молча показал ей на ключ, поднялся и предложил свою руку. Она счастливо улыбнулась, прижалась к нему.

30.

Дни стояли жаркие и душные, и лишь ночи приносили с собой немного освежающей прохлады. Петер был рад, что он не постоянно живет в Мексике. В дневные часы, когда солнце своими лучами обжигало землю, он не мог ничего предпринять. Он должен был приспособиться к обычному для мексиканцев распорядку дня — бездействовать в эти часы, отдыхать после обеда. Лишь в вечерние часы жизнь вновь просыпалась.

Петер жил в отеле «Мацатлан», неподалеку от гавани. Он недолго искал себе пристанища. На те немногие дни, которые он собирался провести в Веракрусе, он мог позволить себе остановиться в этом шикарном отеле.

Власти вели себя вежливо и предупредительно, и молодой человек был уверен, что в скором времени получит все документы и рекомендации.

Прислушавшись к настоятельному совету Хофстраата, который на прощание порекомендовал ему не говорить ничего лишнего, Петер благоразумно умолчал, каким путем он узнал о судьбе своего отца. За один день Хофстраат уладил так много дел, связанных с поездкой Петера в Мексику, с которыми тот не управился бы и за неделю. А напоследок он дал ему еще совет, чтобы тот не рассчитывал самодично поймать убийцу, но тем не менее постоянно был начеку. Хофстраат опасался, что Нево попытается заманить Петера в ловушку.

Обо всем этом Петер вспомнил в последние дни. Сам он не верил, что Нево повстречается когда-нибудь на его пути.

Он стоял на балконе своей комнаты в отеле и задумчиво смотрел вниз. Как и во всех южных странах, вся жизнь здесь проходила на улице. Чужестранец мог полюбоваться пестрой и оживленной картиной.

Петер находился в Веракресе уже два дня. Сегодня у него впервые выдалось свободное время. Дела уже были почти улажены. Через два часа он получит заказанные им специальные карты Юкатана, а после этого погуляет по главным улицам города, уподобится бездельникам, для которых фланирование — самое важное дело.

Здесь уживались жалкая нищета и великое богатство.

Глаза Петера бесцельно скользнули по выстроившимся в ряд лимузинам, поблескивавшим своими хромированными частями. Мимо них усталый осел тянул за собой двухколесную тележку, на которой, держа поводья в руке, дремал человек в широком сомбреро.

Внезапно Петер заметил молодую даму, которая пересекала площадь, направляясь к отелю.

— Не может быть! — Он не поверил своим глазам и снова посмотрел вниз. — Да, это действительно она!

Он наблюдал. Чем ближе она подходила, тем больше шляпа скрывала ее лицо. Уверенным шагом она направлялась прямо ко входу в отель.

Петер засомневался. «Нет, это невозможно, откуда ей здесь взяться?» — неуверенно спросил он себя.

Но сходство было поразительным.

Погруженный в свои размышления, он еще раз посмотрел вниз, в сторону подъезда, в котором она исчезла. В следующую секунду на его ночном столике зазвонил телефон.

Он взволнованно поднял трубку. Звонил портье. Он попросил Петера спуститься вниз, сказав, что его ожидают.

— Кто? — спросил Петер, и его сердце учащенно заколотилось.

— С вами желает поговорить дама. Она не назвала имени.

— Сейчас спущусь.

Петер повесил трубку. «Значит, я не ошибся!» — подумал он в растерянности, но в то же время с надеждой и помчался вниз по лестнице.

Заметив его, портье показал ему на стеклянную дверь, за которой находился холл для посетителей.

— Прошу вас, сеньор, дама ожидает вас за правым задним столиком.

Петер рассеянно поблагодарил его и вошел в холл.

«Это она!» — подумал он с радостью. Он увидел милое и так хорошо знакомое ему лицо. Это была девушка с Западной набережной. Словно видение, всплыло перед ним ее бледное безжизненное лицо, которое он увидел тогда, придя к ней на помощь.

Когда он подошел поближе, она поднялась и сделала несколько шагов ему навстречу. Он с удивлением подумал: откуда она меня знает?

— Добрый день, господин доктор Тербовен! Простите меня, если я отвлекла вас. Вы, конечно, меня не знаете. Меня зовут Норрис. Я слышала, что вы приехали два дня назад на корабле. Я хотела бы с вами поговорить... У вас найдется немного времени для меня?

В радостном волнении Петер протянул ей руку и пробормотал какие-то слова. Она улыбнулась.

— Вы, я вижу, удивлены.

— Пожалуй, так! — подтвердил Петер. Его глаза все еще продолжали светиться радостью.

Она продолжала:

— Я ассистентка д-ра Нево.

Петер застыл.

— Вы...

Подобно молнии, в его мозгу мелькнула мысль: значит, она не знает меня как своего спасителя. Неужели эта милая девушка с открытым лицом — сообщница убийцы? Всю его радость словно смыло. Сдержанно и неподвижно он сидел напротив нее.

— Я удивлен, что встретил вас здесь. Доктор Нево тоже в Веракурсе?

— Нет, — ответила она. Затем последовала пауза. Казалось, она никак не решалась сказать, что привело ее сюда. Петер откинулся в кресле и ждал. При этом он внимательно посмотрел на ее лицо. «Шрама на лбу почти не видно, — подумал он. — Но почему она так плотно сжала губы?»

Наконец она начала неуверенным тоном.

— Я не знаю, в каких вы отношениях с д-ром Нево. Поэтому мне трудно найти правильные слова.

При этом она вопросительно посмотрела на Петера. Тому показалось, что когда она произнесла имя Нево, на ее лице мелькнула пренебрежительная усмешка, и он решил выяснить все, что касалось этой девушки. Не долго думая, он пустил пробный шар. Медленно, подчеркивая каждое слово, он сказал:

— Нево — убийца моего отца. И у меня есть доказательства.

Норрис в ужасе вскочила и растерянно уставилась на него.

— Что... Убийца? — Она опустила глаза. — Я предчувствовала нечто подобное.

Она снова посмотрела на Петера своими большими глазами, потом села и так же тихо добавила:

— Я все время чувствовала, что здесь что-то не так. И тем не менее, ваше сообщение меня ошеломило. Нево уже арестован?

— Нет, ему удалось скрыться.

— И вы его здесь разыскиваете? — поспешно спросила она.

— Нево убежал в США, — ответил Петер.

— Он ведь американец, — вставила она. — Разве вы этого не знали?

Петер сознался, что не знал этого. Он задумчиво рассматривал свои ногти.

— Вы точно знаете, что он еще гражданин Соединенных Штатов?

— Насколько мне известно — да! — ответила она. — Во всяком случае, он однажды говорил мне об этом.

Оба замолчали.

«Зачем я ей понадобился?» — подумал Петер и снова обратился к ней с вежливой улыбкой:

— Вы, кажется, хотели меня о чем-то спросить?

— Да.

— Боюсь, что после всего, что вы мне здесь рассказали, вы, узнав цель моего визита, составите обо мне неверное представление.

— Не думаю. Можете спокойно рассказать мне все.

Она посмотрела на него теплым благодарным взглядом.

— Меня послал сюда Нево... С тем, чтобы сопровождать его потом в одной научной экспедиции. Он собирался приехать следом за мной.

— А что это за экспедиция? — поспешно перебил ее Петер.

— В Сан-Хуан-Батиста на Рио-Табаско.

— Вот как! — удивленно протянул Петер. — Ведь Рио-Табаско протекает у границы Юкатана!

— Кажется, да.

— А вы одна приехали в Веракрус? — любопытствовал Петер.

— Нет, со мной плыл еще один моряк по имени Стин. Правда, в третьем классе. ...

— Стин? — вырвалось у Петера.

Она насторожилась.

— Вы знаете этого человека?

— Немного, — уклончиво ответил Петер. — Но, пожалуйста, рассказывайте дальше.

Норрис была рада рассказать обо всем и снять тяжесть с души.

— Вот я и сижу здесь уже три недели, а Нево так и не дает о себе знать. Я уже пришла в отчаяние. — Немного помолчав, она продолжала: — Можете себе представить мою радость, когда я услышала, что на последнем пароходе прибыли вы! Я уже испробовала все средства, чтобы узнать, куда исчез Нево, и поэтому пришла сегодня к вам, господин Тербовен... Но такого известия я, конечно, не ожидала услышать! — добавила она с горечью.

— Я очень сожалею. Я бы с удовольствием сообщил вам что-нибудь более приятное.

После небольшой паузы он спросил:

— А что случилось с этим... Стином?

— С ним-то? — сказала она с презрением. — Я уже на корабле поняла, что он немного стоит. Он пил безо всякой меры, и я считала лучшим не показываться вместе с ним. Кстати, я так до сих пор не знаю, зачем он ехал со мной. Когда мы прибыли в Веракрус, Стин снял номер в такой гостинице, которая больше похожа на притон. Он, впрочем, очень хорошо знает Веракрус. Кажется, что он раньше жил здесь, и довольно долго. За несколько дней он растранжирил все свои деньги и пришел ко мне, чтобы взять в долг.

— Надеюсь, вы ничего ему не дали?

— Конечно! Да я и не могла этого сделать. Я сама постоянно беспокоилась, хватит ли у меня денег — ведь Нево все не приезжал и не приезжал.

— И правильно сделали! — Он был рад, что еще тогда, когда он ее спас, он не составил о ней неверного впечатления.

— Так что же, а конце концов, случилось с этим моряком? — снова спросил он.

— К сожалению, я не могу вам этого сказать. Он больше не появлялся.

Она облегченно вздохнула. Некоторое время оба молчали. Потом Петер взглянул на ручные часы.

— Не хотите погулять со мной? — Он по-юношески весело улыбнулся ей и пошутил: — Разве я мог мечтать, что у меня будет в Веракрусе такой прекрасный гид!

— Но не ждите от меня многого, — ответила она со смехом. — Я плохо знаю город. Попадая по вине Нево в неприятную ситуацию, я не мечтала о прогулках по городу.

— Это не трудно понять, — согласился Петер и открыл перед ней стеклянную дверь.

Они прошли мимо портье и вышли на площадь. Норрис, казалось, забыла о своих заботах.

— Я предлагаю пойти по авеню Хуарес, там тенистые деревья.

Петер не возражал. Рядом с ней он чувствовал себя настоящим счастливым. Теперь ему не мешали громко кричащие грязные уличные мальчишки.

Некоторое время они шли молча. Петер украдкой поглядывал на нее.

— Ну, а как отнесся Стин к отсутствию Нево?

— Разразился грязными ругательствами и начал источать страшные угрозы, которые тогда мне были непонятны. Теперь я понимаю.

Говоря это, прекрасный гид уверенно шагал по площади.

Любопытный попутчик между тем продолжал расспросы:

— А вы не помните, что говорил Стин?

— Говорил о каких-то ящиках, содержимое которых ему хорошо известно. И если Нево заставит его торчать здесь, он расскажет кое-что мексиканскому правительству. Это все, на что я обратила внимание.

«Значит, он вывозил найденное золото в ящиках, — подумал Петер. — Но что ему еще понадобилось на Юкатане? И зачем он послал предварительно свою ассистентку и Стина?»

Они шли по широкой улице, в тени старых деревьев. Петер все размышлял, пока его прекрасная спутница не отвлекла его.

— О себе я уже все рассказала. А вы, в свою очередь, не хотите мне рассказать, каким образом вам удалось добыть доказательства этого ужасного преступления?

— С удовольствием! Это можно рассказать в двух словах. — Петер тотчас же удовлетворил ее просьбу. Сперва он рассказал о технических усовершенствованиях телевизионного устройства, о темных звездах, которые отражали лучи, снова возвращая их на землю, и он нашел в ней очень интересного слушателя. Правда, он умолчал о предшествующих событиях, которые вызвали у него подозрения.

— Мне неизвестно, что аппарат был усовершенствован и мог принимать инфракрасные лучи, — сказала она, когда Петер объяснил ей техническую сторону дела. — В последние месяцы я редко бывала в лаборатории. Нево дал мне задание собрать материалы по изобретению и подготовить нечто вроде патента, но только в том объеме, в каком это было разработано у вашего отца.

Петер с интересом слушал.

— И вы справились с этой работой? — спросил он взволнованно.

— Да. И незадолго до отъезда передала Нево, которому они якобы были нужны, чтобы запатентовать изобретение за границей.

Норрис переменила тему и снова вернулась к началу их разговора.

— Так, значит, усовершенствование аппарата помогло вам узнать, как Нево...

Петер кивнул.

— Да, помогло, — подтвердил он.

— Должно быть, это были страшные минуты для вас!

— Но мы видели и то, чего не знает Нево, — продолжал Петер. Мы видели, как через несколько минут какой-то индеец откопал моего отца и скрылся с ним в лесу.

— Это кажется просто фантастичным! А больше вам ничего не удалось увидеть?

— К сожалению, нет... Возможно, мой отец был жив — иначе, зачем индейцу забирать его с собой?

— Да, конечно, — ответила она после недолгого раздумья.

— Поэтому-то я и приехал сюда. А в ближайшие дни уеду на Юкатан разыскивать отца. Главное — найти этого индейца!

Они продолжали свой путь, каждый углубившись в свои мысли. Идя рядом с девушкой, Петер удивился ее долгому молчанию и украдкой взглянул на нее. Внезапно она остановилась.

— Я хочу сделать вам предложение...

— Да, пожалуйста.

— Возьмите меня с собой! Я наверняка окажусь вам полезной во время ваших поисков.

Петер был приятно удивлен. Конечно, он был согласен. Девушка предложила ему именно то, чего он страстно желал. Он сам все время хотел предложить ей поехать с ним.

Перед одним из многочисленных кафе они остановились. Под полосатыми красно-белыми маркизами, между прекрасными экзотическими растениями в зеленых деревянных кадках были расставлены маленькие столики. Они, казалось, манили прохожих.

Петер показал на один из свободных столиков и предложил выпить кофе.

Она кивнула, и вскоре перед ними уже стояли маленькие фарфоровые чашки с превосходным черным гватемальским кофе.

— А вы знаете, что я уже несколько месяцев ищу вас? — ошеломил Петер свою спутницу. При этом он по-мальчишески озорно взглянул на нее и искренне обрадовался, увидев ее удивленное лицо.

— Ищите? Не понимаю. Зачем вы меня искали? Наверное, в связи с Нево!

От испуга она даже перестала помешивать свой кофе. Ее глаза со страхом смотрели на него.

— И почему вы говорите мне об этом только сейчас? — и добавила требовательно: — Ну, говорите же!

Но Петер не хотел слишком быстро разглашать свою тайну. Он неторопливо вынул сигареты и с непроницаемым лицом предложил ей закурить.

— Благодарю, но я не курю... Перестаньте меня мучить и рассказывайте!

— Хм, — равнодушно произнес Петер. — Так быстро этого не объяснишь, здесь нужно качать издалека.

Он закурил сигарету и, сделав несколько затяжек, начал:

— Собственно говоря, мы — старые знакомые. Дело в том, что именно я нашел вас на улице, ведущей к Западной набережной, и отнес к врачу.

Он с нетерпением ожидал, какое действие произведет на нее это откровение.

Ее глаза расширились от удивления.

— Что? Это были вы?

— Да.

Признание вывело девушку из равновесия, она долго не могла найти слов и наконец смущенно пробормотала:

— Вот это неожиданность...

— Вы наверняка до сих пор были уверены в том, что этот незнакомец выкрал у вас деньги!

Миловидное личико окрасилось легким румянцем. Она смущенно кивнула. Но в следующее мгновение она уже снова обрела дар речи.

— Откуда же мне было знать, что вы...

Ее карие глаза нежно посмотрели на него, она протянула ему через стол руку.

— Если б мне еще раз представился такой случай, я бы унес вас еще дальше. Но будем надеяться, — продолжал он уже серьезно, — что подобное не повторится.

Они обсудили детали дальнейшего совместного путешествия, Петер познакомил ее с уже сделанными приготовлениями, и она быстро поняла, что требуется от нее.

Впервые после трагического конца экспедиции его отца молодой человек был жизнерадостный и веселый, и его настроение передалось спутнице.

Встреча со своим соотечественником была для нее равносильна возвращению из ссылки.

— У меня такое чувство, будто все это было в кошмарном страшном сне, а теперь я вижу, что на улице прекрасный солнечный день.

Солнце совсем опустилось к горизонту, и до ночи было недалеко, а они все сидели за столиком в кафе, окруженные незнакомыми людьми, говорившими на чужом языке.

Ночь наступила внезапно — в Мексике нет долгих сумерек.

Когда вспыхнули фонари, она твердо сказала:

— Пора возвращаться в отель.

Авеню Хуарес в свете уличных фонарей казалась иной. Ночной город всегда имеет другое лицо. Повсюду вспыхивали пестрые рекламы, переливаясь и сверкая.

— Где же теперь можно найти этого Стина? — вдруг спросил Петер. — Может быть, следовало бы его повидать. Сейчас он уже, наверное, согласится рассказать кое-что о Нево.

— Уж не хотите ли вы прямо сейчас отправиться к нему? — спросила она озабоченно. — В такое время небезопасно бродить по портовому району. Не советую вам этого делать.

Ее спутник рассмеялся.

— Откуда такой страх? Ведь здесь нет улицы, ведущей к Западной набережной!

— Не говорите так, — ответила она. — Портовые города везде одинаковы. До сих пор Стин жил в общежитии моряков Хосе Акилла на улице Виго. Будет лучше, если вы пойдете завтра днем! — И более тихим голосом добавила: — Тогда я могла бы показать вам дорогу.

— Ни к чему это! Я пойду к нему один. С ним-то я сумею справиться.

Они распрощались перед ярко освещенным подъездом отеля, в котором она жила, договорились о времени и месте завтрашней встречи.

31.

Под парусиновым верхом старомодного «форда», предохраняющим от солнца, освежающе веял встречный ветерок, уменьшая невыносимый зной, который словно мерцал в воздухе и давил на высушенную землю.

Шофер, казалось, считал своим долгом мчаться через все рытвины и препятствия с наивысшей скоростью. На поворотах Петер Тербовен и Норрис должны были крепко держаться, чтобы не быть выброшенными на стены из кактусов и агав, которые окаймляли так называемую улицу. Кактусы, выше человеческого роста, стояли, словно причудливые мифические герои, сверху донизу усеянные острыми шипами.

Петер и его спутница проделали длинный и утомительный путь от западного побережья Юкатана, вверх по Рио-Мамантель через Сан-Антонио, в этой взятой напрокат туристской машине. Пользуясь самодельной картой своего отца, Петер считал, что если приложить силу, то из ближайшего местечка можно будет пешком сравнительно легко достичь руин древнего города.

Молодой Тербовен надеялся нанять в этом местечке кое-кого из местных жителей в качестве проводников.

Шофер снова сделал резкий поворот. Внезапно перед ними появилась маленькая, покрытая листвой хижина. Сра-

зу за ней они увидели несколько других хижин, скрывавшихся в тени крупноветвистых древних деревьев-великанов.

На вопрос Петера шофер усердно закивал головой.

— Si, Si, señor!* Мы приехали. Это Реалес.

— Здесь есть гостиница? — снова спросил Петер, разочарованно рассматривая бедные хижины и открытые загонны для скота.

Шофер снова кивнул и, не снижая скорости, продолжал мчаться мимо домов, которых становилось все больше и больше.

В тени домов и огромных деревьев дремали мексиканцы в ярких цветных одеждах.

На дорогу высыпали полуголые ребятишки. Собаки свирепо пролаяли вслед машине.

В следующее мгновение машина остановилась перед большим белым каменным домом с двумя широкими тенистыми верандами.

Одетый во все белое креол встретил их с таким радушием и сердечностью, словно перед ним были его долгожданные друзья. Прибывшие получили две комнаты в задней части дома с выходом на террасу. Комнаты были затемнены, и в них царил приятная прохлада.

Когда Петер снова вышел из комнаты, он с удивлением увидел, что перед гостиницей и вокруг машины уже собралась толпа любопытных. Все свое внимание она уделяла редкому для здешних мест событию — приезду двух иностранцев; с завидным спокойствием все собравшиеся смотрели на Петера, словно ожидая от него чего-то.

— Не часто нас здесь посещают иностранцы, — с приветливой улыбкой заметил хозяин гостиницы, который вышел вместе со своим гостем. — Мы находимся на самом краю цивилизации. Дальше начинается необозримый девственный лес, — добавил он и широким театральным жестом показал в сторону гигантских деревьев.

Петер кивнул.

* Да, да, сеньор (*исп.*).

— Именно этот лес меня интересует, поэтому я и приехал сюда.

— Вот как?! — с явным удивлением протянул хозяин гостиницы. — Странное совпадение! Несколько дней назад сюда приехал один американец, которого тоже интересовал этот лес.

Петер насторожился.

— Он тоже живет у вас?

— Нет! — Хозяин небрежно махнул рукой. — Он остановился у Перейры, хотя его дом намного хуже моего.

— Он что, ботаник? — продолжал допытываться Петер,

— Мне очень жаль, но я не могу сказать. Люди, остановившиеся у Перейры, меня не интересуют.

Тербовен решил на следующее утро все узнать об этом американце.

— Скажите, я могу найти здесь надежного человека, который хорошо знает лес? — спросил он, меняя тему разговора.

— О, ну, конечно! У нас здесь многие хорошо знают лес и не раз уже были проводниками. Например, Карло Рендес, который всегда привозит почту через Рио-Пинто. Нуньес Олива тоже наверняка не отказался бы быть вашим проводником.

— Мне нужен человек, который хорошо знает район Рио-Бравос.

— В таком случае, надо поговорить с Моро Паручо... только с ним, — задумчиво произнес хозяин гостиницы. — Но он индеец, и не с каждым пойдет.

Петер его не понял.

— Да, да, с янки, например, он не пойдет ни в коем случае. Он их ненавидит. Но ведь вы — европеец.

— А что вообще за человек, этот Паручо?

— Он лучше всех знает лес. До самого Гондураса и тихоокеанского побережья. К тому же, он — лучший охотник из всех, кого я когда-либо встречал. Его пуля никогда не летит мимо цели. — Он нагнулся к Петеру и зашептал: — Паручо очень похож на людей тех древних индейских пле-

мен, которые строили в лесах древние города, сейчас уже погибшие и разрушенные. Он...

В этот момент к ним подошла Норрис, и собеседник Петера тотчас же замолчал.

— Я пошлю Педро узнать, в городе ли сейчас Моро Паручо. Сегодня вечером я уже смогу дать вам ответ. — Он снова стал лишь предупредительным хозяином, от его доверительной таинственности не осталось и следа. — А договариваться с ним вы будете сами, — добавил он.

Петер кивнул и коротко поблагодарил его. Он условился со своей спутницей совершить прогулку, чтобы познакомиться с местечком, и она уже была готова к этой прогулке.

Во время их совместного путешествия из Веракруса в Реалес Петер неоднократно имел возможность убедиться, что нашел в Норрис ценного и надежного товарища. С того самого дня с Веракрусе он сам себя не узнавал. И теперь, когда он шел вместе с ней по пыльной улице, окруженный толпой ребятишек, которые удивленно глазели на них, с шумом и криками сопровождая их от самой гостиницы, — теперь его снова охватило глубокое и радостное чувство.

— Я хотела бы вблизи посмотреть на эти гигантские деревья.

Скоро они уже стояли под густой зеленой крышей. Золотистые лучи солнца почти не пробивались сквозь листву.

Петер показал вверх.

— Нас приветствуют первые вестники леса. И они безмолвно хранят свои тайны, — добавил он задумчивым тихим голосом. — Смотрите, наш эскорт уменьшается, — сказал Петер своей спутнице, показав на ребятишек, которые все еще следовали за ними на почтительном расстоянии.

— Видимо, мы уже потеряли для них интерес.

Петер рассмеялся. Он шел немного позади нее. Внезапно из колючего кустарника рядом с ними с шумом вылетела большая безобразная птица с голой шеей. Девушка вздрогнула в испуге — слишком много нового пережила она

за последние дни,— отпрыгнула назад и попала в объятия Петера, который не торопился ее вновь выпустить.

Они стояли обнявшись, когда позади них послышалось веселое хихиканье. Они удивленно обернулись и увидели ухмыляющиеся детские мордашки. Им не оставалось ничего другого, как тоже рассмеяться и, держась за руки, вернуться. Не успели они опомниться, как снова стояли перед вежливым хозяином гостиницы, который слишком хорошо знал жизнь, чтобы не понять, почему у его гостей такие сияющие лица. С едва заметной понимающей улыбкой он провел их на веранду, где их ждал обильный и с хорошим вкусом приготовленный ужин.

С веранды было видно, как вместе с сумерками на лес, выделявшийся на фоне огненно-красного неба своими темными таинственными контурами, легла фиолетовая дымка. Они молча стояли, плененные своеобразной прелестью природы.

Хозяин пожелал им хорошего аппетита и хотел было незаметно удалиться, но потом вспомнил:

— Вам повезло, сеньор! Моро Паручо сегодня вечером возвращается из леса. Вы можете с ним поговорить.

— Большое спасибо за известие. Я схожу к нему.

Хозяин гостиницы доверительно добавил:

— Я узнал, что американец, живущий у Перейры, тоже хочет сегодня навестить Паручо.

— Вот не повезло! — разочарованно воскликнул Петер.

— Нет, нет, сеньор! — ободрил его хозяин. — Паручо наверняка ему откажет. Я же вам говорил, что он не выносит янки. Но тем не менее, я не советую вам затягивать с визитом.

— Хорошо, — согласился Тербовен после короткого раздумья. — Где я его могу найти?

— Он живет в старом доме на опушке леса. Вы не сможете его не заметить, если пройдете через площадь и направитесь по дороге, ведущей к лесу... Я уже просил передать ему о вас.

В душной темноте ночи стоял незнакомый сладковатый запах. Ночь не принесла прохлады. Солнечный зной, впитавшийся днем в почву, все еще висел над землей. Воздух был наполнен жужжанием moskitov.

Петер с удовлетворением отметил, что хозяин гостиницы тоже был вынужден страдать от духоты, хотя он и привык к климату. Он простился со своим гостем словами: «Buenos noches»*, когда тот отправился к Паручо.

Петер дошел до большой площади, кое-где окаймленной угрюмыми каменными домами без окон, и направился, как ему подсказал дружелюбный толстяк, в сторону леса. Ему казалось, что здесь лишь сейчас просыпается жизнь. Над всем нависла густая бархатистая темнота.

Пробираясь сквозь угнетающую темноту ночи, Петер все время чувствовал сладковатый дурманивший аромат экзотических ночных цветов. Пронзительные и резкие крики зверей подсказали, что он приближается к лесу. Он плотно сжимал руки, прислушивался к каждому шороху и постоянно оборачивался.

Наконец он увидел слабо колеблющийся на воздухе огонь, освещавший призрачным светом потрескавшуюся глинобитную стену дома.

«Наверное, это и есть дом Паручо», — подумал Петер, с трудом разыскивая дорогу к огню. Он услышал громкий и возбужденный разговор, прислушался.

Из дома, перед которым горел костер, доносился возбужденный мужской голос. Им овладело беспокойство, и он попытался незаметно для спорящих подойти к дому поближе. «Может быть, с Паручо спорит остановившийся у Перейры американец?» — пронеслось у него в голове.

Теперь он уже отчетливо различал два голоса — один злобный и жесткий, другой глухой и спокойный. Всего лишь несколько метров отделяли его от огня, вырывавшегося

* Доброй ночи (*исп.*).

из-под раскаленных полуобгоревших веток, когда он вдруг услышал, как кто-то сказал твердо и решительно:

— Убийцу я не поведу! Я все хорошо знаю. Лучше уходите!

Тербовен словно прирос к месту. Напрасно пытался он взглянуть в темноту рядом с костром — танцующие языки пламени ослепляли его. Внезапно он вздрогнул — где-то впереди грохнул выстрел, за ним — второй. Огонь, вылетевший из дула, на какое-то мгновение осветил листву и выходящие растения. Лес отозвался эхом.

Из дома выскочил человек. Он пробежал мимо костра и хотел исчезнуть в ночи. Но вслед за ним бесшумно, словно пантера, выскользнула длинная тень и погналась за ним.

Последующее произошло так стремительно, что Петер едва смог проследить за событиями.

Беглец снова выстрелил, но промахнулся. А в следующую минуту человек, преследовавший его, догнал убежавшего. Оба рухнули на землю. Петер увидел, что на земле отчаянно дерутся двое. Они не издавали ни звука, и это безмолвие придавало зрелищу ужасающий вид. И вдруг душный воздух тропической ночи прорезал пронзительный крик.

Когда Петер подбежал, один из них поднялся и безмолвно встал перед ним, видимо, ожидая, что предпримет внезапно появившийся незнакомец.

Не говоря ни слова, Петер склонился над человеком, лежавшим на земле. Это был Нево. Нево был мертв.

Петер никак не мог взять себя в руки. Все увиденное казалось ему кошмарным сном, и тем не менее он знал, что все произошло наяву — перед ним все так же стоял мексиканец. Он стоял, повернувшись спиной к костру, так что лицо его разглядеть было невозможно.

Тербовен в растерянности снова перевел взгляд на убитого и увидел нож, который вошел в грудь Нево по самую рукоятку.

В этот момент спокойно, словно ничего не случилось, мексиканец спросил:

— Вы его знаете?

— Да... Но откуда вам известно, что он убийца?

— Пройдемте в дом! Вы же ко мне пришли.

«Это Паручо», — подумал Петер. Его поразило спокойствие и умное лицо мексиканца.

Оба молча вошли в хижину. Маленькая комнатка была освещена керосиновой лампой. На стеках висели охотничьи трофеи. Комнатка выглядела чистенькой и опрятной. Паручо придвинул гостю стул.

Петера охватило чувство страха. Помимо своей воли он вспомнил о Нево, который лежал в нескольких метрах от дома.

Сейчас, при свете лампы, он увидел лицо Паручо. Его лицо свидетельствовало о добродушии, и ничто не говорило о вероломстве и коварстве. Петер проникся к нему доверием. Оба испытующе посмотрели друг другу в глаза. Потом хозяин тоже сел и сказал:

— Прежде чем ответить на ваши вопросы, мне бы очень хотелось узнать, хорошо ли вы знали этого человека?

— Да, я хорошо его знаю. Знаю я и о том, что он преступник. В Европе ему удалось от меня скрыться. Я не думал, что мне еще придется с ним встретиться.

Какое-то время глаза Паручо смотрели на Тербовена, словно пытаясь прочесть на его лице, правду ли он говорит.

— Тот человек, что лежит у дома, — индеец показал рукой на стену, за которой лежал Нево, — тот человек убил своего товарища. Я сам это видел.

— Что? Вы видели? — Если бы перед ним ударила молния, он и то быстрее пришел бы в себя.

Жаркая волна окатила Петера с головы до ног. Значит, Паручо...

Но уже в следующее мгновение сердце его беспокойно забилося, и он спросил, заикаясь:

— А где тот, которого убили?

Он со страхом взглянул в лицо Паручо. Индеец ответил не сразу.

— Он... умер...

— Умер! — беззвучно повторил Петер это страшное слово. Словно сраженный ударом, он опять опустил на стул. В комнате наступила гнетущая тишина. Петер не видел больше ни Паручо, ни глинобитных стен хижины — перед его взором предстали руины древнего города и место, где было совершено страшное преступление. Он почувствовал себя беспомощным, все его тело словно налилось свинцом.

В этот момент Паручо повторил:

— Да... Он умер для всего мира.

Тербовен снова вернулся к действительности. И вновь в нем затеплилась надежда. Он взволнованно спросил:

— Что значит «умер для всего мира»?

Темные глаза индейца испытующе посмотрели в глаза Петеру. Вместо ответа он спросил:

— Вы его сын?

— Да, — быстро ответил Петер. — Но что вы имели в виду, говоря, что он умер для мира?

Взгляд Паручо оторвался от Петера и ушел в темноту тропической ночи. Словно вспоминая, он тихо заговорил:

— Тот американец, что лежит сейчас у дома, нанес удар вашему отцу... Я был свидетелем, но не успел добежать до них.

Петер в волнении ловил каждое слово индейца.

— Убийца засыпал тело вашего отца землей и ушел в твердой уверенности, что никто ничего не видел. Но мне подумалось, что такой удар мог только оглушить вашего отца. Поэтому я быстро снова его раскопал и увидел, что мои предположения оказались верными — он был еще жив.

Петер вскочил и вскрикнул:

— А что было потом?

— Я взял его с собой в лес, к моим друзьям. Мы ухаживали за ним. Рану на голове мы скоро за治чили, но...

Паручо замолчал. Он долго смотрел на Петера, в потом закончил свою фразу:

— Но этот удар лишил его рассудка. Он даже не помнит, кто он.

— Но он жив! — воскликнул Петер. Паручо кивнул.

— Я так и думал! — Петер от радости не мог остановиться. — Вы должны меня отвести к нему! — Он бросился к спасителю своего отца и схватил его за плечи.

— Он вас не узнает, — ответил индеец, и его глаза, озабоченно смотревшие на Петера, подернулись печалью.

— Мы завтра же отправимся к нему! — не унимался Петер.

— Я должен явиться в полицию. — Рука индейца показала в сторону убитого. Эти слова вернули Петера к действительности. Он уже совсем забыл о Нево. Он протянул руку мексиканцу и сказал:

— Я пойду с вами. Я видел, как он трижды стрелял в вас.

Не успел Петер возвратиться в свой номер из номера Норрис, где она ухаживала за его отцом, как зазвонил телефон. Звонил портье.

— С господином Тербовеном желает говорить сеньор Джулио, репортер «Херальдо де Мексико».

— Опять репортер, — проворчал Петер, но сказал в телефон: — Сейчас спущусь.

Возвратившись из Реалеса, они поселились в Веракрусе в отеле «Мацатлан». Хозяин отеля встретил их с изысканной вежливостью, он с волнением следил за сообщениями в газете и все знал о результатах экспедиции.

Уже по дороге из Реалеса в Веракрус — а точнее, в Сан-Антонио — Петера осаждали репортеры различных газет, а когда они прибыли сюда, со всех сторон получали дружеские поздравления. Чтобы поздравить их, к ним в отель приехали министр внутренних дел и второй бургомистр Веракруса. Петеру казалось, что благодаря его энергичной защите Паручо, который был оправдан на основании его показаний, он завоевал симпатии всея мексиканцев.

В холле его встретил гладковыбритый стройный господин. Одетый в элегантный чесучовый костюм, а не в черное, как все мексиканцы, он был больше похож на богатого европейца или американца.

Петер сдержанно поздоровался с элегантным господином.

— Если я не ошибаюсь, в Сан-Антонио у меня уже брал интервью один из репортеров «Херальда». Наверное, ваш коллега.

Вместо ответа сеньор Джулио предложил присесть за одним из столиков.

Петер последовал этому приглашению с явной неохотой. В этот момент репортер сказал с улыбкой:

— Об этом мне, разумеется, известно, господин Тербовен, но...

Он сделал паузу и с деланным интересом посмотрел в сторону двери, куда входил мулат, несший тяжелые чемоданы нового приезжего. В распахнутые двери потоком лился яркий свет. Альбукверквеская площадь изнывала под знойным мексиканским солнцем.

Репортер наконец закончил прерванную фразу:

— ...Нам хотелось бы поподробнее узнать об индейце Паручо, убийце доктора Нево.

Он снова посмотрел на Тербовена, как тому показалось, с нескрываемым любопытством.

— Кажется, вы не так уж хорошо информированы. Вы говорите о Паручо, как об убийце, но ведь во всей этой истории был только один убийца — сам Нево!

Джулио перевел свой взгляд на большие лопасти вентилятора, который медленно вращался под потолком.

— Вы не знаете, господин Тербовен, что господин Нево был гражданином Соединенных Штатов.

— Что вы этим хотите сказать? Уж не то ли, что невиновного человека можно заклеить как убийцу, если он не гражданин Соединенных Штатов? Но вам не удастся сделать из Паручо убийцу, а из Нево несчастную жертву.

Джулио не рассердили слова Петера, он все еще улыбался.

Петер поднялся, собираясь уходить. Но тут Джулио вскочил и преградил ему дорогу.

— Мы будем защищать свои интересы. И в деле Нево — тоже... Супруга господина Нево — главная наследница, и ей теперь принадлежит все — и дом в Голландии, и избречение. Пожалуйста, имейте это в виду!

Петер остановился. Этого он не ожидал. Какое-то мгновение он удивленно смотрел на репортера. Тот в свою очередь бросил на Петера ядовитый взгляд.

— Супруга господина Нево?!

— Да, да, вы не ослышались! — ликуя, воскликнул Джулио.

Внезапно, к немалому удивлению собеседника, Петер громко расхохотался.

— Так вот в чем дело! — Петер все еще не мог сдержать своего смеха. Он подошел к недоумевающему репортеру, похлопал его по плечу и уже серьезно сказал: — Из этого ничего не выйдет. И я говорю вам об этом сразу. Вы плохо информированы, а для репортера — это никуда не годится... Ведь вы утверждаете, что вы репортер!

Он отступил на шаг и смерил притихшего противника язвительным взглядом.

— Дело в том, что продажа аппарата оформлена официально договором, мой дорогой! А в нем оговаривается, что договор аннулируется, как только вернется мой отец... И прошу вас, не забывайте об этом, господин Джулио!

Петер повернулся и, не попрощавшись, ушел. Джулио с беспомощным видом остался посередине холла.

Когда Петер открыл дверь в свою комнату, к своему удивлению, он увидел там горничную, которая обычно убирала номера только по утрам «Странно, — подумал он. — Что ей здесь понадобилось?» Та, с явным замешательстве, прошла мимо него и на английском языке сказала, что она пришла поменять полотенце.

Петер кивнул, но когда темнокожая девушка закрыла за собой дверь, вспомнил, что полотенце уже сегодня меняли.

Оставалось пройти таможенный контроль. Французский быстроходный пароход «Бретань», который отвезет их в Европу, отчалит через три часа.

Слуга из отеля уже принес чемоданы, а Эвелин Норрис взяла под руку профессора, который покорно следовал за ней.

Багажа у них было немного. Большой чемодан Петера и два чемодана поменьше, принадлежавшие Эвелин Норрис. Новую одежду, купленную для отца, Петер сложил тоже в новый чемодан, обтянутый кордом.

Он еще раз просмотрел бумаги: заграничные паспорта, билеты и свидетельства для его отца, выданные мексиканскими властями.

Он сунул все в боковой карманчик своего портфеля, обнаружив там при этом сложенный плотный листок белой бумаги. Он не мог вспомнить, что это за бумага, и поэтому вынул ее. Внешне она была похожа на географическую карту. Он с любопытством развернул и с удивлением увидел неизвестную ему светотопию какого-то плана. Потом его глаза упали на название. Петер Тербовен держал в руках секретный план мексиканского военного порта Веракрус.

С быстротой молнии осенила его мысль об опасности ситуации. Теперь он понял, что делала горничная в его номере.

Он незаметно осмотрелся — никто за ним не следит. Только Эвелин, казалось, что-то заметила, — ее глаза смотрели на него испуганно и вопрошающе.

Взгляд Петера упал на почтовый ящик, и он облегченно вздохнул.

Петер быстро вынул ручку и написал:

«Мистеру Джулио
репортеру «Херальдо де Мексика»,
Мехико-Сити».

Не наклеивая марки — ее у него не было, — он бросил это необычное письмо в почтовый ящик. И лишь когда это послание глухо стукнулось о дно ящика, у Петера отлегло от сердца.

Эвелин Норрис с безмолвным удивлением наблюдала за ним. Теперь он подошел к ней и прошептал: «Господину Джулио!» Она ничего не поняла. Тем временем подошла их очередь. Слуга из отеля уже положил чемоданы на столы таможенного контроля, а Петер предъявил свои документы.

Чиновник, проверявший их бумаги, внезапно поднялся и зашептался о чем-то с контролерами. Петер поймал на себе их испытующие взгляды. Но теперь, когда опасный для него план военного порта надежно лежал в почтовом ящике, он мог ответить на эти взгляды приветливой улыб-

кой. Как он и предполагал, контроль был проведен чрезвычайно тщательно и строго. Но не найдя ничего, чиновник поставил необходимые печати на бумагах.

Когда Петер снова вышел на воздух и почувствовал легкое прикосновение соленого морского ветерка, он чуть не запел от радости. Перед ним стоял корабль, который отвезет их на родину.

34.

Ювелир, седовласый старик, держал массивный золотой браслет. На блестящей стеклянной поверхности прилавка лежал другой браслет, такой же, как первый.

Ювелир поднял на лоб очки в золотой оправе и осмотрел своеобразную гравировку. Так прошло некоторое время. Старик, казалось, забыл, что перед ним стояла красивая, элегантно одетая дама, ожидая от него ответа.

— Итак, вы хотите продать эти два браслета? — спросил он, продолжая рассматривать драгоценности.

Он снова опустил очки на нос и внимательно посмотрел на даму в соболином мантии. Его испытующий взгляд встретился с неуверенным взглядом ее серо-зеленых глаз. С тяжелым вздохом он положил оба браслета на стеклянную поверхность стола и с необычной для торговца честностью заметил:

— Стоимость этих браслетов трудно оценить, поскольку цена их определяется в основном не содержанием золота, а уникальностью. А я, к сожалению, могу заплатить только за золото.

Лу Бельмонте ничего не ответила, она нервно мяла в руках перчатки. Но ювелир, казалось, и не ожидал ответа. Не отрывая глаз от браслетов, он спросил ее:

— Я не хочу быть любопытным, но поскольку эти браслеты очень и очень древние, мне хотелось бы знать, откуда они у вас?

Дама непроизвольно поправила локон, сползший на лоб, и ответила своим сочным грудным голосом:

— Мой муж привез мне их несколько лет назад с Юкатана.

Ювелир кивнул.

— Я так и думал, но... я не знаю...

Он снова поднял очки и поднес один из браслетов к своим близоруким глазам. Снова прошло какое-то время. Снова осматривал он древнюю драгоценность.

Наконец он показал ей на странные фигурки зверей, которые были выгравированы на золотом браслете.

— Таких фигурок я еще никогда не видел на находках старомексиканского периода... По моему мнению, эти браслеты еще более древние.

— Возможно, — осторожно ответила хозяйка драгоценностей. — Но я хотела бы расстаться с этими браслетами — они принесли мне несчастье. Поэтому я их и продаю.

— Вы должны предложить их знатоку, коллекционирующему такие вещи.

Дама недовольно взглянула на него, а он между тем продолжал:

— Вы видите, я совершенно искренен с вами и не хочу вас обманывать.

Лу Бельмонте слегка повела плечами.

— Очень мило с вашей стороны, но у меня здесь нет никаких связей, и, кроме того, это дело затянется. А мне срочно нужны деньги.

Ювелир снова положил браслет рядом с другим.

— Может быть, мне удастся вам помочь. Я знаю кое-кого, кто был бы счастлив купить эти браслеты.

Лу Бельмонте небрежно махнула рукой.

— Нет, я не могу ждать. И предпочла бы продать браслеты немедленно.

Ювелир едва заметно улыбнулся.

— Этот господин не заставил бы себя ждать. Он был бы здесь раньше, чем мы успели бы оформить сделку. Если я скажу, какие вещи вы предлагаете, он сразу приедет.

Лу Бельмонте испытующе посмотрела на ювелира, но не заметила ничего, что могло бы вызвать подозрение. В глазах старика можно было прочесть лишь немой вопрос.

Заметив ее нерешительность, он показал на кресло, стоявшее позади нее, и вежливо попросил ее присесть.

— Прошу вас! Вам действительно не придется долго ждать.

Старик еще раз скользнул по ней беглым взглядом и исчез в задних комнатах своего большого магазина.

Вместо него вышла какая-то работница и начала возиться в витрине.

С улицы доносился глухой шум. Ювелирный магазин находился на Фултон-стрит, одной из главных магистралей Бруклина.

Лу Бельмонте рассеянно листала журнал.

Прошло несколько минут, ювелир все не возвращался. Она начала беспокоиться и бросила взгляд на застекленный прилавок, где все еще лежали браслеты.

В этот момент у входной двери упала чья-то тень.

Лу Бельмонте повернула голову и увидела, что в обрамленную медными планками большую стеклянную дверь входит человек. Быстро встав, она подошла к прилавку, поспешно схватила браслеты и опустила их в сумочку. Но было уже поздно!

— Работать вместе с Нево, видимо, имело смысл!

На какое-то мгновение ее словно парализовало. Но в следующий момент она быстро обернулась, и в глазах ее засверкали опасные искорки.

Человек не сдвинулся с места и добавил:

— Я хочу вам напомнить о судьбе Глен Дэвис. Она тоже считала, что может нас предать.

Он говорил и не смотрел на нее, — со стороны казалось, что он не имеет к ней никакого отношения.

А она бросилась к двери. Когда, наконец, вновь появился ювелир, она уже выскочила из магазина.

Старик поспешил к витрине и разочарованно посмотрел на улицу.

— Вы дали ей уйти! — выкрикнул он человеку, который продолжал стоять неподвижно. — Вы же из полиции? — спросил он через мгновение.

— Да, — ответил незнакомец и спросил в свою очередь: — Это вы звонили в полицию?

Ювелир в волнении сжал ладони.

— А почему вы, собственно, звонили? — поинтересовался незнакомец.

Седовласый старик вернулся за прилавком.

— Дама предложила мне два массивных золотых браслета, очень редкие вещицы, которые, как я подумал, могли быть украдены из какой-нибудь коллекции. Кроме того, она пыталась поскорее оформить продажу, даже когда я обратил ее внимание на то, что она много при этом теряет.

Он замолчал и взглянул в сторону двери, где появился человек, который удивленно произнес:

— Вы уже здесь, господин инспектор?

Человек, которого называли инспектором, ничего не ответил и снова повернулся к ювелиру:

— Большое спасибо вам за все. Мы займемся этим делом!

Не сказав больше ни слова, оба вышли из ювелирного магазина, а хозяин недоуменно смотрел им вслед. Покачивая головой, он снова посмотрел на улицу, а потом на свою работницу.

— Вы что-нибудь поняли?

Продавщица подошла ближе и тоже покачала головой.

— Нет, — а потом добавила без видимой связи: — Волосы у нее крашеные, а шубка настоящая.

— Вас тоже известили об этом? — спросил чиновник уголовной полиции инспектора, когда они вышли на улицу. — И куда исчезла та дама, о которой шла речь?

— Все в порядке, Моррис. Вам не стоит больше об этом беспокоиться. Эта женщина давно нам известна. Опытная карманная воровка... Она от нас не уйдет, — добавил он тихо.

Петер пригласил всех, кто принимал участие в судьбе его отца. Роньяр сидел рядом с Эвелин Норрис и оживленно с ней беседовал, что, впрочем, было ему свойственно. Рядом с хорошенькой девушкой он чувствовал себя как рыба в воде.

Напротив них сидели д-р Бергер и Хофстраат. Врач рассказывал адвокату об отрицательных результатах всех его попыток вернуть профессору рассудок — он лечил профессора, как только тот возвратился из Мексики.

Последним гостем, которого встретил хозяин дома, был комиссар Альтман. Он тотчас же спросил сухим и не терпящим возражений тоном:

— Вас можно поздравить? — При этом он, хитро улыбаясь, посмотрел в сторону Эвелин Норрис.

Но Петер, смеясь, возразил:

— Подождите еще немного! Но вы можете меня поздравить с благополучным исходом экспедиции.

— Да, вы правы, я не верил в успех. Действительно, не верил.

— Я — тоже! — Хофстраат прервал свой разговор с д-ром Бергером. — Когда сюда пришла телеграмма из Реалеса, все мы буквально онемели.

— Пожалуй, так и было, — вмешался Роньяр.

Петер помрачнел и извинился за отсутствие матери.

— Сейчас она одновременно и счастлива и печальна. Она ни на мгновение не оставляет отца одного, но, к сожалению, помочь ему не может. — И более тихим голосом добавил: — Он никого из нас не узнал.

В наступившей после этих слов тягостной тишине д-р Бергер уверенно сказал:

— Об этом мы еще поговорим позднее. Мне пришла в голову новая идея. Я хотел бы сделать вам одно предложение, господни Тербовен.

Петер кивнул и бросил на доктора благодарный взгляд.

— Д-р Нево нашел свой бесславный конец раньше, чем мы с вами предполагали, и умер такой смертью, которую трудно было предположить. Он был без всяких почестей похоронен на деревенском кладбище Реалеса. Там не было никого, кроме полиции, — рассказывал Петер.

— А что случилось с тем индейцем, который его убил? — поинтересовался Роньяр.

— Он был оправдан. И уже через день мы углубились в дебри леса, к далекому поселку, где Паручо поместил моего отца. Я никогда не забуду того момента, когда я оказался перед отцом. Он сидел на скамье перед хижинкой из листьев и что-то вырезал на палке.

Голос Петера стал тише и мягче — он был очень взволнован. Он неподвижно смотрел перед собой на стол. В комнате царила безмолвная тишина.

— Я хотел с радостью его обнять, но когда он поднял голову и его пустой взгляд скользнул мимо меня, я потерял самообладание. Когда я его окликнул, он пристально посмотрел на меня, потом вернулся к своей работе, — он меня не узнал. Для меня это был страшный миг; я беспомощно стоял рядом и не знал, что делать. Но тут пришел Паручо и отвел отца в хижину.

Петер замолчал. Лишь после большой паузы он продолжил:

— Обратный путь оказался легче, чем я думал. Мой отец безвольно позволял себя вести. Через пять дней мы снова были в Реалесе, где нас с нетерпением ждала Эвелин.

Редактор спросил:

— Теперь меня интересует еще вопрос: что побудило этого Нево снова приехать на Юкатан?

— Старая история — преступника тянет назад, на место преступления, — засмеялся Альтман.

Но Хофстраат покачал головой.

— Я предполагаю, что существенную роль в этом деле сыграли и другие причины.

— И какие же это причины? — спросил Роньяр.

— Может быть, он хотел забрать оставшиеся сокровища, а может, знал и о других.

— Да, но куда же он, собственно, хотел отправиться? Снова — на место раскопок? — спросил Альтман.

Петер утвердительно кивнул.

— Нево хотел заставить Паручо провести его к руинам. Он и не подозревал, что перед ним свидетель его преступления.

— Не будем больше об этом! — воскликнула Эвелин Норрис. — Ведь все это уже позади!

Хофстраат умоляюще поднял руки.

— Прежде чем закрыть папку с делом Нево, мы должны узнать еще кое-что...

Петер прислушался. Неужели чувства его не обманули, и его друг сыграл какую-то роль в этом деле?

— Д-ра Нево, — продолжал между тем Хофстраат, — звали совсем не Нево, а Овен. Овен был агентом одного из американских трестов и имел задание либо доставить изобретение профессора Тербовена в Америку, либо уничтожить его вместе с профессором.

— Невероятно! — недоуменно воскликнул Бергер.

Бергер был хорошим врачом, но все, что выходило за пределы его профессии, мало его интересовало. Он считал, что все устроено идеально, а борьбу за существование он находил, в крайнем случае, в мире животных. Проблемы человечества заканчивались для него там, где начиналось здоровье. Поэтому он тоже удивлялся, слушая объявления Хофстраата, которые, разумеется, поразили и остальных слушателей.

— Да, но откуда вы все это знаете? — Это все, что мог вымолвить Роньяр. Сейчас редактора больше интересовало, какую роль сыграл в этом деле адвокат. Подозревал ли он так или иначе, кто давал Нево задания?

Хофстраат улыбнулся и с готовностью ответил на вопрос Роньяра.

— Только, пожалуйста, не удивляйтесь. Возможно, это покажется вам невероятным, но я в некотором роде был противником Нево по игре! Мое задание состояло в том,

чтоб уберечь изобретение. К сожалению, я не смог предотвратить покушение на профессора.

— Никогда бы не подумал, что вам предназначалась такая роль! — вырвалось у Бергера.

Но Роньяр был любопытен, как может быть любопытен работник газеты.

— А кто вам дал такое поручение?

Хофстраату показалось, что Роньяр зашел слишком далеко. Он сдержанно ответил:

— Есть люди, которые заботятся о том, чтобы такие изобретения не использовались в преступных целях, чтобы они приносили пользу человечеству и науке. Вот они-то и дали мне задание.

Петер порывисто поднялся и, подойдя к Хофстраату, пожал ему руку.

— Спасибо вам. И одновременно я хотел бы попросить у вас прощения за то, что иногда я испытывал некоторое недоверие к вам. Не мог же я предполагать...

— Не надо об этом, господин Тербовен, — ответил Хофстраат. — Ваше недоверие вполне оправданно.

— Но мне хотелось бы вас попросить остаться другом нашего дома и впредь.

— А почему вы думаете, что должно что-нибудь измениться, мой дорогой Тербовен?.. Ведь все мы надеемся на скорое выздоровление вашего отца!

Тут уж врач больше не смог сдержаться:

— А что, дорогой Тербовен, если мы попытаемся вылечить вашего отца с помощью энцефалографа? Как вы к этому отнесетесь?

— А как вы себе это представляете, дорогой Бергер? — спросил Роньяр.

Врач начал рассказывать о своем плане, все внимательно слушали его.

— Вы как-то говорили, что человек не в состоянии противиться тем мыслям, которые внушает ему ваш энцефалограф. Это верно?

Петер кивнул.

— Значит, мы можем навязать вашему отцу определенные мысли.

Хофстраат поочередно посмотрел на всех присутствующих.

— Я не задумываясь предоставляю себя в распоряжение для приема этих мыслей. — А потом добавил со скрытой улыбкой: — У меня же есть опыт в этом деле.

36.

Казалось, что профессор спит, — так спокойно и неподвижно сидел он в удобном кресле, которое оказалось роковым для Нево. В комнате было тихо, слышно было лишь слабое гудение, исходящее от работающего энцефалографа, рядом с которым стоял сын профессора.

Его лицо было напряженным, рука обхватила одну из ручек аппарата.

Д-р Бергер стоял перед профессором, который спал в кресле, и поглядывал то на часы, то на лицо своего друга — некогда подвижное и одухотворенное, а теперь усталое и ничего не выражающее.

Никто не произносил ни слова.

Для Петера эта попытка была решающей.

Бергер, напротив, наблюдал за ходом опыта с непоколебимым спокойствием. Ему, хирургу, часто приходилось стоять рядом с человеком и ждать исхода величайшей борьбы.

Остальные сидели в соседней комнате — Бергер строго-настрого запретил им переступать порог лаборатории. Только госпожа Тербовен была в комнате, где проводился опыт.

На работающем аппарате появилась красная контрольная метка — лента с записанными мыслями кончилась. Петер выключил аппарат и посмотрел на доктора Бергера.

Тот еще раз бросил взгляд на часы. Ближайшие минуты покажут, удался ли опыт.

Пациент не шевелился. Он спал. Бергер наклонился к его лицу. Потом поднял голову и взглянул на Петера. Петер кивнул.

Наступил решающий момент. Бергер мягко погладил профессора по голове — он будил его, возвращая к действительности.

С трудом, словно после глубокого наркоза, пациент открыл глаза. Сначала он бессмысленно смотрел куда-то вдаль, потом его застывший взгляд обрел жизнь. В его глазах появился мягкий свет, свидетельствовавший о возвращении разума.

Затаив дыхание, Петер выжидающе смотрел на отца.

Губы профессора зашевелились. Робко, словно не веря глазам своим, он тихо сказал: «Петер».

Прежде чем сын успел опомниться, госпожа Тербовен с ликующим и счастливым возгласом вскочила со своего места, бросилась к мужу и разрыдалась.

Заметив, что и его глаза наполняются слезами, Петер не знал, как себя вести.

В этот момент к нему тихо подошел Бергер и молча пожал ему руку.

Петер безмолвно кивнул, а врач вышел за дверь, чтобы позвать остальных.

37.

Крыши домов были освещены мягкими солнечными лучами. Солнечные лучи падали в Главную аудиторию, освещая темные деревянные панели и коричневые скамьи, на которых уже сидели бесчисленные поколения студентов.

Переполненный зал гудит, словно потревоженный улей. Делегаты Европейского географического общества, собравшиеся на эту чрезвычайную конференцию, беседуют друг с другом. Сюда прибыли делегаты из многих крупных стран: французы и итальянцы, поляки и румыны, англичане и индийцы, бразильцы и шведы. Европейское географиче-

ское общество уже давно перестало быть только «европейским». Его представители живут в Сиднее, Рио-де-Жанейро, Хельсинки, — общество стало всемирным. Его председатель предоставляет слово профессору Чехину, который сидит в первом ряду с Хофстраатом и профессором Тербовеном.

В зале тишина. Все знают, что это заседание посвящено величайшему изобретению профессора Тербовена и что сейчас Чехин будет рассказывать о борьбе, которую приходится вести науке против темных махинаций тайных капиталистических трестов, чтобы сохранить изобретение для мирных исследований.

Все крупные газеты послали сюда своих специальных корреспондентов. Радио передает в эфир весь ход этой конференции.

Чехин рассказывает, каким бесчестным способом финансовые и промышленные круги пытались заполучить это изобретение в свои руки. «И что эта попытка потерпела неудачу, не в последнюю очередь, является заслугой члена нашего общества адвоката доктора Хофстраата, который, не щадя своих сил, содействовал торжеству правого дела».

Чехин говорит о Петере Тербовене, и снова ручки скользят по бумаге, — так тихо опять становится в большом старинном зале.

А потом за кафедру встает сам профессор Тербовен. Он кажется несколько смущенным. Прежде чем он начинает говорить, снова гремят аплодисменты: международное собрание крупных ученых приветствует и чествует своего знаменитого коллегу. Наступает тишина, и в зале слышится спокойный голос профессора. С первых же слов он привлекает внимание слушателей, перед взорами собравшихся ученых предстают девственные леса Юкатана. Он рассказывает о своей экспедиции, оторвавшей его от изобретения чуть было не навсегда.

Уже три часа говорит профессор Тербовен. За эти три часа собравшиеся ученые узнают не только много фактов из до сих пор не известной древней истории Америки. Они убеждаются, что стоят на пороге новой эпохи в науке. Изо-

бретение Тербовена открывает новую эпоху в развитии исторических и географических наук, и этот необыкновенный доклад, который с величайшим интересом слушали во всем мире, заканчивается бурными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Теперь можно разрешить множество старых нерешенных загадок, и в этом будут принимать участие ученые всего мира. Открытие профессора Тербовена отныне будет служить науке и прогрессу, слава и чествуя достижения человека.

Об авторе

«Г. Л. Фальберг» — псевдоним инженера, ученого-математика Ганса Вернера Фрике (1916 — ?). Работал в ГДР, в пятидесятых годах прошлого века опубликовал ряд научно-фантастических романов с элементами детектива: «Звезды видят все» (1955), «Земля без ночи» (1956) и «Бетатом» (1957); его перу принадлежит также приключенческий роман «Восстание на “Голубой птице”» (1956). С 1961 г. жил в Западной Германии.

Роман «Звезды видят все» был впервые опубликован на русском языке в журн. «Звезда Востока» (№ 10-12, 1970). Текст приводится по этой публикации, заимствованной из открытых сетевых источников.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.